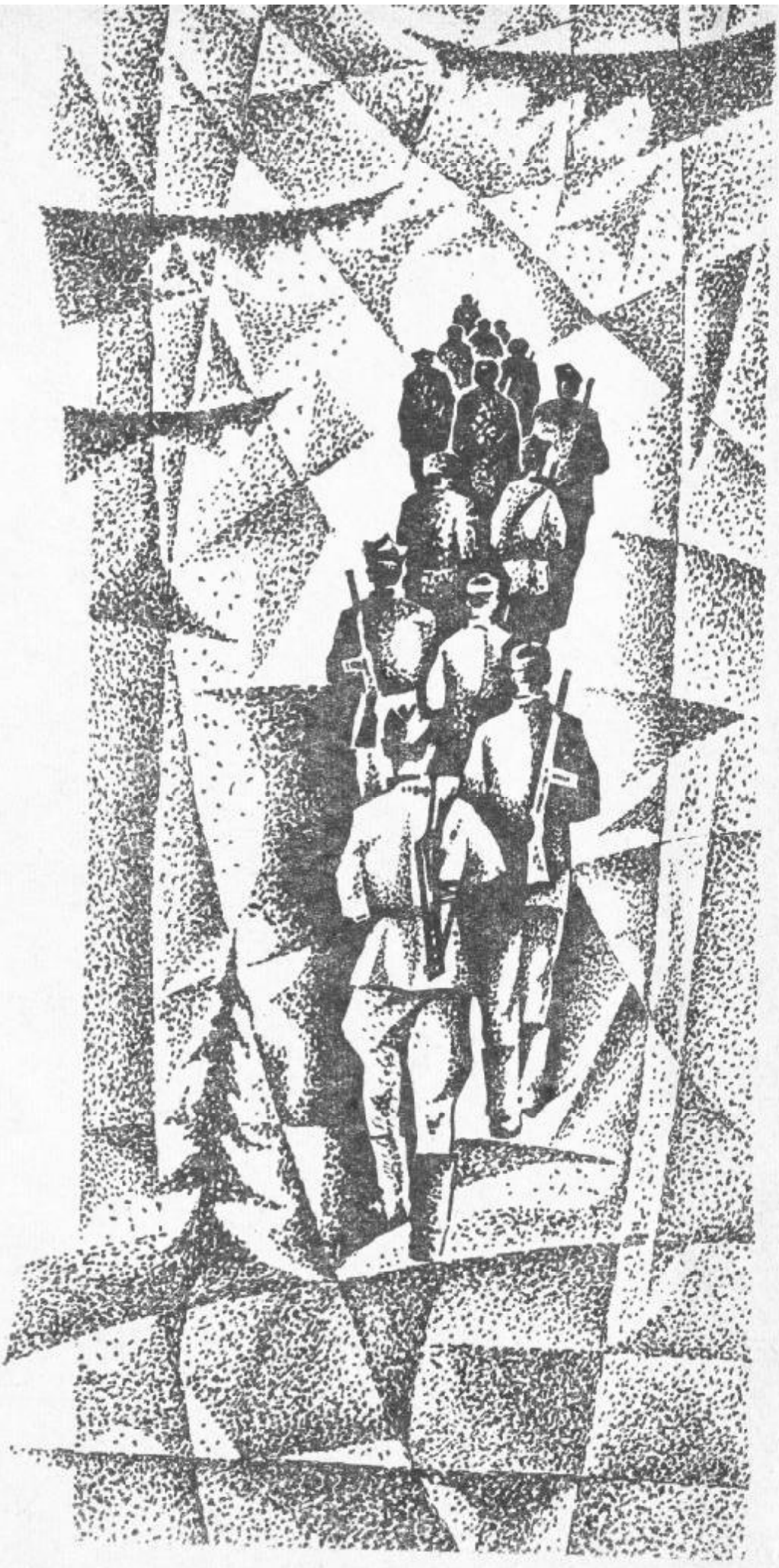

Л. БЕРЕНШТЕЙН

БЕЗ ВИЗ И ПАС-ПОРТОВ

Л. БЕРЕНШТЕЙН

БЕЗ ВИЗ И ПАСПОРТОВ

Ордена
Трудового Красного Знамени
Издательство
политической литературы Украины
Киев — 1973

9(М)72
Б48

В мае 1944 года на территории оккупированной гитлеровцами Польши высадилось десять советских парашютистов. Вскоре группа переросла в партизанский отряд имени Пожарского. В нем сражались против фашистских захватчиков русские и украинцы, поляки и евреи, венгры и болгары, французы и немцы.

Сплотив антифашистов разных национальностей в единый дружный отряд, партизаны осуществили немало дерзких операций, раскрыли секретную базу «ФАУ-2» и направили на нее бомбовый удар советской авиации, в глубоком тылу врага успешно применяли радиоуправляемые мины — ТОСы — для уничтожения важнейших военных объектов.

Литературную запись осуществил *А. В. Русак.*

© Политиздат Украины, 1973

Б0164—156
М201(04)—73

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

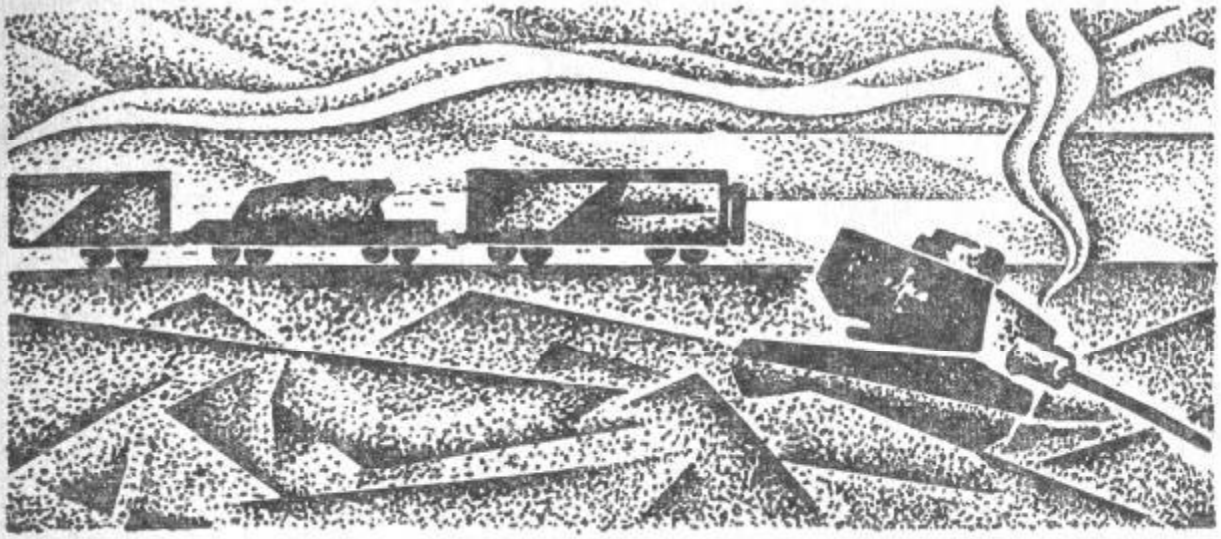
О боевых действиях партизанского отряда имени Пожарского, который сражался с гитлеровскими захватчиками на Украине, в Польше и Чехословакии, говорится в X томе «Всемирной истории», в IV томе «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 годов». Этот отряд отмечен в трехтомном издании «Українська РСР у Великій Вітчизняній війні Радянського Союзу 1941—1945 рр.», а также в мемуарных и исторических работах, вышедших в свет в Польше и Чехословакии. О героизме партизан отряда имени Пожарского упоминает в своей книге «Через Карпаты» министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко.

В предлагаемой книге с любовью и знанием обстановки рассказано о людях партизанского отряда имени Пожарского, об их героических буднях, радостях и неудачах. Повесть представляет особый интерес в связи с тем, что читатель получает дополнительные сведения

об участии многих советских людей в партизанском движении.

Повесть глубоко интернациональна. Она раскрывает истоки боевого содружества советских и польских партизан, правдиво рассказывает о братской дружбе, скрепленной кровью на полях сражений.

Дважды Герой Советского Союза
А. ФЕДОРОВ

ЧЕРЕЗ ИРДЫНСКУЮ ТОПЬ

Декабрь 1943 года...

Советская Армия на многих участках фронта успешно форсировала могучую водную преграду—Днепр. На правом его берегу рухнул оборонительный рубеж гитлеровцев — пресловутый Восточный вал. Только в районе Черкасс фашисты все еще занимали важный плацдарм.

Стремясь помочь советским воинам-освободителям как можно быстрее ликвидировать последний очаг сопротивления противника на правом берегу Днепра, партизанские отряды, действовавшие на этом участке, взяли под усиленный контроль дороги, всеми средствами мешали гитлеровцам совершенствовать свою оборону. Партизаны искусно устраивали засады, нападали на отдельные маршевые колонны противника. Под откос

летели железнодорожные составы, подрывались мосты, нарушалась линия связи. Командование 4-го Украинского фронта ежедневно получало свежие данные о передвижении вражеских войск, и это давало возможность нашей авиации наносить сокрушительные бомбовые удары.

На плацдарме действовали партизанские отряды имени Пожарского, «За Родину», отряд под руководством секретаря Черкасского райкома партии С. Н. Палехи и специальная бригада армейских десантников. Народные мстители получили приказ любой ценой парализовать коммуникации врага, захватить удобные для переправ места и удерживать их до подхода советских войск. Противник, разгадав эти замыслы, начал усиленно атаковать партизанские отряды.

После боевых схваток с карателями партизаны отряда имени Пожарского почти израсходовали запас боеприпасов и взрывчатки. Центр обещал сбросить необходимый груз в условленном районе, но партизанам пришлось отходить: силы были далеко не равные. В отряде оказалось свыше трех десятков бойцов, которые самостоятельно не могли передвигаться; многие с легкими ранениями, получив первую медицинскую помощь, остались в строю.

А хорошо обученные и отлично вооруженные специальные егерские батальоны противника продолжали неумолимо сжимать кольцо окружения. С каждым часом накалялась оперативная обстановка. Все дороги были блокированы. На тропках — заслоны. Чтобы вырваться из вражеского кольца, партизанам оставалось одно — проложить путь через непроходимую Ирдынскую топь.

Отступление — пора предельного напряжения сил: впереди трудные километры, надо не пасть духом и суметь оторваться от наседающего противника. Партизан-

ский отряд имени Пожарского с боями отходил к болоту.

Ночь выдалась холодная. С хмурого неба густо сыпал мокрый лапчатый снег вперемешку с дождем. «Плакали» деревья, кусты, на каждой ветке висели крупные блестящие капли.

Небо озаряли тревожные вспышки ракет. Вдали слышался рокот моторов. Фашистские танки обходили топкую местность.

Партизаны знали: враг до утра не станет наступать в лесу. В их распоряжении была ночь, и они должны были использовать ее, чтобы выйти из окружения. Впереди осторожно заскользили разведчики. Затянутая туманом зыбкая топь дышала гнилью, всхлипывала под ногами, вздрагивала торчащими корягами. Погруженное во мрак болото казалось бесконечным. Оно норовило поглотить горсточку смельчаков, засосать в бездонные ямы. Опасность увеличивалась. То там, то здесь с оглушительным треском рвались мины. Страшно оказаться ночью среди зыбкой трясины, под нарастающим огнем... Но выхода не было, и начальник разведки Андрей Кучеров с отчаянным упорством продолжал искать спасительную тропку.

Первым шел лесник Сергей Мирошниченко, который, хотя и хорошо знал эту местность, уже несколько раз проваливался по грудь в черную жижу. Тогда ему бросали веревку и вытягивали на кочки. Сергей шестом замерял глубину. Когда длинный испытанный шест не скрывался полностью, место метили ветками. Каждый метр топи давался с огромным трудом.

Окруженные, прижатые к кочковатому, поросшему редкими чахлыми сосенками Ирдынскому болоту, партизаны отряда с тревогой ожидали донесений разведчиков. С каждым часом приближался рассвет и таяла надежда на успех. После полуночи на небе появилась

луна, начал крепчать мороз. Гитлеровцы усилили обстрел леса. На восточной опушке они потеснили партизан. Командир отряда Дмитрий Горячий получал донесение за донесением, и в каждом сообщалось о тяжелых потерях и оставленных позициях. А высланная вперед разведка била тревогу: «Дальше идти некуда, трясина... Дальше идти нельзя...»

Впереди трясина. За спиной — наседающие карателя... Что же делать? Время стремительно уходило, а утро не обещало ничего утешительного. Задубевшими от холода пальцами командир попытался было свернуть самокрутку, но ветер смахнул последнюю щепотку махорки. Взгляд невольно задержался на бумаге:

— «Кто там расстраивает ряды? Назад! Только девчонкам можно впадать в панику...

— Молчать!— взвизгнул он вдруг, по-волчьи щелкнув зубами, выхватил маузер, и протестующие возгласы мгновенно застыли на губах.

— Слушать мою команду! Мы будем гатить болото — другого выхода у нас нет».

Дмитрий быстро развернул сложенную «в гармошку» страницу и прочел дальше: «Они работали, сорвав с себя шинели, и сквозь разодранные штаны и рубахи проступали их напряженные, потные, исцарапанные в кровь тела... Лошади, напуганные выстрелами, неистово ржали и вздымались на дыбы; некоторые, оборвав поводья, метались по тайге и, попав в трясину, жалобно взывали о помощи».

«Кто же оказался до нас в таком бедственном положении?»— Дмитрий поднес ближе к глазам влажный листок бумаги: «Последними прошли через гать Левинсон и Гончаренко».

«Да это же «Разгром» Фадеева! Левинсон прорвался через топь, пробился через засаду беляков, и мы

пробьемся! Обязательно пробьемся!» — подумал командир.

Нарастающий грохот боя подхлестывал разведчиков. Выбиваясь из сил, мокрые, продрогшие, но безмерно счастливые, выбрались они на песчаный берег. Среди гнилой топи, над которой даже птицы редко пролетали, партизаны отыскали наконец «прочную» тропинку.

Как ни велика была опасность новой атаки, Горячий все же разделил отряд на две части. Одни, стиснув зубы, рубили деревья, другие самоотверженно сдерживали врага до тех пор, пока их товарищи не соберут настил.

От минометного огня лес жалобно стонал. Осколки срезали ветки, с визгом впивались в кочки.

Стоял приторный запах гари, смешанной с горьковатым пороховым дымом. Партизаны на лошадях волоком подтаскивали сваленные деревья к опушке. Здесь обрубывали ветки, а бревна на плечах тащили в болото. Каждое бревно, каждая доска укрепляли настил. Вскоре оказалось, что не хватает досок. Тогда разобрали последние повозки.

Дмитрий Горячий старался не смотреть на часы, но нежеланный рассвет неумолимо приближался. «Надо оставить на передовой прикрытие»,— подумал он.

Перед самым рассветом каратели перенесли огонь в глубь леса. Люди гибли, но работа не прекращалась. Под непрерывным обстрелом партизаны наконец положили узкий настил, который быстро покрылся льдом и стал скользким.

— Беренштейна к Горячему,— послышались голоса.

— Начальник штаба,— обратился ко мне командир отряда,— мы отходим. Обеспечь порядок на переправе. Покинешь ее последним, вместе с боевым прикрытием.

Бой гремел уже совсем рядом. Усталые люди срывались с качающихся бревен в смрадную жижу, пада-

ли, скошенные осколками и пулями, но молчаливая цепочка партизан, побеждая топь, упрямо продвигалась навстречу рассвету.

Перед самым рассветом к командиру группы прикрытия младшему лейтенанту Ивану Царенко прибежал посыльный:

— Отряд переправился, можно отходить.

Теперь пришла пора переправлять лошадей.

У Андрея Кучерова был послушный жеребец Гай, за которым пошел бы весь табун. Но в последнюю минуту Гая убила мина. И теперь все старания партизан направить к настилу даже самого смирного мерина были напрасны: перепуганные животные вставали на дыбы, обрывали поводья, и, обезумев, бежали, куда глаза глядят.

Тогда Кучеров приказал бойцам гнать лошадей назад. Кони понеслись на позиции немцев. Цокот копыт, неистовое ржание и стремительность, с которой табун под покровом темноты обрушился на вражеских автоматчиков, ошеломили их. Многие солдаты оказались под копытами, некоторые с перепугу забились в укрытия, а танкисты, не разобравшись в обстановке, начали преследовать прорвавшуюся через их позиции «партизанскую кавалерию». Пока гитлеровцы опомнились, партизанское прикрытие успело оторваться от преследователей и заминировать настил.

На рассвете фашисты обнаружили партизанскую переправу. Цепочка немцев поползла по зыбкому настилу. Балансируя на скользких досках, десятка три фашистов во главе с гауптманом медленно приближались к противоположному берегу. В наступившей тишине отчетливо слышался осторожный стук сапог, подкованных острыми шипами...

Внезапно Царенко дал длинную очередь из ручного пулемета. Трассирующие пули светлячками метнулись

во мглу. С настила в ответ застрочил вражеский пулемет, залились автоматы. Тогда Царенко плавно повернул замыкатель. Огненный факел вспыхнул в тумане. Жалобно застонало болото. Бревна, доски, липкая грязь вместе с карателями шумно взлетели в зимнее небо.

Когда вдали замерло глухое эхо взрыва, Иван еще раз повернул замыкатель. Красно-лиловая вспышка выхватила из тумана болото, швырнула в лица партизан колючий, словно хвоя, снег. С деревьев посыпались звонкие сосульки.

Тяжело взметнувшаяся вода осела, затихло эхо последнего взрыва. Царенко поднялся. Стряхнул с шинели мокрую грязь. Страшная усталость сковала тело, очень хотелось есть. Он взглянул на ребят:

— Пошли!

Прорвавшись к Днепру, мы установили связь с другими отрядами, а затем совместно с бригадой десантников захватили переправу.

Понимая, что захваченный плацдарм будет использован для развертывания наступающих советских войск, гитлеровцы стали подтягивать танки, бронетранспортеры и артиллерию.

Партизанские разведчики связались с нашими артиллеристами. Первые снаряды легли вблизи танков с черно-белыми крестами. Наблюдатели скорректировали огонь, и гвардейцы обрушили на фашистские танки огненный ураган.

Вражеская атака захлебнулась. Деревянные кресты вместо железных получили баварцы и саксонцы на берегу Днепра. Переправу мы удержали и помогли наступающим частям Советской Армии форсировать Днепр.

...А фронт, завывая и грохоча, стремительно катился за Днепр.

Ф. Похилько,
комиссар отряда. 1941 г.

После освобождения Черкасс Дмитрию Горячему и комиссару отряда Ивану Жилину по состоянию здоровья пришлось оставить ряды партизан.

Штаб партизанского движения фронта предложил мне укомплектовать и возглавить разведывательно-десантную группу для действий в тылу врага. Из тысячи пожарцев [1], соединившихся с частями Советской Армии, я должен был отобрать тех, кого хорошо знал по подполью, с кем не раз ходил в разведку, взрывал воинские эшелоны и мосты, кому полностью доверял.

[1] Архив Киевского обкома КПУ, ф. 5, оп. 2/6, д. 94, Л. 44.

Эти люди должны были отлично знать свою военную специальность, четко выполнять приказы, в любой момент идти на выручку товарищу, попавшему в беду, словом, быть смелыми и находчивыми. Я не имел права ошибиться ни в одном человеке.

Комиссаром группы был назначен Филипп Петрович Похилько — в прошлом кадровый офицер. В нашем отряде он успешно командовал взводом. Партизаны уважали его за ум, душевность и справедливость.

Известно, что хороший радист — залог боевого успеха. Можно собрать самую ценную информацию о противнике, но вовремя не суметь связаться с Центром, и она потеряет свое значение.

Я хорошо знал комсомольца Анатолия Гузанова, и он с удовольствием принял мое предложение стать радистом отряда.

Партизанский врач Леонид Ревенко поражал всех богатырским ростом. Добрые глаза, медлительная, уверенная походка, мягкая неторопливая речь — все это располагало к нашему лекарю. Мы уже знали по опыту — в нужную минуту он становился агитатором, санитаром, поваром, а в походах был выносливым солдатом.

Разведку возглавил Андрей Кучеров. Еще не было случая, чтобы разведка, которой он руководил, не давала нам достоверную информацию.

Ивана Григорьевича Кабаченко я знал по подполью на станции имени Т. Г. Шевченко. У Горячего он командовал взводом и был представлен к званию Героя Советского Союза. Кабаченко отличался оперативным мышлением и вполне подходил на должность начштаба.

Командирами двух будущих разведывательных групп стали Михаил Имас и Михаил Данильченко — люди совершенно разных характеров, но они дружили крепко, по-мужски и воевали со смекалкой. Третью разведыва-

Партизаны отряда им. Пожарского.
Слева направо: В первом ряду: Ф. Похилько, Л. Беренштейн, М. Данильченко, В. Павленко, А. Лунева, А. Гузанов; во втором ряду: М. Имас, Л. Ревенко, И. Кабаченко, И. Царенко, А. Кучеров. Май, 1944 г.

тельную группу возглавил двадцатишестилетний младший лейтенант, моряк-коммунист Иван Царенко.

Когда возник вопрос о названии нашей группы, единодушно решили сохранить прежнее наименование отряда и пользоваться своими старыми партизанскими прозвищами. Так, Михаила Имаса за пшеничную бороду прозвали Белый, Михаила Данильченко — за густую черную — Черным, меня — Володей.

Несмотря на различие характеров, «девятка» составляла дружный коллектив. Нас объединяла беспредельная любовь к Родине, ненависть к оккупантам, желание отомстить за погибших друзей. Мы горячо верили в наше правое дело и победу и считали своим священным долгом бороться с фашизмом всюду, куда бы нас ни направила Отчизна.

Мы догадывались, что полетим в тыл врага, что придется воевать в новых и необычных условиях. Знали — будет трудно. Поэтому не теряли времени. Наша группа с усердием принялась за учебу. С секретами партизанского мастерства нас знакомили люди, которые имели солидный боевой опыт и провели много месяцев в тылу противника.

Учеба в Мелитополе возвращала нас к далекому мирному времени — ежедневные газеты, кино, библиотека! Можно свободно ходить по аллеям парка, по улицам города, не надо с опаской осматриваться по сторонам, не появится ли ненавистная зеленая шинель.

Затаив дыхание, я смотрел как из полуразрушенной школы высыпала радостная детвора. Пусть дети одеты в латаные ватники и дырявые ботинки и не у каждого в руках тетрадь и книжка. Пусть школа работает в две смены. Но ребята слушают родную речь, и они снова в красных пионерских галстуках. В школьном здании звучал хор. И мне неожиданно вспомнились давно запавшие в душу стихи:

Подымает песню
На голос отряд.
И выходит песня
С топотом шагов
В мир, открытый настежь
Бешенству ветров.

Командование готовило нас по весьма насыщенной программе. Для всех был обязателен комплекс военных

знаний — минное дело, опознавательные знаки боевой техники, ориентирование на местности, стрельба из разного оружия, преодоление минных заграждений, колючей проволоки, приемы самбо и бокса, оказание первой медицинской помощи, способы захвата «языка». Радисты детально изучали радиостанцию «Север». Начальник штаба, начальник разведки и я часами просиживали над картами, выполняя учебные задания; комиссар готовил политинформации, учился оформлять «Боевой листок», командиры разведгрупп на тренировочном манеже осваивали технику нападения на часовых.

Пока мы учились, на фронте происходили существенные перемены.

В начале 1944 года войска четырех украинских фронтов перешли в наступление. Гитлеровцы были разгромлены в Корсунь-Шевченковском котле. Они потерпели поражение также под Житомиром и Бердичевом, Кировоградом, Ровно и Луцком, Никополем и Кривым Рогом. В начале марта три украинских фронта почти одновременно возобновили боевые действия в полосе от Луцка до устья Днепра. История войн не знала еще примера наступления такой огромной массы войск в условиях весеннего бездорожья.

В итоге боевых действий в марте и первой половине апреля Советская Армия нанесла новое сокрушительное поражение фашистам и очистила от оккупантов 329 тыс. кв. км советской земли, где до войны трудилось 19 млн. человек, восстановила на протяжении 400 км государственную границу СССР и заняла северо-восточные районы Румынии.

Советские войска готовились к новому наступлению. Эшелоны спешили на запад: оружие, боеприпасы, техника, медикаменты, военное снаряжение, новые воинские подразделения подвозились днем и ночью как можно ближе к притихшему фронту.

Во второй половине апреля наша группа закончила занятия и вошла в подчинение Штаба партизанского движения Первого Украинского фронта.

Однажды вечером «девятка» собралась на прощальный ужин. Было грустно покидать зацветающий черешнями Мелитополь. После получения приказа все сразу как-то стали собраннее.

Теплым апрельским днем закончилось формирование состава. Сипло загудел паровоз, звякнули буфера, вагоны вздрогнули и покатились. Пункт назначения — прифронтовой окруженный лесами городок.

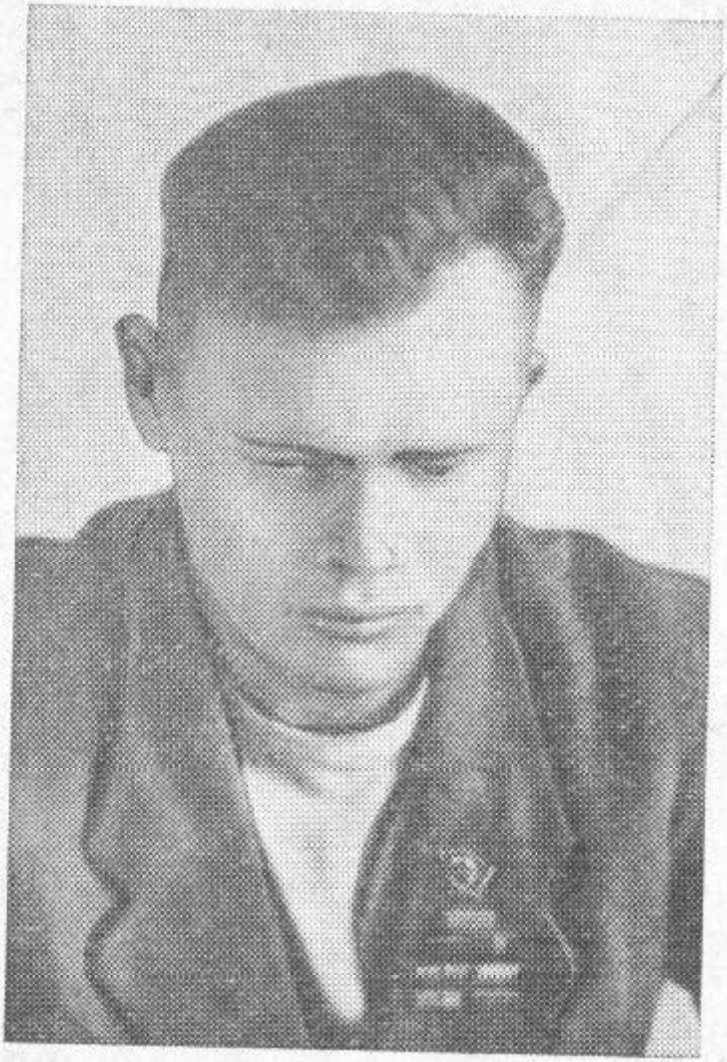
Мы ехали в Славуту. Хотелось попасть на станцию имени Т. Г. Шевченко, где в прошлом находились в подполье. В тех местах остались наши близкие, друзья и товарищи.

Наш состав значительно отличался от своих воинских собратьев. Люди носили не только военную форму, но и гражданские костюмы. В русскую, украинскую речь вплеталась польская, словацкая, румынская, венгерская...

У открытой двери вагона, облокотившись на поперечную доску, стоял Иван Царенко. Подставив весеннему солнцу скуластое смуглое лицо, он прищуренными карими глазами смотрел вдаль. Мимо проплывали сожженные села, вспаханные недавними боями поля. У железнодорожной насыпи чернели бомбовые воронки. Под откосом валялись обгорелые немецкие танки, разбитые грузовики, легковушки, искалеченные орудия. Родная земля! Сколько ран на твоем теле...

Царенко начинал войну на Балтике младшим лейтенантом, потом добровольцем пошел в спецбригаду балтийцев — стал пехотинцем, но с матросской тельняшкой не расставался.

Под Кировоградом бригада попала в окружение. Многие товарищи погибли. Ивану удалось вырваться

И. Царенко,
разведчик, 1944 г.

из вражеского кольца, проложить штыком и гранатой путь к партизанам. Это был человек большой храбрости. «Морская душа»,— с уважением говорили о нем партизаны.

...Вдоль насыпи тощая коровенка тащит плуг, впереди шагает босоногий худенький мальчик в солдатской потрепанной гимнастерке. За плугом, помогая корове, идет женщина. Кривая, мелкая борозда чернозема блестит под апрельским солнцем. Мальчик останавливается, радостно машет ручонкой, приветствуя воинский состав.

Иван Царенко бросается к вещмешку, хватает банку свиной тушенки и мигом оказывается у двери.

— Мальчик! Лови! — кричит он.

Банка консервов полетела из вагона.

Маленький пахарь поднял подарок. Вдогонку понеслось тоненькое:

— Спа-си-бо!

Поезд уходил все дальше и дальше, а мальчик все махал нам ручонкой.

— Володя,— сказал Царенко,— ты не находишь, что хлопчик похож на Кима?

С Кимом я познакомился летом 1943 года. Это случилось так. Десантная группа «За Родину» уже находилась за линией фронта, когда бойцы вдруг заметили, что в хвосте самолета что-то шевелится. Среди парашютно-десантных мешков со взрывчаткой, оружием, боеприпасами пытался поудобнее устроиться мальчик лет двенадцати. Десантники видели его на аэродроме среди авиамехаников. Мальчик помогал им готовить самолет к рейсу.

— Ким Царьков! Как ты оказался здесь? — спросил командир самолета.— Был бы я твоим отцом...

В глазах Кима была такая мольба, что суровый командир оборвал фразу.

— Нет у меня отца. И матери нет. В Ленинграде погибли. Я хочу на фронт!

— Фронт, дружище, далеко позади. Мы летим над землей, занятой врагом.

Партизаны оставили у себя смелого «зайца».

А однажды, когда отряд имени Пожарского расположился вблизи отряда «За Родину», ко мне подошел командир и предложил:

— Возьми с собой в разведку нашего «зайца». Неплохим помощником будет. Парень с головой, и смелости ему не занимать.

В тот день нам предстояло пройти тридцать километров. В пути Ким впервые увидел гитлеровцев. Они ехали на автомашинах: одни горланили песни, другие — те, что в санитарных грузовиках,— молчали: им было не до песен. На проселочной дороге показалась повозка с полицейскими. Мальчик никак не мог смириться с тем, что дядя Володя приветливо улыбается полицаям, доброжелательно разговаривает с ними, дает закурить. Ким просил меня расстрелять их из пистолета, а я твердил ему:

— Запомни, наконец,— ты живешь в Черкассах. Отец — фольксдойче, отпустил тебя со мной — коммерсантом — в город. Идем мы к знакомым. Не гляди волчонком, поласковей будь. Врага бьют не только силой, но и хитростью. А нам без нее воевать невозможно.

В знойном небе проплывали белые-белые, удивительно мирные облака, тихо шелестели поспевающие хлеба.

Село Терновка утопало в зелени садов, манило краснобокими яблоками и янтарными грушами. Здесь мы решили передохнуть. И надо же такому случиться: в хату, где мы остановились, ввалился местный староста — здоровый мужик, с синим носом, в глазах пьяная муть. С порога он набросился на Кима:

— А ну, хлопец, расскажи, куда тебя леший несет в такую жарищу?

Ким решительно шагнул вперед, уверенно поздоровался по-немецки, представил меня как сотрудника австрийской фирмы. Староста виновато заулыбался, похвалил мальчика за расторопность, но у меня попросил аусвайс — паспорт. Документы были в порядке.

— Это хорошо, что работаете на наших благодетелей-немцев, они наши друзья. Смотрите, не напоритесь на партизан,— предупредил староста,— они шастают здесь. Вчера двух моих парней подстрелили.

— Спасибо за добрый совет. Мы пойдем по большаку. Не напоремся.

На станции имени Т. Г. Шевченко юный разведчик приступил к выполнению первого задания. Побродил у вокзала с котелком, добыл кипятка, заметил, с какими грузами прибыли составы.

Потом Ким выполнял более сложные поручения — из лесу доставлял магнитные мины на станцию имени Т. Г. Шевченко, где действовали наши подпольщики, руководимые опытным конспиратором Петром Яковлевичем Хижняком. Этот волевой человек служил в 4-й дивизии НКВД. Когда, взорвав мосты, чекисты последними оставляли Киев, Хижняк попал в окружение. Временные неудачи не сломили его железного характера, и Петр Яковлевич включился в активную подпольную борьбу. Его храбрым помощником и другом был Тышкевич Ромуальд Владимирович.

Доставленные на станцию мины прятали в надежном месте в будке слесаря Сергея Косяченко, которая находилась рядом со зданием жандармерии. Но однажды к нему заглянул Поликарп Калиниченко, работавший шофером у коменданта станции. Он принес тревожную весть:

— Сергей, я в машине слышал, как комендант сказал своему помощнику: «Готовь облаву и не забудь заглянуть в будку, где фонари ремонтируют». Комендант говорит, что он за сто километров чует дух партизана.

Сергей растерянно спросил:

— Куда же девать маломагнитные мины? Их ведь только что принесли из лесу.

— А знаешь, раз комендант за сто километров партизана чует, давай я спрячу их в багажник комендантской машины.

— Самое подходящее место,— согласился Сергей.

Даже самому опытному гестаповцу не могло прийти в голову искать в багажнике комендантской машины такое грозное оружие.

Частенько заглядывал в будку слесаря Косяченко и Ким. Отсюда хорошо было вести разведку. Но лучше всего все видно из гаража подпольщика Поликарпа Калиниченко.

В двенадцать лет, когда в сердце кипит ненависть к врагам и больше всего на свете хочется собственноручно расправиться хоть с одним из них, в голову приходят отчаянные мысли. В потайной стене гаража Поликарп Калиниченко хранил взрывчатку. В запасной двери гаража было продольное сквозное отверстие, напоминавшее маленькую бойницу. Однажды, войдя в гараж, Калиниченко растерялся: Ким лежал на ящике и целился из пистолета.

— Что ты делаешь? Зачем взял без разрешения оружие?

Ким серьезно ответил:

— Ищу большого фашиста, чтобы убить его. Их здесь много.

Поликарп готов был выпороть Кима.

— Разве так можно? Убьешь одного, узнают, откуда стреляли. Схватят тебя, партизанский склад обнаружат. Эх ты, герой! Думать надо хорошенько. А мы тебя считали серьезным парнем.

Пришлось Кима наказать — отправить в лес, к партизанам.

* * *

...Каждый из группы отлично знал железную дорогу, по которой шел воинский состав, увозивший нас на запад. Кровавые дороги войны врезались в нашу память на всю жизнь. В этих местах каждый лесок, балочка, перегон могли рассказать о многом.

Вечером состав подошел к разъезду Яблоновка. Буквально в двух-трех метрах под откосом лежали изуродованные взрывом вагоны гитлеровского эшелона: «Да

ведь это наша с Иваном Кабаченко работа»,— вспомнил я.

Ночь тогда выдалась теплая, чернильно-темная. К полотну подошли за полночь. Без шума сняли полицейский патруль. Саперной лопатой вырыли ямку, осторожно положили мину. Остался пустяк — от взрывателя вывести проводок на рельс, чтобы состав колесами замкнул электросеть. Тишь, темнота. Сердце билось гулко и часто. Но вот послышались чьи-то мягкие шаги. Кто-то шлепал босыми ногами, шел легко, почти беззвучно. «Что делать?» — мелькнула мысль.

Отходить поздно, бросить мину — это уже совсем не годится. Осталось одно —лежать у насыпи. Руку Ивана Кабаченко придавила чья-то босая нога. Он схватил прохожего и перебросил через себя. К нашему удивлению им оказалась крестьянка, спешившая на базар. Женщина так испугалась, что только после взрыва эшелона пришла в себя и поняла, почему ее задержали.

На станции Знаменка Филипп Похилько скупил последние номера «Правды». Мельком пробежал сообщения Совинформбюро: во всех номерах газеты они заканчивались словами: «На фронте существенных изменений не произошло».

«Затишье перед большим наступлением. Куда же нас пошлют?» — комиссар много раз задавал себе этот вопрос, но ответа не находил. Ему очень хотелось попасть поскорее в Германию, бить фашистов в их собственном логове. А может быть, пошлют нас в Польшу? В Чехословакию? Скорее всего в Румынию, ведь среди нас есть человек, отлично владеющий румынским языком.

Пока Похилько размышлял, подставив лицо ласковому солнцу, возвратился со станции Михаил Имас и сообщил:

— Товарищ командир, в Знаменке застряли...

В то тревожное время это было обычным явлением.

Дело в том, что советские войска готовились к новому наступлению. К фронту беспрерывным потоком направлялись эшелоны, шедшие по строгому графику. В первую очередь — составы с живой силой и техникой, боеприпасами и вооружением, а все остальное — по неписанным законам войны.

Я остановился у вагона радисток. Они направлялись в распоряжение штаба партизанского движения при 1-ом Украинском фронте. Девушки наслышались об отряде имени Пожарского и тайком одна от другой обращались ко мне с просьбой принять в группу. Не просила лишь одна — Шура Лунева.

На станции Знаменка Шура помчалась на вокзал за кипятком. Возвращаясь, засмотрелась на состав с самолетами и столкнулась со мной. Облила кипятком и растерялась. Так мы разговорились. Долго ходили, беседовали.

...А вот и станция имени Т. Г. Шевченко. Наш эшелон тепло встречали родные, друзья. Пришли люди, хорошо знавшие нас по подполью и партизанскому отряду. Как только к перрону приблизилась наша теплушка — сразу лихо заиграли гармонисты, в воздух полетели шапки, замелькали косынки. Такой искренней радости и веселья давно не видела станция.

— Володя, ты жив, здоров? — протискиваясь сквозь толпу, кричал чернобровый красавец Сергей Косяченко.— Недавно все разрушал, а сейчас все восстанавливаю, грузовики ремонтирую. Смотрите, как станцию отстраиваем!

Я поискал глазами Поликарпа Калиниченко. Пришел ли хозяин гостеприимной партизанской хаты? Сколько товарищей по борьбе приютил он, накормил, обогрел, помог уйти в безопасное место! Вот он, наш скромный Поликарп! Стоит себе в сторонке, и рядом с ним его миловидная и отважная жена.

— Поликарп! — кричу.— Как ты живешь? Иди сюда, дорогой, расскажи!

Мы обнялись.

— Ничего, живу, Володя, вот строю дом, даю войску пополнение. У меня четвертый сынок родился.

Михаила Данильченко плотным кольцом окружили родственники. Мать не сводила с него глаз.

— Сыночек, а у нас яблони зацветают. Жду тебя, родной мой Мишенька. Господи, а борода у тебя какая! — и она натруженной старческой рукой смахивала набежавшие на глаза слезы.

К нам пришли знакомые железнодорожники. На перроне наперебой звенели и гудели голоса, еще сильней ударили плясовую гармошки. Сколько радостных улыбок, пожеланий, напутствий!

— Ты же смотри, сынок, пиши... мы ждем...

В теплушку полетели первые весенние цветы.

— Мы вам путь к победе устилаем...

И снова наперебой заливаются гармонисты.

— Круг, ребята, шире круг!

Иван с Белым принялись отплясывать «яблочко».

К веселившимся подошел коренастый, хорошо сложенный шатен. Офицерская гимнастерка без погон, галифе, хромовые сапоги, отличная выправка незнакомца — все это говорило, что он имеет прямое отношение к армии. Остановился, словно налетев на невидимую преграду, радостно вскрикнул:

— Так это же пожарцы!

Первым узнал его Имас.

— Зигмунд! Здравствуй! — Михаил обнял и расцеловал своего боевого друга.

Зигмунд Жулковский был жителем города Лодзи. Для него война началась в сентябре 1939 года. Фашисты шквальным артиллерийским огнем смяли его роту. Зигмунд вместе с семьей попал в концентрационный ла-

герь. Двух дочерей и жену гитлеровцы отправили в печь крематория, а его с группой неблагонадежных офицеров «откомандировали» в душегубку.

Когда захлопнулись железные дверцы, Зигмунд смочил мочой носовой платок, закрыл им нос и дышал, пока не потерял сознание.

Из душегубки трупы выбросили в каменный карьер. Ночью капитан Жулковский пришел в себя и выбрался из кучи мертвецов. Польские подпольщики подобрали обессилевшего Зигмунда. Потом он попал в немецкий строительный батальон и оказался в Кировоградской области.

Вместе с другими поляками, работавшими в лагере для строителей, Жулковский установил связь с подпольщиками и попросил помочь им перейти к партизанам. С помощью местных подпольщиков поляки перебили охрану, захватили склад с оружием, погрузили автоматы, винтовки, гранаты на две автомашины и пригнали их в лес.

После соединения с частями Красной Армии, поляки изъявили желание воевать в дивизии имени Тадеуша Костюшко, сформированной на территории СССР.

И вот радостная встреча. Нашлась бутылка водки, граненый стакан, краюха хлеба с добрым куском сала.

— За освобождение Польши! За нашу дружбу! За твое, Зигмунд, скорейшее возвращение на Родину!

Пронзительный свисток паровоза возвестил: «Пора-а-а! В дорогу-у-у!». Звякнули буфера.

— Встретить бы мне вас, боевые друзья, в Польше...— Зигмунд бежал рядом с вагоном,— До встречи! Где-нибудь в Польше мы еще ударим «яблочко»!

ПРОДОЛЖЕНИЕ БОЕВОГО ПУТИ

В январе 1944 года Красная Армия освободила от гитлеровцев маленький украинский городок Славута. Он был удобен для разведчиков, которые ищут место рядом с фронтом, но стремятся оставаться незаметными.

Здесь обосновались армейские тыловые подразделения, госпитали, склады и штаб партизанского движения.

Комендант города Герой Советского Союза капитан Войнов неизменно напоминал патрулям: подчиненных начальника штаба партизанского движения не трогать, хотя они и нарушают правила ношения формы, ходят в гражданских костюмах, венгерках, щеголяют в трофейных сапогах. Капитан знал: эти парни находятся здесь временно и вскоре вновь полетят в тыл врага.

Вскоре прибыли новые группы партизан и понадобилось дополнительное помещение. Войнов вместе с ефрейтором-ординарцем обошел свои апартаменты и решил поместить их в комендатуре — одноэтажном каменном доме, стоявшем на берегу озера, окаймленного плакучими ивами.

Утро 1 Мая было теплым и солнечным. По радио звучали торжественные марши. Москва готовилась к празднику.

Это был наш последний праздник, который мы отмечали на Большой земле. Может быть, поэтому он прошел особенно весело.

А вскоре после первомайских дней меня пригласили в штаб и вручили накладные на получение имущества и вооружения. Такой момент десантники называли «последним звоночком».

У входа в армейский склад — добротный сарай из толстых сосновых досок — спокойно дремал на ящике похожий на могучего борца старшина.

— Здорово, служивый,— сказал Михаил Имас.

Старшина приоткрыл глаза и, не шелохнувшись, процедил сквозь зубы:

— Привет. Начальства нет, ничего не получите! Привет!

Только часа через два пришел пожилой, седоволосый капитан. Он придирчиво рассматривал документы, долго звонил кому-то по полевому телефону, затем не спеша полистал засаленные страницы толстой книги, вписал туда номера накладных и сказал:

— Ладно. Выдам все. Вы — люди серьезные, коль так основательно экипируетесь. Знать, надеется на вас командование и пошлет, видно, туда, где жарко.

— Дело предстоит важное, но где — не знаем,— доверительно сказал Михаил.

— Где б оно не предстояло, никогда не спеши. А там особенно сохраняй выдержку. Тебе еще предстоит потопать по Европе, пока до Берлина дойдешь. Фашисты за Карпаты уцепились. Не выдержали нашего удара на равнине. Ну, это ничего. Грива не удержала, хвост не спасет!

Обмундирование выбирали тщательно, придирчиво осматривали каждую вещь, особенно трофейную. Подгоняли по росту мундиры, подыскивали недостающие знаки отличия. После Корсунь-Шевченковского разгрома гитлеровского обмундирования хватало. Гражданской одежды оказалось значительно меньше. К вечеру экипировку закончили. Получили два новеньких ручных пулемета, автоматы, карабины для бесшумной стрельбы, пистолеты, взрывчатку, две портативные радиостанции с запасом питания, различные мины, сухой паек.

До вылета осталось три дня, и мы осваивали технику десантирования. На аэродроме молоденький светловолосый лейтенант-инструктор обучал нас нехитрому, но рискованному делу.

После второго занятия лейтенант проверил подгонку парашютов, мелом на брезентовых чехлах поставил номера, попросил нас запомнить их.

— Я рассказал вам о «секретах» парашюта. Если у кого есть вопросы, постараюсь дать самые подробные ответы. Однако все зависит от вас. Побольше выдержки и поменьше волнений. Да, чуть было не забыл... Существует такая примета,— шутливым тоном добавил инструктор,— улетающие в тыл врага дарят пилотам ну, скажем, голубя, петуха, даже кролика. Говорят, это залог успешного возвращения.

И вот со дня на день ожидаем приказа о вылете. Всех волнует вопрос — куда? Михаил Имас тянется в Молдавию. Он родился и вырос в Бендерах, там остались его товарищи и друзья. Михаил Данильченко верит: полетим в Германию. Почему туда? Михаил рассуждает так: Германия — главное направление, а опытных разведчиков командование посылает на ответственные участки — значит, в Германию. Радист Анатолий Гузанов спрашивал:

— Где можно больше всего насолить нацистам?— и, как обычно, не дожидаясь ответа, пояснял:— В их собственной берлоге. Вот мы и двинем в Германию.

Комиссар где-то раздобыл польско-русский разговорник и заучивал фразы: «Как пройти в деревню? Где железная дорога?..»

— Филипп Петрович, ты думаешь, что мы полетим в Польшу?

Комиссар закрывает справочник.

— Командир, посмотри внимательно на карту. Ты видишь, фронт застыл под Бродами. В Карпаты летит группа за группой. Командованию нужны точные сведения о главном направлении.

Каждый с тайным волнением ожидал вызова коман-

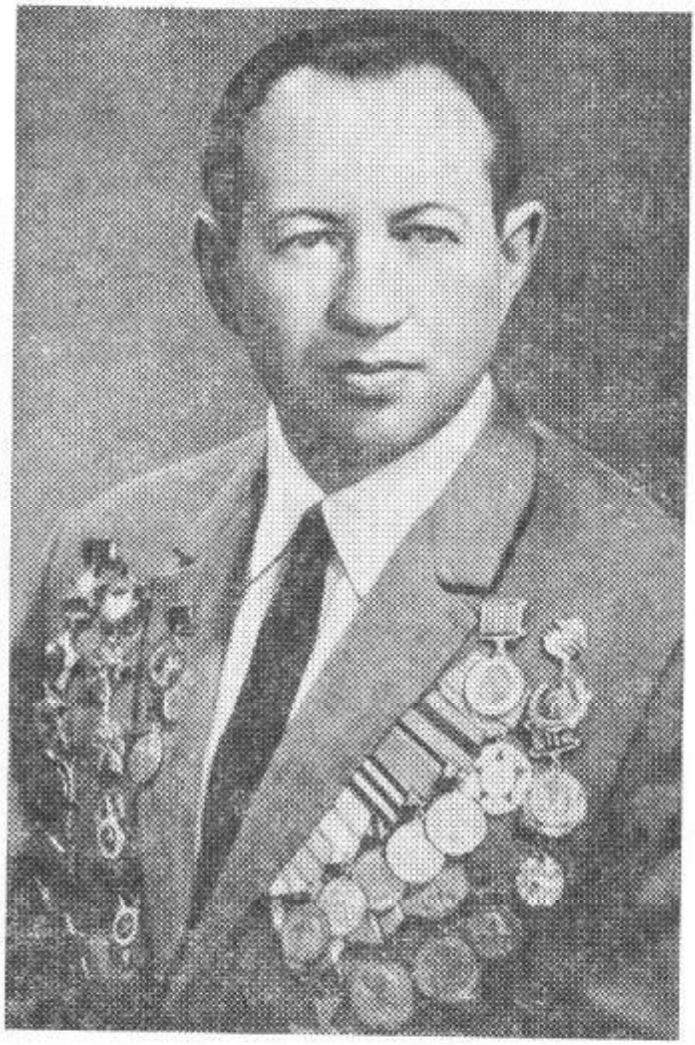
дира отряда в штаб. Там, только там решали — кому, куда и когда лететь.

И вот я, командир отряда, у начальника штаба. Он любезно встретил меня, справился о здоровье и настроении.

— Так вот, лейтенант, решено... Полетишь в Западную Украину. Не исключено, что придется действовать в Польше. Направление главного удара нашего фронта — западные области Украины, Польша, Чехословакия. На территорию Польши вышли соединения партизан. Они направляются в Яновские и Билгорайские леса. О вашем районе приземления штаб располагает скудными сведениями, полученными от польских товарищей. Кое-что узнали от разведчиков, но точной информации нет.— Подполковник подошел к карте, висевшей на стене, и показал карандашом маленький зеленый пятачок.— Место высадки десанта — горно-лесистый массив Восточных Карпат. Там гитлеровцы накапливают резервы, туда стягивают технику, подвозят боеприпасы, создают склады, оборудуют полевые аэродромы. Мы должны иметь достоверную информацию о замыслах врага. Послали туда уже четыре группы, но связи с ними пока нет. Твоя «девятка» — последний резерв. В твою задачу, лейтенант, входит оказание помощи местным партизанским отрядам, детальная разведка указанного района и, как результат,— удар по железным дорогам Перемышль — Львов — Борислав.— Подполковник долгим, оценивающим взглядом посмотрел на меня.— Задание, конечно, сложное, но группа у тебя хорошо подготовлена. Командование доверяет вам и надеется на успех.

Подполковник открыл сейф, взял в руки синюю папку. Раскрыл ее:

— Беренштейн Леонид Ефимович... На фронте с июня 1941 года. Был ранен, попал в окружение. В Смелянском районе организовал подпольную группу, кого-

Л. Е. Беренштейн. 1972 г.

рая в составе двадцати человек влилась в партизанский отряд имени И. В. Сталина... До соединения с частями Красной Армии находился в партизанском отряде имени Пожарского в должности начальника штаба отряда... Будучи старшим группы минеров, пустил под откос восемь эшелонов противника... Хорошо... Даже очень хорошо...— Подполковник полистал бумаги.— Так... радисты Анатолий Гузанов и Александра Лунева.— Он прочитал про себя их характеристики и закрыл папку: — Хорошие люди, не подведут. Ну что же, хочу вам сказать три последних слова: желаю, верю, надеюсь.

...Приказ о зачислении Шуры Луневой в нашу группу

обрадовал девушку. Она получила должность второго радиста и помчалась проститься с подружками. Возвращаясь в отряд, Шура медленно шла через рощу. Березы светились ровным, удивительно мирным светом, их зеленые сережки плавно раскачивались на ветру и загадочно шептались. Девушка остановилась под могучей березой. Стая грачей шумно поднялась в синеву неба.

Шура прислушалась к таинственному шороху. Что это, дождь? Посмотрела на крону дерева. Береза «плакала» душистыми слезами, которые падали с изумрудно-зеленых листков. «Березовый дождь — к счастью»,— вспомнила Шура давно прочитанную легенду. Человек, который услышал этот дождь, может загадать любое желание, и оно обязательно сбудется. «Милая, хорошая березушка, помоги нам возвратиться к тебе после победы!»

Дышалось легко, хотелось петь. Забылась война, тревоги и заботы, связанные с приготовлениями к полету. Зачарованная зеленым шумом Шура медленно шла от поляны к поляне, собирая нежные цветочки серебристых ландышей. Сухие ветки валежника, прошлогодние листья приглушенно шуршали. В такую погоду не хотелось думать о войне. Хотелось бродить по лесу, дышать весной, слушать птиц, видеть синее небо и солнце.

Вдали послышался шум мотора. «Наши уезжают»,— встрепенулась Шура.

Товарищи складывали в кузов вещмешки, парашюты, а вокруг толпились провожатые.

— Возвращайтесь с победой!

— Счастливых прыжков!

Шура подбежала к машине. Майор Суворов, руководивший отправкой, загремел:

— Счастье твое, девчонка, что летишь, а то бы я тебе пять суток ареста влепил за самовольную отлучку. Смотри мне, рацию не забудь!

На аэродроме все присмирели. Шум моторов, четкий

ритм работы. Приближалась та минута, которую мы так долго ждали.

Пришел лейтенант-инструктор. Началась последняя подгонка снаряжения. Несмотря на теплый майский вечер, он попросил десантников надеть ушанки и телогрейки. Парни стали малоподвижными, неуклюжими: парашют на животе, рюкзак на спине. В рюкзаке — взрывчатка, мины и плитка шоколада. Под тяжестью «наряда» радистка присела на землю, вызвав у нас дружный смех.

Майор Суворов выдал мне комплект топографических карт Западной Украины и Польши, вскрыл запечатанный сургучными печатями конверт и прочитал боевое задание.

Когда село солнце, из-за горизонта показалось звено самолетов и стало заходить на посадку.

— Вам повезло,— закричал лейтенант.— Смотрите! Это штурмовики ИЛ-2. Гитлеровцы их называют «Черной смертью»!

Мы полюбовались точной, хорошо отработанной посадкой ИЛов и понесли парашютно-грузовые мешки в самолет. Помня шутливый совет инструктора, Данильченко принес большого гусака.

«Гуси спасли Рим, а этот поможет нам»,— шутил он, бросая птицу в самолет.

Иван Царенко, отодвинув маскировочную шторку, глянул в маленькое круглое оконце. Змейкой побежали огоньки к темнеющему лесу, обозначая взлетную полосу. Самолет уносил партизан в грозную неизвестность.

Мы сидим плечом к плечу. Внешне все спокойны. Лишь сжатые кулаки да полные тревожного ожидания глаза выдают наше волнение.

В голове роятся тревожные мысли. Удастся ли незаметно пересечь линию фронта, приземлиться без «чп», связаться с местными подпольщиками?

Самолет поднялся высоко. Стало холодно. Пришлось надеть шапки.

С каждой минутой приближалась та черта, которая делила теперь время и события на «до» и «после». Чем дольше мы находились в воздухе, тем спокойнее становились мои товарищи, хотя некоторым из них впервые в жизни приходилось принимать участие в таком десанте.

Иван Царенко взял гитару и затянул песню. Ему тихонько подпевали.

Линия фронта встретила нас яростным зенитным обстрелом. Вспыхнули вражеские прожекторы: казалось, то слева, то справа гигантские ножницы режут на куски небо. Грузовые мешки поползли в хвост машины — летчики набирали высоту. Багровое зарево взрывов и лучи прожекторов остались в стороне.

Командир самолета капитан Филонов объявил:

— Прошли линию фронта.

Комиссар взглянул на часы:

— Летим-то минут сорок. Но как далеко шагнули на запад.

И вспомнились Филиппу Петровичу фронтовые дороги, начало войны. Из этих краев ему пришлось отступать на восток. Сколько горя хлебнул, каких друзей потерял тогда Похилько...

За год до войны он окончил в Киеве курсы при пехотном училище и приехал во Львов в штаб 6-й армии. Здесь и встретил войну. Отступали с потерями, неоднократно выходили из окружения. В районе села Подвысоцкое Кировоградской области разыгрались ожесточенные бои. Капитан вывел измученных, раненых бойцов к Днепру, но болезнь свалила его и он остался на оккупированной фашистами территории. Поправившись, Похилько создал подпольную группу, которая присоединилась к партизанскому отряду имени Пожарского.

Самолет пошел на снижение. Зажглась зеленая лам-

почка: «Приготовиться!» Филонов открыл узкие бортовые дверцы. В машину с силой ворвался встречный ветер.

Мелькающая внизу земля дышала сыростью, пугала темнотой и неизвестностью. Комиссар скользнул взглядом по лицам десантников: все ли прыгнут? Девушка еще не воевала. Не струсит ли? Лица десантников суровы и сосредоточены. Прыгнут все. Обязательно прыгнут.

Я стоял у правой двери и всматривался в размытые дождем и темнотой поля. Сквозь рваную пену облаков едва пробивался свет луны. Внизу промелькнул луг, потом — роща и дорога. Но не было видно большого леса и реки. По дороге шла колонна машин. Показался хуторок.

— Проверь по своей карте,— обратился я к Филонову.— Это место совсем не похоже на то, где мы должны высадиться.

— Твоя карта устарела,— ответил Филонов.— Все изменилось. Вот и дорогу построили...

Тем временем самолет снизился, зашел на новый круг, а нужные ориентиры не появлялись.

— Может, действительно, карта устарела, — подумал я.

Снова зажглась зеленая лампочка. «Пора!»

Я прыгнул первым. Повиснув на стропах парашюта, осмотрелся: в небе — девять белых куполов. Летим все вместе, вплотную. Это хорошо. Земля стремительно приближалась. Несколько раз включал и выключал карманный фонарик, подавая сигнал для выброски груза.

Филонов сбросил грузовые мешки. Один из них упал на опушке леса. По азимуту определил, где его искать. Два других мешка не удалось заметить. «Теперь побегаем, пока их найдем»,— подумал я.

Вслед за комиссаром Филиппом Похилько прыгала Александра Лунева. За ней Михаил Данильченко.

Лунева прыгнула так поспешно, что чуть не упала на купол комиссарского парашюта. Девушка скользну-

ла по полотнищу, и в этот миг сработал ее парашют. Вскоре Шура мягко спустилась на землю. Потянула стропы, пытаясь погасить купол парашюта, и ощутила, что в полотнище кто-то барахтается. Она негромко позвала комиссара, приземлившегося рядом. К удивлению десантников под куполом оказался перепуганный местный житель. Он что-то невнятно лепетал, показывая рукой в сторону деревни.

Мы приземлились на мокрый луг. Все собрались, кроме доктора. К тому же случилось несчастье — Гузанов вывихнул ногу.

Начальник разведки Андрей Кучеров спросил:

— Кто видел грузовые мешки?

Имас и Данильченко утверждали, что ветер отнес мешки в сторону, и они упали вблизи деревни. На опушке все же отыскали мешок с оружием, два других словно сквозь землю провалились.

Прозрачная дымка тумана поползла к лесу. Небо быстро светлело.

Осмотрелись. За лугом — огороды. Чуть дальше — небольшое село. Кучеров, Имас и Похилько, которые пошли искать Ревенко, вернулись ни с чем. Начальник штаба Иван Кабаченко рассматривал карту, надеясь получить ответ на мучивший всех вопрос: где же мы находимся? Но карта не давала ясного ответа.

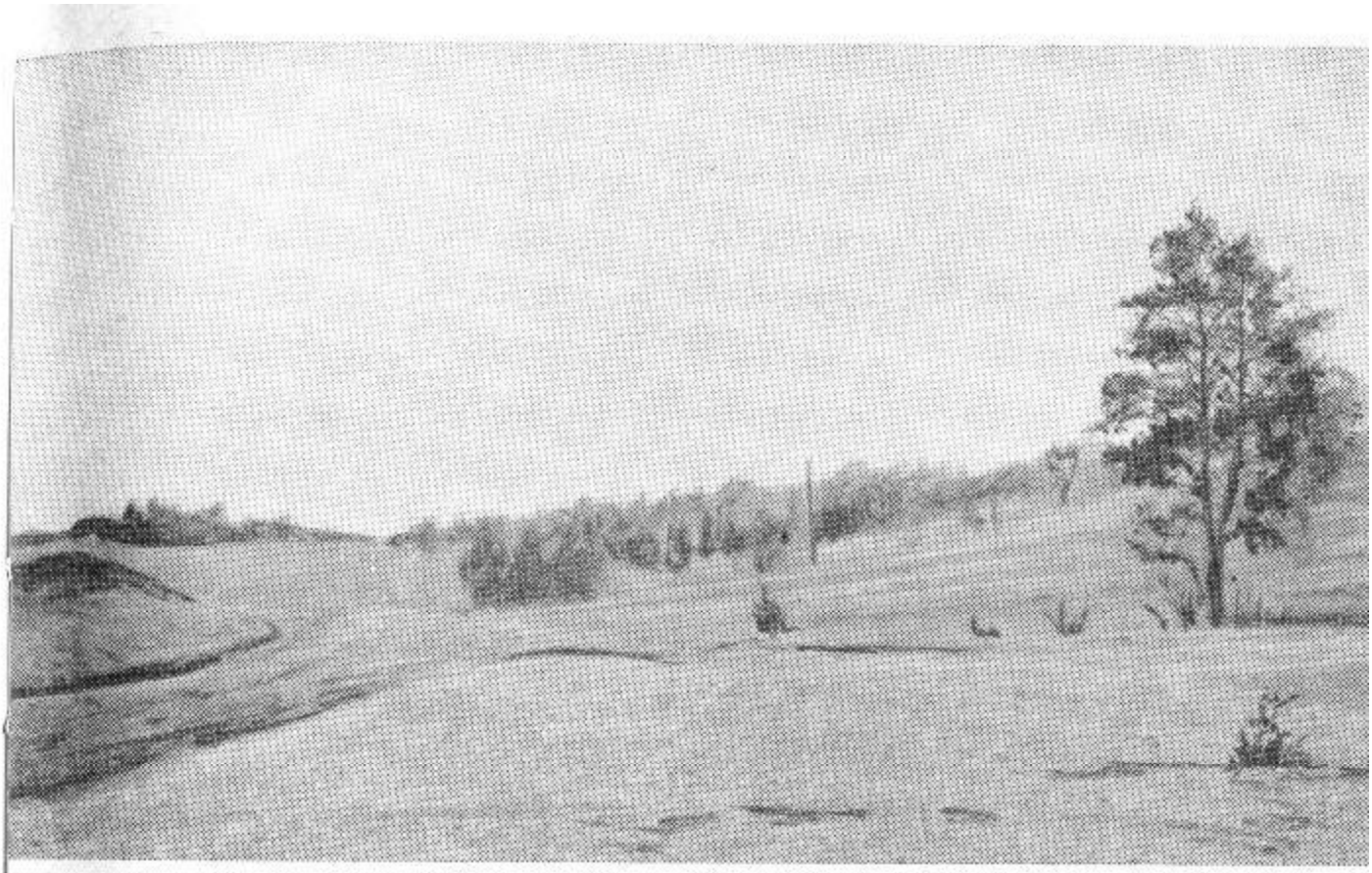
— Вот так история, не помог нам твой гусь, Данильченко,— сказал комиссар.— Давайте спросим местного жителя, может, он уже опомнился.

Незнакомец шел рядом с Михаилом Имасом.

— Ты кто? — спросил Имас.

Незнакомец продолжал смотреть на Михаила испуганными глазами. Имас по-немецки повторил вопрос.

— Я поляк из громады Дыдня... Немцев у нас нет...— словно очнувшись, заговорил незнакомец по-польски.

Место приземления десантной группы им. Пожарского в районе польского села Дыдня 10 мая 1944 года.

— Ты поляк?

— Да, панове, я поляк, фамилия моя Индык!

— Данильченко, слышишь,— сказал комиссар.— Ты подарил летчикам гусака, а к нам попал Индык. Вот он и поможет. Надо немного подождать, пусть успокоится.

— Комиссар, мы в Польше. Вы же у нас специалист по этой стране. Теперь вам и карты в руки,— ответил Михаил.

Филипп Петрович достал из вещмешка разговорник и задал несколько вопросов Индыку. Оказалось, что совсем рядом село Дыдня.

Карту «привязали» к Дыдне и она «заговорила». Мы были в юго-восточной части Польши, в Бещадах. Горы здесь лесистые, все — бук, ель и явор. В Бещадах находятся самые высокие вершины Восточных Бескид: Терница и Галич. У подножья их раскинулся городишко Санок.

Я сложил карту. Теперь стало ясно, что приземлились мы в восьмидесяти километрах от предполагаемого места высадки. Такое расстояние тренированные люди могли пройти за три-четыре ночи. Но два грузовых парашютных мешка исчезли, врача нет, а радист вывихнул ногу. Это осложняло задачу.

А пока, тихо шагая, мы вошли в лес. Похилько с Имасом продолжали поиски врача и грузовых мешков и вели разведку. Светало. Серое, безрадостно-холодное небо висело над верхушками сосен.

Михаил Имас, насвистывая условный сигнал, осматривал молодой сосняк. Вдруг где-то хрустнули ветки. Он крепче сжал автомат и подал условный сигнал. В ответ — тихий осторожный свист. Имас раздвинул хвою и увидел Леонида Ревенко.

Наш врач прыгал с парашютом впервые. Он основательно затянул на себе ремни, парашютные лямки, и это привело к конфузу. Раскрывшийся парашют так тряхнул доктора, что его вещмешок, автомат и медицинская сумка полетели в разные стороны. Воздушное течение подхватило Леонида и отнесло метров на девятьсот от места приземления группы. Ревенко неудачно приземлился, от страшной боли он потерял сознание и только утром пришел в себя.

— Как же это получилось? — недоумевал наш лекарь.— Я и ноги поджал, и на стропах подтянулся, и вот на тебе!

— Не унывай, лекарь. Считай, что твой первый прыжок прошел удачно,— успокаивали его товарищи.

Приземлившись в тылу врага, парашютисты всегда старались уйти подальше от места приземления. Этого требовала тактика, проверенная в боях и походах.

Комиссар посмотрел на часы.

— Ровно четыре. До полного рассвета — часа полтора. Успеем пройти километров пять-семь.

Ревенко смастерил самодельные костыли Анатолию Гузанову.

— Ну как?

— Надежно.

А в это время Иван Царенко задержал в лесу польских парней. Они сказали, что возвращаются из Дыдни и видели, как один из парашютных мешков упал возле крайнего двора, а второй проломил черепичную крышу соседнего дома.

Значит, враг знает о десанте. Будет искать или уже ищет нас.

— Пожалуй, нас будут искать где угодно,— сказал комиссар,— но только не рядом с деревней, где мы приземлились. Немцы знают тактику десантников: поскорее перебраться в другой район.

И мы решили остаться в лесу. Замаскировались, заняли круговую оборону.

Остаться на месте — риск. Но мы пошли на него, он вносил в нашу тактику новый прием.

С восходом солнца лес ожил, наполнился птичьим щебетом и свистом. Мы внимательно следили за деревней.

Вскоре в село приехало до трехсот хорошо вооруженных немцев. Местные жители рассказали, что видели не один самолет, а больше десятка, и парашютисты сыпались с неба с пулеметами и пушками. Нашлись даже такие, которые видели свет фар не то автомобилей, не то танкеток, сброшенных с самолетов. Крестьяне умышленно преувеличивали численность десанта, выра-

жая этим то, о чем долгое время мечтали, чего ждали. Сообщение жителей напугало немцев. Этот уголок Польши они до сих пор считали глубоким тылом и чувствовали себя здесь совершенно спокойно. Немцы и полицаи в лес не сунулись, но обстреляли его.

Крестьянина мы пока не отпускали. Нам нужны были помощники и проводники. Из уцелевшего грузового мешка мы взяли батареи для радиостанций и маломагнитные мины, а все остальное закопали — и в путь.

Пройдя километров двадцать, остановились в густом лесу. Анатолий Гузанов медленно расчехлил рацию. Шура забросила антенну на молоденькую сосну и задержала на ней взгляд. Я понял — волнуется наша радистка. Сработает ли рация? А вдруг — осечка. Тогда отряд окажется без связи. Нет, только не это. Анатолий перевел стрелку лимба к своей волне и оглянулся: у рации собралась вся наша группа. Казалось, никто не дышал. А вдруг наш сигнал не будет принят там, на Большой земле? Что тогда? Между тем Анатолий зажал пальцами черную головку ключа. В сложном клубке точек и тире, через огненную линию фронта, через сотни километров понеслось сообщение в Центр. «Находимся в двадцати километрах севернее города Санок». Волнение нарастало. Когда Анатолий перешел на прием, все обрадовались. Центр нас слышит! Он приказывает действовать. Мы уже «прописаны» на Большой земле.

Гитлеровцы, получив сообщение о десанте, несомненно следили за эфиром и могли засечь местонахождение радиостанции. Поэтому очередной радиосеанс должен был состояться в такое же время через двое суток.

После установления связи с Центром группа двинулась на восток. Шли, избегая дорог, старались не выходить из лесу. Спали днем на сырой земле, не разводя костров. Через двое суток съели имеющиеся скромные запасы консервов и хлеба.

В назначенное время радисты попытались связаться с Центром, но ничего не добились.

Десантники остановились на опушке леса. В бинокль хорошо просматривалось небольшое село. Хатки под соломенными крышами. Трубы не дымят, людей не видно.

Царенко и Кучеров пошли в разведку. Есть ли в селе немцы? Можно ли там достать хлеба и найти брод через Сан?

В селе немцев не было, но совсем недавно они побывали в нем — зеленая саранча все опустошила. У людей нет даже куска хлеба.

Поиски брода тоже закончились безуспешно. Тогда «морская душа» Иван Царенко решил попробовать переплыть через быстрый Сан.

Он разделся и поплыл, а вода была холодная, просто ледяная, судорога сводила тело. Сильное течение несло смельчака на камни.

Царенко плавал превосходно, но весенний разъяренный Сан не покорился ему. Пришлось в синяках да ссадинах выбраться на берег и притаиться в прибрежных кустах.

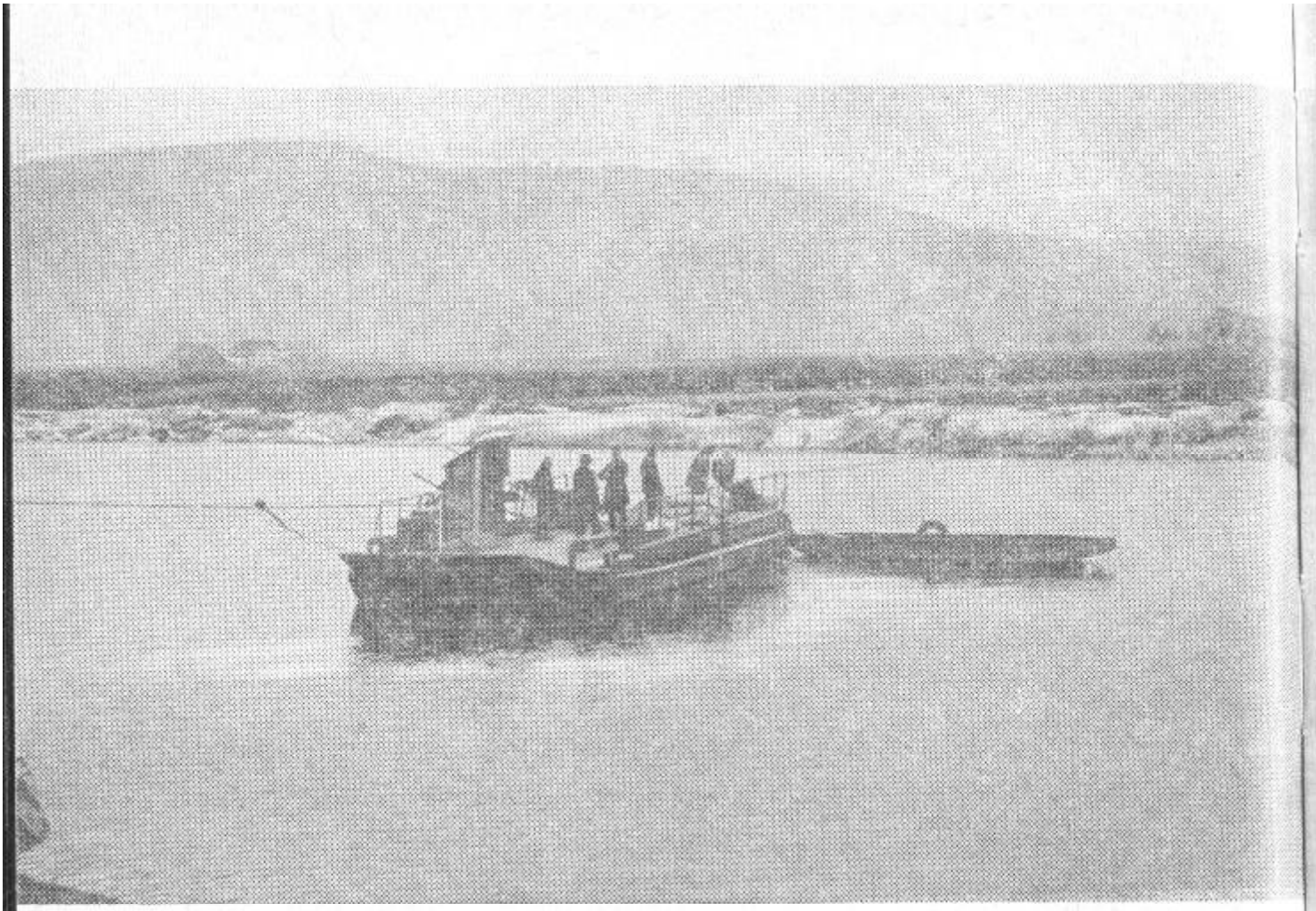
Начальник разведки, наблюдая в бинокль за берегом, установил, что там велись какие-то строительные работы. По реке под охраной полицейского сновал небольшой паром. После двухчасовых наблюдений возник план операции. Рискованный, но реальный.

Как только солнце стало цепляться за верхушки сосен, Михаил Имас и Ян Индык подошли к берегу.

— Давай паром сюда! Инженер со строительства едет,— крикнул Индык по-польски.

— Обождите немного. Закончу варить уху и вас угощу,— донеслось с другого берега.

Имас смотрел на отчаливающий паром, а тревога усиливалась. Как-то не верилось, что так просто захватим его.

Место, где Михаил Имас и Ян Индык
впервые переправились через Сан.

Паром медленно пересекал Сан. Мы уже собрались оставить свое укрытие, как вдруг вдали послышалось рокотание мотора.

— Быстроходная лодка... Сейчас появится из-за поворота,— определил Царенко и снял с плеча автомат.

— Этого еще не хватало,— заметил Кучеров.

Серебристая моторка вынырнула из-за поворота и направилась к парому. В ней сидело четыре немецких солдата и мужчина в штатском костюме.

«Как быть»? Михаил уверенно взошел на паром. Ян взглядом спросил: «Что делать? Отступать поздно».

— Поехали обедать, уха может остыть,— спокойно сказал Имас.

А серебристая моторка вдруг беспомощно закачалась на волнах — заглох двигатель.

Михаил, Ян и паромщик вошли в шалаш. Там на деревянном ящике стоял закопченный чугунок, распространяя аромат ухи.

Андрей Кучеров не отрывал глаз от бинокля. Вот снова заработал мотор. К берегу причалила лодка. Немецкие солдаты были отчетливо видны: с автоматами, в сапогах с короткими и широкими голенищами, воротники расстегнуты, рукава засучены. Гитлеровцы остались у лодки, а человек в штатском направился к шалашу.

Десантники затаили дыхание. Оставалась единственная надежда — находчивость Имаса.

Человек в штатском подошел к Михаилу, с головы до ног окинул его недружелюбным взглядом и по-польски сказал:

— Я староста, предъяви документы!

Михаил встал, положил ложку, вызывающе бросил по-немецки:

— Проверять мои документы могут только жандармы.

Староста смутился.

Имас наступал:

— Тебе предъявить документы? Ишь ты, какое свинство!

Староста понимал немецкий язык, он более дружелюбно обратился по-польски к паромщику:

— Ты же получил приказ никого не перевозить. Как они здесь оказались?

— С того берега. Это немецкий инженер, а второй — поляк. Работают на строительстве. Они хотят доски получить,— оправдывался паромщик.

— Если инженер, да еще немецкий, то почему без погон? — с ехидцей спросил староста.

Он стоял у входа в шалаш, широко расставив коротенькие кривые ноги, обутые в грубые армейские ботинки.

— А ну, показывай, инженер, паспорт!

— Он у меня в порядке,— ответил Михаил.— Если желаешь, взгляни.— Имас опустил руку в карман, ощутил холодок пистолета и выстрелил.

Староста упал. В солдат полетела граната «лимонка». Когда осел песок, поднятый взрывом, партизаны увидели, как заметались по берегу гитлеровцы. Они открыли беспорядочную стрельбу. Пользуясь переполохом, низко пригибаясь к земле, Ян метнулся в прибрежные кусты. Куда девался Имас, никто не заметил.

«АВТОГРАФ» МИХАИЛА ИМАСА

По-весеннему полноводный Сан оказался для нас серьезным препятствием. Попытка переправиться через реку закончилась неудачно. Исчез Михаил Имас.

Что делать? Как поступить? Отойти, притаиться или попробовать захватить паром?

Я слышал сдержанное дыхание комиссара. Похилько взял у меня бинокль и долго всматривался в противоположный берег.

— На том берегу Имас,— сказал комиссар, не отрывая бинокля от глаз.— Мы сделаем все, чтобы помочь ему. Нам необходимо переправиться.

«В Мелитополе мы разбирали многие неожиданные ситуации, но такая нам почему-то и в голову не приходила,— подумал я.— Пока надо притаиться, чтобы ни один кустик не зашелестел».

На нашем берегу появилось пятнадцать немцев. Они весело переговаривались. Двое сняли сапоги и беззаботно окунули ноги в прохладную воду. Фельдфебель выстрелил в воздух — вызвал паром. Гитлеровцы еще не знали о схватке. Одна автоматная очередь, и мы — победители. Но тогда о нашем присутствии узнает враг.

Паром отчалил. По жестам паромщика мы поняли, что он рассказывал о стычке. Немцы встревожились, приготовив оружие к бою, начали всматриваться в кусты противоположного берега.

Между тем солнце поднималось все выше. Фляги опустели. Нас мучила жажда, а рядом пенилась прохладная река. Время тянулось мучительно долго. Мы посматривали на солнце: скорее бы оно спряталось... Наконец появились первые тучки. Теплый майский ветер настойчиво гнал их с востока за Сан. Небо затянулось тяжелыми облаками. Крупные капли дождя заплясали по сухим, шершавым листьям дубов и акаций. Быстро наплывал предвечерний мрак. В лесу сумерки скрадывают расстояние, сокращают видимость, делают все серым, расплывчатым.

Как помочь Имасу? Посоветовавшись, решили найти лодку и переправиться. Всю ночь мы шли вдоль реки в надежде раздобыть лодку. Когда забрезжил рассвет, дубовая роща кончилась и появилась ровная бронзово-зеленая стена соснового бора. На небольшой поляне стоял добротный деревянный дом. У заборчика мы заметили желанную плоскодонку.

Переправляться утром не рискнули. Вошли в лес и замаскировались. Данильченко и Царенко притаились за кустами шиповника.

Одинокий домик хорошо просматривался. С первыми лучами солнца он ожил: пожилая женщина подоила корову, хромой мужчина открыл сарай, вывел во двор худого мерина и долго возился, запрягая его в тарантас.

Затем вынес из дому два мешка, видимо с зерном, и уехал.

Часа через три хозяин возвратился, стреножил лошадь, пустил ее пастись, а сам принялся колоть дрова. Ничего подозрительного наблюдатели не обнаружили. Все было спокойно.

Михаил Данильченко вместе с Иваном Царенко продолжали наблюдать за домиком. Чтобы скоротать время, Михаил тихо читал стихи Лермонтова. Иван Царенко, бывший наборщик Киевской полиграфической фабрики, внимательно слушал стихи, но сам он больше любил народные сказки и легенды.

В прибрежные заросли камыша с шумом сели аисты. Осторожно переставляя длинные тонкие ноги, они по-хозяйски обследовали болотце.

Глядя на них, Царенко широко улыбнулся:

— Чему радуешься?— спросил Михаил.

— А ты вот послушай,— и Царенко начал рассказывать:— Сделал как-то пан бог смотр всему зверью и увидел, что много он создал червей, змей и прочей нечисти. Бог спустился на землю и, упрятав их в мешок, вызвал мужика Войтека: «Отнесешь этот мешок на вершину горы и бросишь оттуда в глубокое море. Да только не посмей открывать его!» Поднялся мужик на самую высокую гору. Сел отдохнуть и не утерпел, заглянул в мешок, а в это время нечисть-то и разбежалась. Хотел переловить ее, да не тут-то было. Доложил Войтек богу о беде, а тот ему в ответ: «Так знай же, теперь и ты и твои потомки будут собирать то, что ты распустил». И бросил в Войтека горящей головней. Мужик едва успел отскочить в сторону, но огонь чуть-чуть опалил ему бок. Превратился Войтек в большую неуклюжую птицу. Вместо носа у него вырос длинный клюв, а на боку появилось большое черное пятно. С этой поры аисты старательно собирают жаб, ящериц, ужей и червей — все,

что выпустил из мешка любопытный мужик. Вот поэтому в Польше называют аиста Войтеком.— Царенко осмотрелся. Тихо, ни души.— Ну, Миша, слушай еще... У меня их хватит до вечера...

День прошел спокойно. Вечером трава и деревья обильно покрылись росой. Земля дымилась, и сквозь клубящийся туман смутно виднелся берег реки. Дом оцепили. Похилько и Данильченко постучали в дверь. Хозяева долго не открывали. Но вот в небольшом окошечке появился блеклый свет.

— Кто там?

— Открой, узнаешь!

Щелкнула металлическая щеколда, жалобно проскрипели петли. Показался щупленький мужчина с керосиновой лампой в дрожащей руке. Блеклый свет едва пробивался сквозь закопченное стекло.

— Куда и зачем ездил днем?

— До млина, панове.

— Лодка твоя? — спросил Данильченко.

— Човен, панове, так, так...

— Мы переправимся на тот берег и оставим его у старой березы.

Хозяин поставил лампу на стол, подошел к Филиппу Похилько, приняв его за старшего. Вдруг он широко улыбнулся. Лицо его просветлело.

— Пан командир, вы советские десантники,— голос поляка дрожал от волнения. Не ожидая ответа, он радостно продолжал:— Родные мои, милые! Садитесь. Мы же вас заждались. Крыся, чертова баба, вставай! Гости у нас желанные. Может, они знают, где наш Лешек?

Пани Крыся растопила печь, вкусно запахло картошкой. Хозяин дома Станислав Михальский достал из тайника бутылку вина и сказал:

— Подался наш Лешек в сентябре тридцать девятого года в Советский Союз. До этой весны ничего о нем

не знали, а вот в конце марта слух прошел: наш сынок уже подпоручик[1], командир роты в польской дивизии имени Тадеуша Костюшко. Может быть, вы его там видели?

— Нет, Станислав, не видели мы Лешека. У нас другая военная специальность, но раз он с нами, значит, хорошего ты воспитал сына.— Комиссар пожал Михальскому руку.— А вот это сам почитай и другим покажи.

Похилько передал Станиславу «Правду».

— О-о... Газета советская?!

— Да, друг, она из Москвы.

Вскоре к дому Михальского подошли остальные десантники, и пани Крыся с сияющим от восторга лицом приняла из рук радистки подарок — кусок парашютного шелка и катушку ниток.

Михальский проводил нас к реке. Мы подождали, пока туман лохматыми космами прижался к воде. Станислав показал, где удобнее и безопаснее пересечь Сан.

Переправа оказалась очень трудной. Не будь с нами Михальского, вряд ли мы справились бы с лодкой. Но Михальский оказался опытным гребцом. Полвека он прожил на берегу Сана и знал все его весенние повадки и капризы. Прощаясь с поляком, мы крепко обняли его.

— Мы, отец, прилетели в Польшу без немецких виз и паспортов. Гости, так сказать, незваные. Сам понимаешь, говорить о нас пока не надо. Спасибо тебе, верный товарищ. Мы еще с тобой встретимся. Жди нас в гости.

— Вот тебе, друг, на добрую память портсигар. Бери, хозяин, бери,— слышались голоса партизан.

— Чекаты буду, панове,— отвечал растроганный Михальский.

---

[1] Подпоручик — польское воинское звание, равнозначное лейтенанту.

Место переправы десантной группы через Сан.

На прощание я предупредил Михальского:

— Следите, отец, за гитлеровцами. К вам придут мои люди. Запомните пароль: «Мы плавали в одной лодке».

Ближайшим населенным пунктом на нашем пути была Лишня. Глянешь на карту — село будто совсем рядом, а в действительности требовалось пересечь два хребта, поросших буковым лесом. Первая же сотня шагов показала, как трудно идти напрямик без тропки. Буковые ветки хлестали по лицу, по рукам, цеплялись за одежду и обувь. Мы буквально продирались сквозь

зарослей молодого бука, оставляя на упругих ветках клочья одежды. Казалось, не будет конца ночи и никогда уже не выбраться из зарослей. Упорно преодолевая метр за метром, взобрались на гребень лесистой высотки. Здесь, на наше счастье, оказалась тропка, поросшая густой мокрой травой. Теперь мы двигались быстро.

Впереди группы шел неутомимый начальник разведки Андрей Николаевич Кучеров. Когда-то он жил на Кубани, пахал землю, ходил за лошадьми, косил сено, молотил пшеницу, ездил в ночное. Сероглазый Андрей имел сильные руки, добрый нрав, пытливый ум.

Двадцатилетним парнем он надел красноармейскую гимнастерку. Началась военная служба. Смышленного солдата послали учиться. В начале войны младший лейтенант Кучеров познал горечь отступления. В отряде имени Пожарского он был старшим группы разведчиков, а потом — начальником разведки. Андрей смело ходил по тылам врага, брал «языков», минировал дороги. Отличился он осенью 1943 года, когда через линию фронта перевел сто восемьдесят допризывников. Шагая по польской земле, он еще не знал, что за смелость и находчивость награжден орденом Красной Звезды.

Подъем становился все круче. Мы удалялись от реки, но в порывах ветра еще чувствовалась ее свежесть. Неожиданно тропинка оборвалась и начался крутой спуск.

— Ну, теперь, кажется, легче будет,— сказал комиссар.

Впереди снова шел начальник разведки, за ним Михаил Данильченко, потом радисты и комиссар. Как говорится, все познается на опыте. Взбираться на гору тяжело: вещевой мешок и автомат тянут назад, ведь идущему в гору все в тяжесть. Спускаясь вниз, мы получили новый урок — груз подталкивал, ноги скользили, подкашивались, то и дело кто-то падал. Меня беспокоила

радистка. Силач Ревенко взял у нее рацию и помогал ей спускаться. Вторую радиостанцию бережно нес Иван Царенко.

Совершенно обессиленные, мы сделали привал в чащобе. Над нами висели яркие звезды. Казалось, можно достать любую. Думали, что пройдено, по меньшей мере, двадцать километров, а на карте наш бросок выглядел весьма скромно. Было ясно, что мы пока не умеем ходить по горам, не знаем секретов горных троп. Как обнаружилось позднее, ночной штурм крутого склона оказался лишним. Возьми мы чуточку левее — и могли бы без особых хлопот подняться по тропке на вершину.

Восход солнца все встретили радостно. Надоела ночь, сырой и темный лес с крутыми каменистыми тропками.

Утро выдалось теплым и тихим. Только птичий хор нарушал тишину. Загадочно шумели верхушки могучих буков, на полянке о чем-то беспокойно шептались молодые листья берез, словно и они тревожились о судьбе нашего пропавшего друга Михаила Имаса.

Где он? Что с ним? Эти мысли всем нам не давали покоя.

Чтобы лучше вести наблюдение, Кучеров поднялся на гребень высотки. Где-то рядом должно быть село... Он достал из футляра бинокль. Да вот оно, притаилось в лощине. Буйно цвели сады. Красавцы пирамидальные тополя, одетые в нежную молодую листву, замерли вдоль извилистой дороги. Чуть левей стоял, очевидно, сельский ресторанчик. Туда все время заходили мужчины. Кучеров опустил бинокль, и взгляд его остановился на тригонометрическом столбике, где химическим карандашом было написано: «Дарабан»[1]. Так в шутку мы называли Имаса.

---

[1] Дарабан — пехотинец (*рум.*).

М. Имас,
командир роты. 1945 г.

Он знал, что группа, двигаясь на восток, обязательно должна была проверять свой путь по тригонометрическим столбикам, и вот оставил свой автограф. Молодец, Имас! Смекалка и здесь выручила его.

Сама судьба, казалось, специально придумывала для него невероятно сложные ситуации. Родился Имас в Бендерах в семье аптекаря. Он успешно закончил румынскую гимназию, свободно владел русским, украинским, немецким и французским языками. Отец хотел сделать сына фармацевтом, но после гимназии Михаил оказался в тюрьме за принадлежность к подпольной организации «Красный школьник». Из тюрьмы попал в боярскую армию. Через два года бывший солдат Михаил Имас пополнил ряды безработных.

Когда Красная Армия освободила Бессарабию от боярского гнета, Михаил стал корреспондентом уездной газеты «Новая жизнь». В грозном сорок первом, полу-

чив четыре раны, боец Красной Армии Имас оказался на оккупированной гитлеровцами территории.

На станции Помошная местные подпольщики помогли ему получить фальшивые документы, и он стал Павлом Борщевским. Устроился переводчиком к начальнику станции, принимал активное участие в проведении диверсий на крупном железнодорожном узле. В то грозное время Имас познакомился с Михаилом Данильченко.

Михаил Филиппович Данильченко был моложе Имаса на два года. Родился он на Киевщине в семье крестьянина. После окончания школы поступил на исторический факультет Киевского пединститута имени Горького, который успешно закончил за год до войны. Собирался учительствовать в родной деревне Большая Яблоневка. Но в Европе бушевала война. Фашистские полчища, захватив Польшу, подошли к границам СССР. Данильченко сменил гражданский костюм на красноармейскую форму. Политрук вышел из него хороший. Его любили бойцы. Войну он начал под Ковелем, а потом защищал Киев.

На его глазах этот мирный древний город превращался в настоящую крепость над Днепром. На улицах появились стальные противотанковые заграждения, на площадях выросли баррикады с бойницами для орудий. Тысячи киевлян на подступах к городу рыли окопы и под бомбежкой и пулеметным обстрелом смело и неутомимо опоясывали его окраины противотанковым рвом. Михаил Данильченко видел, как поднимались в небо аэростаты воздушного заграждения и плавали в нем гигантскими серебристыми рыбами.

Сентябрьским утром в Голосеевском лесу местные жители подобрали раненого политрука. Добрые люди выходили его, снабдили продуктами, и по тылам врага он стал пробираться в родное село. В Яблоневке Михаил

связался с подпольщиками, сколотил надежную группу и с ней ушел в партизанский отряд.

С тех пор, как исчез Имас, Данильченко не находил себе покоя. Он тщательно искал друга, но так и не мог напасть на его след. Теперь, наконец, мы знали, что он был где-то в деревне или в ее окрестностях. И найти Имаса могли помочь нам только местные жители.

Ночью Андрей Кучеров с Иваном Кабаченко побывали в деревне. Выяснилось, что там нет ни немцев, ни полицейского поста. К польским крестьянам разведчики не заходили. В одном из сараев они нашли десяток картошек и два куриных яйца.

Леонид Ревенко тщательно помыл картофелины, разрезал их на мелкие кусочки и сварил суп.

— Каждому достанется не более трех ложек. Прошу к столу,— сказал он.

Парашютистов мучил голод, но больше двух ложек никто не съел. Без красивых слов, не зная, когда еще подвернется пища, весь остаток супа отдали Шуре. Радистка съела только две ложки супа и передала котелок больному радисту Анатолию Гузанову.

Девушки в военное время, сменив туфельки на «кирзачи», ситцевые платьица на гимнастерки, острее мужчин переживали гибель товарищей, сердечнее относились к чужой беде.

Больная нога Гузанова распухла. Радист с трудом передвигался на самодельных костылях. Врач просил остановиться дня на три-четыре, тогда, уверял он, можно надеяться на поправку.

Стемнело. Кучеров, Кабаченко, Данильченко и я пошли в село, остальные блокировали дорогу. Было темно. Изредка на улицах мерцали огоньки сигарет.

Бесшумно перемахнув через ограду, мы приблизились к большому дому. Мутно светились два небольших окошка. Мы осмотрелись. Дом был обнесен невысоким

Сельский ресторанчик Франтишека Пастущака.

деревянным штакетником, к нему примыкали постройка для скота и хранилище для обмолоченного зерна. Вазовня — сарай для телят — стояла в стороне. В доме спорили. Звенела посуда.

— Идти или не идти? — лихорадочно вспыхивала мысль.— Идти, конечно, идти! Если там бандеровцы — бой. А, может, там честные люди. Идти!

Обогнули дом. Над дверьми прочли небольшую вывеску: «Bierhaus. Piwiarnia. F. Pastuszak». (Пивной дом. Пивная. Ф. Пастущак).

Данильченко и Кучеров остались у крыльца. Я и Кабаченко вошли в большую с низким закопченным потолком и серыми стенами комнату. Изрядно накурено. Пахнет жареным, пареным, уксусом, пивом, хлебом... Да разве перечислишь сложный букет запахов, каким наполнен сельский ресторанчик!

Сели за сбитый из сосновых досок стол у самой двери: «Смотрите все — мы пришли с добрыми намерениями». Кабаченко снял шляпу, из кармана достал расческу, аккуратно причесал волосы. Посетители ресторанчика сосредоточенно рассматривали нас.

Хозяин — высокий, дородный поляк в жилетке, с засученными рукавами белой рубахи, в кожаном потертом фартуке, сначала растерялся, потом, спохватившись, подошел к столику.

— Что прикажут паны? — спросил он.

— Есть хотим. На дорогу сообрази хлеба и мяса. Платим «гуралями» [1].

Русская речь удивила хозяина.

— Панам есть дай,— подсказал кто-то из зала.

Хозяин взглянул на худенькую девочку, та побежала в соседнюю комнату. Сам он кинулся за стойку. Точными, отработанными движениями резал хлеб, щедро положил на тарелку соленых огурцов, налил в кружки пиво и, схватив поднос, засеменил к нам. Вслед за ним к столу примчалась девочка с глиняной миской, наполненной доверху голубцами.

Кабаченко поднял кружку с пивом:

— Вот теперь я знаю, что мы в Польше. Здесь голубцы — одно из распространенных блюд, как на Полтавщине вареники.

---

[1] «Гураль» — так именовались в Польше во время гитлеровской оккупации банкноты достоинством в 500 злотых, выпущенные эмиссионным банком так называемой Генеральной губернии. «Гураль» — в переводе с польского «горец».

Ели неторопливо, стараясь угадать отношение окружающих. Первым не выдержал молчания хозяин ресторанчика. Увидев, что хлеб кончается, он снова наполнил тарелку.

— Кто вы будете, панове? — подыскивая русские слова, спросил он.

— Мы — из Советского Союза.

Кабаченко снял со спинки стула автомат.

— Смотри, пан. Видишь клеймо и год? Этого мало?

— Автомат русский, новый,— поляк засиял,— так вы, значит, из Москвы? Мы-то опасались, думали, что вы бандеры [1].

— Нет, хозяин, мы — советские десантники.

В зале заговорили все сразу. Лед отчуждения растаял. Поляки с нескрываемой радостью смотрели на нас, лица у них стали приветливые, дружеские. Один из посетителей — невысокий, плечистый — подошел к Кабаченко, протянул ему руку:

— Добрый день, брат.

Кабаченко встал, пожал незнакомцу руку.

Поляк смело посмотрел в зал и, насвистывая известную нам мелодию-пароль, подморгнул Кабаченко.

— Ты знаешь, где наш товарищ?— воскликнул Кабаченко.

— Конечно!

...Радостные возвращались мы в лес вместе с Мишей Имасом и его другом Владиславом Риняком, прихватив с собой солидный запас съестного.

По дороге Имас рассказывал свою одиссею.

Выстрелив в старосту и метнув в гитлеровцев гранату, он кинулся в заросли кустарника. В лесу угодил в

[1] Шайки украинских буржуазных националистов возглавлял Степан Бандера, платный агент гитлеровской разведки, враг советского народа, организатор тягчайших злодеяний, совершенных против Советского Союза.

глубокую глинистую яму. Темно, сыро. Обождал, пока угомонятся немцы. Попробовал выбраться — не тут-то было. Края ямы крутые, скользкие, мокрые, не за что зацепиться. К утру обломал ногти, выбился из сил. Взошло солнце, а в яме, как в могиле, сыро, темно.

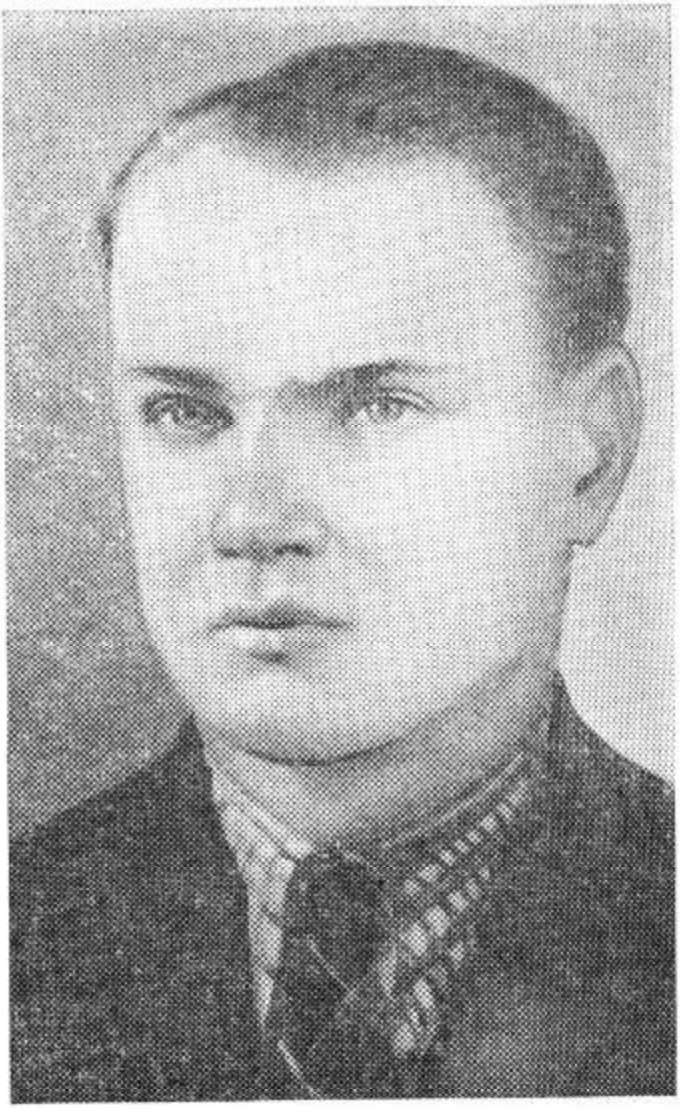
Неужели конец? Обидно стало Имасу. Сколько пуль просвистело над его головой, сколько осколков лесными жуками прожужжало, а тут — заживо погребен в этой проклятой яме. Где друзья? Переправились ли они? Мучил голод. Вдруг Имас услышал скрип повозки, польский разговор. Позвал на помощь. Так он встретился с Владиславом Риняком.

Риняк оказался чудесным человеком, верным товарищем. Он вырвался из ада «Павяка» [1], был участником движения Сопротивления.

В отряд Владислав пришел не с пустыми руками. Польский патриот принес оружие: отобранный у жандарма маузер старого образца с коробчатым магазином, с длинным четырнадцатисантиметровым стволом и десяток «филиппинок» — ручных гранат кустарного производства. Риняк превосходно знал Бещады и многих местных жителей. Именно он помог нам установить контакт с членом распущенной незадолго до войны Коммунистической партии Польши (КПП) товарищем Фетером Яковом.

А вскоре у нас появился новый повод для радости. Начал выздоравливать Гузанов. Боль в ноге уменьшилась, появился крепкий сон и молодецкий аппетит. Особенно радовался Ревенко. Он неутомимо поил радиста разными настойками, согревал ногу компрессами. Я не меньше врача радовался выздоровлению Гузанова. Наш радист снова вступил в строй. И это было очень кстати.

[1] «Павяк» — старая варшавская тюрьма. Через ее застенки в период гитлеровской оккупации прошло более 100 тысяч узников. Из них 25 тысяч гитлеровцы убили.

В. Риняк,
разведчик. 1944 г.

Дело в том, что мы имели две отечественные переносные приемно-передающие коротковолновые радиостанции типа «Север». Радиостанции обеспечивали связь радиусом до 500—700 км. «Север» был прочен, удобен в транспортировке, переносил толчки и падения, но имел и существенный недостаток — питался только от сухих батарей, хранение которых было сопряжено с большими трудностями. Нашим батареям крепко досталось во время трудных маршей. И теперь Анатолий Гузанов долго «колдовал» над ними, пока заставил одну из станций заговорить. Штаб партизанского движения

приказал собрать разведсведения в районе приземления и двигаться к Перемышлю.

Постепенно мы привыкали к обстановке, находили помощников и с каждым днем все яснее видели, что придется нам нелегко: вокруг стояли внушительные вражеские гарнизоны, почти в каждом селе — жандармское отделение или полицейский участок. Да еще вдобавок там и сям шастали бандеровцы. Каратели неистовствовали. Поляки сообщали: за одного убитого гитлеровца каратели расстреливают пятнадцать заложников, а ближайшие деревни и хутора сжигают.

В лагере, расположенном недалеко от Лишни, наша группа отдыхала, стараясь ничем не выдать своего присутствия в лесу. Кучеров вместе с Риняком тайком ходили к хозяину ресторанчика Франтишеку. Пока радисты налаживали связь с Центром, разведчики собирали необходимые сведения о численности ближних немецких гарнизонов, наводили справки о работе железных дорог, охране и передвижении воинских эшелонов.

Ресторанчик Франтишека Пастущака оказался очень удобным местом для сбора самой разнообразной информации, которую Сабат Иозиф немедленно передавал нам в лес, а радисты — на Большую землю.

Во время очередного радиосеанса Центр приказал: «Собирая сведения, двигаться в заданный район».

Карта Кучерова заполнялась различными, только ему хорошо известными значками. Разведке нужен был «язык». Случай вскоре представился. Кабаченко и Кучеров взяли в плен лейтенанта полевой жандармерии, который вез в банк города Санок деньги, отобранные у польских крестьян. Офицер в своем дневнике подробно описывал, как мучил на Украине стариков и женщин, как бросал в огонь детей. Дневник с головой выдал нам не только пойманного палача; на кровавых страницах мы нашли фамилии предателей, бежавших из Полтавы

и Чернигова в Польшу. В гестапо они прошли специальную подготовку и были заброшены в советский тыл с диверсионными заданиями: убивать офицеров, распространять клеветнические слухи, взрывать поезда, военные объекты. Каждый день пребывания предателей на советской земле мог принести много горя. Радисты сообщили Центру их фамилии и предполагаемые районы действий.

В тот же день у деревни Ольховцы разведчики захватили немецкого солдата, который вел под ружьем французского военнопленного — высокого худого человека, назвавшегося Полем. По-русски француз не понимал. Кучеров позвал Имаса:

— Поговори с ним. Может, он тебя поймет...

Француз рассказал Имасу:

— Я неделю тому назад бежал из лагеря, находившегося около местечка Дембица, а сегодня попался фашистам. Вам, советские друзья, я обязан жизнью. Спасибо! Большое спасибо!

Поль лежал на траве под могучим дубом и тяжело дышал: у него были поломаны ребра. Леонид Ревенко сделал французу примочки, перевязал рану. Вечером Поль подсел у костра к Михаилу Имасу и тихонько шепнул:

— У меня есть серьезный разговор с вашим командиром. Мне известна одна большая тайна.

В штабной палатке блекло горел фонарь «летучая мышь». Поль рассказывал, а Белый переводил слово в слово:

— Я инженер-энергетик по образованию. Мое сообщение имеет важное значение для вашего командования. Мы — союзники, а потому прошу вас передать в Москву мою информацию.— Поль остановился, попросил закурить. Размял сигарету и, не закурив, продолжал:— В районе Дембицы боши построили секретную

пусковую площадку. Там испытывают новое оружие... Секретное оружие... Туда согнали тысячи пленных — русских, французов, итальянцев, бельгийцев. Весь район охраняют гестаповцы. Для пленных оттуда одна дорога — в могилу. Мне удалось бежать в грузовике с мертвецами. Но на свободе я был недолго, меня задержал каратель.

Михаил чиркнул зажигалкой. Поль прикурил, жадно затянулся.

— Из Дембицы к нам приезжали огромные автоцистерны. Уверен, они не с бензином. Одна застряла, и мы ее вытаскивали из песка. От нее несло удушливым, острым запахом. Я заметил: отверстие верхней крышки покрылось инеем. Думаю, что это высококонцентрированная перекись водорода для летающих торпед. Их запускают ночью. Они сразу уходят высоко в небо, а куда — не знаю.

Сообщение Поля имело чрезвычайно важное значение. В это время мы находились несколько южнее Дембицы и не подозревали о таком соседстве. Радисты немедленно передали эту новость Центру. Последовал приказ: «Собирать сведения, имеющие малейшее отношение к обнаруженному объекту».

По железным и шоссейным дорогам в Бещадах фашисты свободно ездили днем и ночью. Их покой не нарушали здесь выстрелы и взрывы. В городе Санок работали увеселительные заведения, напропалую пьянствовали гитлеровские офицеры. Гражданские чиновники по воскресным дням выезжали в роскошные поместья. Там охотились, распивали французские вина и слушали речи фюрера, заверявшего, что коммунисты никогда не вступят в пределы рейха.

После дембицких радиограмм Центр приказал нам возвратиться в район города Санок и продолжать сбор информации.

Вдоль хребта Слонные Горы мы вышли к реке. В полночь оказались у небольшого хутора, расположенного на высоком берегу Сана. Метрах в семидесяти от крайнего дома, в кустах, виднелась зеленая фанерная будка. Там находились охранники парома — польские полицейские.

Данильченко и Кабаченко подобрались к будке. Трое стражей «нового порядка» храпели на деревянных нарах, двое играли в карты. Полицейских разоружили, допросили. Они охотно отвечали на вопросы.

— Что же с вами делать, гитлеровские прихвостни? — Данильченко грозно взглянул на полицаев.

— Помилуйте нас! — пожилой полицейский опустился на колени и слезно просил пощады.

— Помиловать? А сколько вы душ загубили в тюрьмах санационного режима [1]?

— У нас есть такие. Но мы не служили у Пилсудского, нас немцы насильно забрали в полицию. Помилуйте, добрые люди! Клянемся, мы никого не трогали и крови не проливали.

— Переправимся, а там разберемся,— сухо ответил Данильченко, а сам подумал, что все же стоит их отпустить. Пусть расскажут правду у себя в деревне. Пусть

---

[1] Санация — название профашистского диктаторского режима в Польше в 1926—1939 годах. Боясь революционного взрыва и стремясь сохранить буржуазно-помещичий строй, польские фашисты во главе с Пилсудским провозгласили демагогический лозунг «санации» (от лат. «оздоровление») политической жизни страны и 12—13 мая 1926 года совершили государственный переворот. Антинародная, ярко выраженная антисоветская политика санационного режима, вставшего на путь сговора с Гитлером, привела польскую нацию к сентябрьской катастрофе 1939 года, когда фашистская армия в течение трех недель захватила всю страну и за пять с половиной лет оккупации уничтожила свыше 6 миллионов человек, нанеся Польше ущерб, оцениваемый в 38 процентов всего национального богатства.

знают люди, что гитлеровцы врут о десантниках, распуская небылицы о их жестокости.

Полицейские старательно тянули стальной трос, паром быстро подходил к берегу. В молодом дубнячке группа остановилась. Ко мне подошел Владислав Риняк.

— Товарищ командир, я знаю пожилого полицейского. Это хороший человек, одел форму поневоле, заставили. Таких у нас много.

Риняк говорил правду. В 1939 году, оккупировав Польшу, фашисты не спешили разгонять «гранатову» полицию[1]. Они расформировали полицейские части, управы, забрали у стражей порядка автоматическое оружие и вооружили их винтовками.

Данильченко передал комиссару просьбу Владислава Риняка.

Подумав, он сказал:

— Риняк прав, надо отпустить эти «синие мундиры». Они расскажут другим, и те поймут, что настоящие враги не партизаны, а гитлеровцы.

К полицейским подошел Похилько.

— Мы вас отпускаем. Но с условием: язык держать за зубами. Понятно?

— Спасибо, пан командир. Понятно. Век за вас молиться будем.

После переправы мы расположились на привал вблизи города Устшики-Дольне. Лес там оказался густой, труднопроходимый. В яркую зелень оделись деревья. Вокруг свежая и сочная майская трава. Буйно цвела черемуха. Звонкий птичий хор славил весну. Звенела то коротенькая песенка зяблика, то пеночки-веснушки. С высокой сосны доносилась морзянка дятла.

---

[1] Польская полиция носила темно-синие мундиры, поэтому и называлась — гранатовая (темно-синяя).

Партизаны сняли тяжелые ноши, легли на теплую землю. Новое место нам понравилось. Вокруг был сплошной лесной массив. Край тихий, с непуганным зверем. Вечером начальник разведки застрелил из снайперской винтовки лося и мастерски разделал тушу.

— Жаль, ребята, сохатого,— исповедовался он у костра.— Уж очень был красив. Но воевать надо. А что мы за солдаты, если никакой силенки нет?

Костер согревал партизан, на треноге кипел чугунок. В отблесках пламени веселыми казались березы, торжественными — сосны, настороженными — ели.

Тихо-тихо звучала песня. Как всегда, запевал Иван Царенко. А в штабном шалаше похрустывала под локтями новенькая трехверстка. На ней появились первые пометки: кружок с крестиком — немецкий гарнизон, кружок с буковкой «л» — лагерь военнопленных, склад с горючим — кружок с буквой «г». Штаб внимательно изучал удобные подходы к железной дороге и безопасные пути отхода. Наш отряд был еще малочисленным, и каждый партизан являлся мастером на все руки — ходил в разведку, минировал дорогу, добывал продукты, охранял лагерь, а когда появлялся в польском селе — устанавливал связь с местными жителями, сообщал достоверные новости с фронта.

Я оторвался от карты и сказал:

— Первый выход на боевое задание. Премьера... Кого пошлем?

Комиссар Филипп Петрович Похилько запыхтел самокруткой:

— Просятся все, прямо нет отбоя... Но премьера есть премьера. От первого успеха зависит многое. У ребят появится уверенность, смелость. Гром первого удара должен поднять на борьбу польских патриотов и военнопленных.

— А не послать ли трех наших лесных богатырей? — предложил начальник штаба.

— Имаса, Данильченко и Царенко?

Начальник штаба кивнул.

— Ну что же... Давайте пригласим их в шалаш. Старшим назначим Данильченко. Нет возражений? — Я обвел взглядом товарищей.— Принимается.

Беседа с тремя разведчиками длилась недолго. Это были опытные люди и все понимали с полуслова. Однако первая вылазка нас тревожила. И как мы ни старались сохранить спокойствие, наша тревога передавалась разведчикам. Пока мы противника не беспокоили. Поэтому он беспечен и не так бдительно несет охрану. Но это только предположение, а может быть, мы встретим противоборство очень предусмотрительного врага.

Для начала решили использовать фактор внезапности. Партизаны заложили побольше мин на узком повороте железной дороги Санок — Перемышль, там, где труднее всего расчистить путь. Мы рассчитывали вывести этот участок дороги из строя надолго.

На опушке леса залегли наши три богатыря. Время словно остановилось. Поезд не появлялся.

Имас, чтобы скрыть волнение, покусывал стебелек. Михаил Данильченко никак не мог избавиться от тревожных дум: как закончится первый выход на боевое задание? Тишина. Можно было уйти, мины все равно сработали бы. Но как отказаться от соблазна собственными глазами увидеть летящий под откос гитлеровский состав? Нужно ждать. То сомнения, то надежды. Незря говорят: поспешность — слепа, терпение — зряче.

В лесу потемнело. Железнодорожная насыпь, уходящая в пологую лощину, хорошо просматривалась на фоне вечернего неба.

Эшелон появился неожиданно. Тяжело задрожала земля, паровоз в клубах дыма и пара тянул за собой

цепочку вагонов и платформ. Царенко привстал на колено. Затаив дыхание, он отсчитывал метры, оставшиеся до первой мины. Вдруг под черным брюхом паровоза сверкнула молния и швырнула его с насыпи. За ним, как ягнята за бараном, пошли вагоны. Грохот, взрыв, пламя. Над головами просвистели куски железа, доски...

Партизаны незаметно продолжали вести наблюдение.

С рассветом к подорванному составу прибыл ремонтно-строительный поезд с нацистским начальством из города Санок. Фашистские чиновники усердно замеряли изуродованный участок пути, осматривали обгоревшие вагоны. Потом они собрались в кружок и начали о чем-то совещаться. По энергичным жестам партизаны поняли: фашистские чиновники горячо спорили. Наконец они перестали размахивать руками, видимо, пришли к единому мнению. На железнодорожном полотне закипела работа.

Вот уже фашисты расчистили путь. Подошел новый эшелон с боевой техникой. И тут под ним сработала мина замедленного действия. Восемь платформ полетело под откос. Новый взрыв ошеломил фашистское железнодорожное начальство. Офицеры и солдаты, которые остались живы после крушения, как безумные бросились прочь от опасного участка. Движение эшелонов прекратилось. В партизанский штаб полетела наша первая радиограмма. Мы получили ответную: «Поздравляем началом успешных действий. Представляем к наградам».

ПАРОЛЬ: «МЫ ПЛАВАЛИ В ОДНОЙ ЛОДКЕ»

Весенний Сан полноводен и стремителен. Он клокочет и пенится, пробиваясь из Восточных Бескид к Висле. Притоки — Вишня, Шкло, Вислок — обильно питают

его талыми водами. Форсировать Сан в мае — дело сложное. Мостов через реку мало, да к тому же к ним трудно подойти, они под усиленной охраной.

Вдоль берегов Сана ранней весной 1944 года гитлеровцы развернули широкое строительство: сооружали доты и дзоты, оборудовали позиции для танков и артиллерии, пункты связи, блиндажи и сотни окопов с большим количеством противотанковых заграждений и разных других препятствий. Главный «заградительный вал», проходивший по восточному берегу Сана, состоял из линий траншей, расположенных на господствующих высотах. На направлениях, доступных для танков, спешно рылись противотанковые рвы, саперы готовили обширные площади для минных полей.

Гитлеровское командование рассчитывало надолго удержать важный рубеж Восточных Карпат на линии Арпада [1]. Укреплениям на восточном берегу Сана отводилась роль своеобразного барьера, который должен был остановить Красную Армию у ворот Чехословакии. Карпаты представляли собой мощную и сложную систему естественных препятствий, усиленных инженерными сооружениями Мосты минировались. Движение танков и машин было возможно только по дорогам, которые находились под перекрестным огнем пушек и пулеметов. На опасных направлениях ставились проволочные и минные заграждения, устраивались лесные завалы. Обратные скаты господствующих высот обрастали добротными блиндажами, землянками, минометными окопами и артиллерийскими позициями.

---

[1] Линия Арпада — система укреплений вдоль восточного хребта Карпатских гор, состоявшая из бывших чехословацких и построенных после 1939 года венгерских укреплений. В 1942 году строительство здесь было свернуто, но в начале 1943 года возобновлено гитлеровцами.

На оборонительной линии Арпада к осени 1944 года только в границах 4-го Украинского фронта было построено 99 опорных пунктов, 759 долговременных железобетонных сооружений, 394 деревоземляных сооружения, 439 открытых огневых площадок, 400 км. траншей и стрелковых окопов, установлено противотанковых и противопехотных препятствий (рвов, эскарпов, завалов и т. д.) на протяжении 135 км [1].

Строили укрепления советские военнопленные. Местное население гитлеровцы тоже сгоняли сюда на работу. На разбросанные вдоль реки строительные объекты поляки привозили лес, доски, цемент, металлические сетки. Машин не хватало. Их заменяли кони, быки, а чаще всего коровы, запряженные в широкие крестьянские возы. Грузы из Германии, прибывающие на станцию Санок, поляки с черепашьей скоростью доставляли по назначению. Они знали о событиях на Восточном фронте, всячески искали встреч с пленными красноармейцами, беседовали с ними, угощали хлебом, махоркой, с жадностью слушали рассказы о Советской России.

Военнопленные жили в наспех построенных землянках и шалашах. Их здесь слабо охраняли, многие лагеря гитлеровцы даже не обнесли колючей проволокой. Они знали: голодный, обессиленный человек далеко не уйдет.

По ночам с востока доносилась артиллерийская канонада. Высоко в небе грозно проплывали на запад наши воздушные армады самолетов. Фронт приближался к берегам Сана. И чем сильнее был грохот орудий, тем больше хотелось людям, попавшим в беду, выжить, вырваться из неволи, взяться за оружие, помочь своим товарищам громить гитлеровцев. В начале мая побеги военнопленных участились. Начальники лагерей получили приказ усилить охрану.

---

[1] *А. А. Гречко.* Через Карпаты. М., 1970, стр. 53.

Взрывы на железной дороге и весть о советских десантниках переполошили оккупантов, придали уверенность пленным. На утренней поверке в лагере за селом Ольховица охрана недосчиталась тридцати советских военнопленных. Комендант, сутулый обер-лейтенант, перепугался не на шутку, но, к удивлению подчиненных, даже не объявил тревоги, как требовала инструкция. Он только приказал не кормить пленных и направлять их на самые тяжелые работы.

В полдень привезли рыжие мотки колючей проволоки. Поляк Петр Баран, житель Лишни, не спеша разгрузил телегу и принялся ремонтировать колеса, незаметно присматриваясь к «новшествам». От его взгляда не ускользнули свежие ямы для столбов — территорию лагеря собирались обнести колючей проволокой, заготовили материалы для строительства пулеметных вышек: одной — у входа, второй — с тыльной стороны. Вокруг землянок и бараков поползла змейка окопов.

Лишня стала своеобразным партизанским пунктом, куда польские подпольщики приносили самые различные сведения, а пожарцы в любое время там могли получить пищу. Большим другом и верным нашим помощником был староста села пятидесятилетний Иозиф Бодзяк. Его небольшой деревянный домик, поставленный сто пятьдесят лет тому назад на склоне оврага, обсаженного сливами, памятен многим пожарцам. Имея большую семью — пятеро детей, Бодзяк активно помогал нашему отряду. Он днем и ночью принимал партизан, кормил, давал одежду, снабжал ценными сведениями.

Франтишек Пастущак, Иозиф Сабат, Иозиф Бодзяк были незаменимыми помощниками. Партизаны своими успехами во многом обязаны им.

О всех приготовлениях в лагере Петр Баран рассказал советским десантникам. Он отличался умением на-

блюдать за противником, а потом из разрозненных фактов составить общую картину его намерений. Жил Петр у самого Сана — во время весенних разливов вода подходила к крыльцу старого дома. Он имел лодку, перевозил крестьян и этим зарабатывал на хлеб. С ним нас познакомил Михальский. Оба польских патриота помнили пароль: «Мы плавали в одной лодке» и перевозили партизан и наших связных в любое время дня и ночи.

В Лишню можно было попасть, переплыв Сан с помощью Петра, или со стороны пивной Пастущака по лесной дороге. В случае опасности нас всегда могли своевременно предупредить эти недремлющие наблюдатели.

...Мундир гитлеровского офицера и знание немецкого языка неоднократно помогали Михаилу Имасу. Петр Баран и Иозиф Сабат с нарукавными повязками польских полицейских производили «съемку» района, где военнопленные строили укрепления. Поляки-полицейские не вызывали подозрения. Михаил внимательно присматривался к работавшим на берегу Сана пленным, искал наиболее подходящего человека.

В таких сложных ситуациях Белый, как правило, полагался на свой опыт и умение по самым мелким, на первый взгляд, незаметным признакам определить, кто перед ним: друг или враг, смелый человек или трус. Михаил часто доверял своей интуиции, которая безошибочно подсказывала ему, стоит или не стоит принимать то или иное решение.

Кто же здесь внушает доверие? Выбор пал на немолодого седовласого мужчину.

Петр Баран приказал ему подойти к лейтенанту. Сиплым, простуженным голосом тот доложил:

— Пленный прибыл по вашему приказанию.

Перед Имасом стоял высокий, плечистый мужчина лет сорока. Латаная-перелатаная гимнастерка его выгорела на солнце, вместо армейских пуговиц на ней бы-

ли деревянные палочки. Взгляд цепкий, оценивающий. Мускулистые руки в синяках и ссадинах.

— Ты когда попал в плен? — Вопрос, заданный на чисто русском языке, прозвучал как выстрел.

Пленный в замешательстве развел руками, раскрыл рот, пытаясь что-то ответить, но никак не мог справиться с волнением.

— Повторяю: когда и где попал в плен?

— Сержант Алексей Серов, будучи раненым, пленен в октябре прошлого года.— Он совсем растерялся: кто перед ним, чего от него хотят? Но какое-то чувство подсказывало — спрашивает друг.

Имас сделал паузу, посмотрел в глаза пленному.

— Вот что, Алексей, перед гобой советский парашютист. Форма на мне немецкая — так нужно в данный момент. Ты не волнуйся, я не провокатор. От тебя пока ничего не требуется.

— Я умоляю вас, помогите мне вырваться на волю. Я хочу драться с фашистами. Вы же можете это сделать,— просил Серов и вопросительно смотрел на Имаса. Смотрел и не верил, что вновь может оказаться на свободе, получить оружие и сражаться. Михаил краем глаза увидел, что к ним приближается немецкий часовой. Он перешел на шепот.

— Это хорошо. Но сейчас нужно другое. Подберите надежных людей и будьте готовы. Сегодня вечером мы нападем на колонну, когда она будет возвращаться в лагерь. Поможете нам без лишнего шума убрать охрану, и мы всех примем в партизанский отряд.

Часовой поравнялся с Михаилом, откозырял ему. Имас спросил:

— Как дела, гренадер [1]?

---

[1] В 1942 году фашистские пехотные полки были переименованы в гренадерские. Рядового вместо «солдат» звали «гренадер».

— Спасибо, господин лейтенант. Хорошо.— Часовой остановился и попросил закурить. Михаил дал ему сигарету, и тот побрел дальше.

Серов был поражен выдержкой и смелостью своего нового товарища.

— Ты иди, сержант Серов, но запомни твердо, что слышал, да товарищам расскажи. Мы обязательно сегодня встретимся.

День клонился к вечеру, когда «лейтенант-связист» вместе с «полицейскими» отправился на телеге в Санок. Километрах в двух от лагеря Белого поджидал Андрей. Десантники совершили бросок через лес, прошли по зеленым полянам и просекам. Отцветала дикая яблоня. Крутились на ветру лепестки-снежинки, припорашивая высокую траву.

Под цветущими акациями Имас доложил Кучерову о маршруте пленных и численности конвоя.

Розовый шар солнца садился за дальние горы. Медленно сгущались сумерки. Мы выбрали место для засады, замаскировались вблизи дороги в густом ивняке. Иван Царенко внимательно просматривал заросли орешника. Странно, птицы садятся на кусты и сразу с криком взлетают. Значит, там кто-то прячется.

Царенко с Кучеровым осторожно подобрались к орешнику.

— А ну! Выходи, кто спрятался!

Тишина. Андрей лязгнул затвором и повторил приказ. Кусты зашевелились. Два оборванных человека помогли третьему, измученному, заросшему лохматой черной бородой, выбраться из орешника.

— Кто такие? Откуда? Куда идете? — уже значительно мягче спросил начальник разведки, догадываясь, что перед ним люди, бежавшие из фашистского плена.

Высокий мужчина средних лет, черный, словно лесной жук, сказал с кавказским акцентом:

— Моя фамилия Георгадзе, вместе со мной из немецкого плена бежали Кикнадзе и Кучава. Польские товарищи сказали нам, что в лесу появились советские десантники. Вот мы и пришли к вам.

НОВОЕ ПОПОЛНЕНИЕ

Глядя на измученных фашистской неволей людей, мы твердо верили — к нам пришли друзья. Я не стал их расспрашивать, где и когда попали в руки к врагу, а приказал прежде всего накормить. Ели они жадно, как могут есть голодные люди: черствые сухари грызли, словно медовые пряники.

Вспомнилось, как наголодался я, выбираясь в 1941 году из окружения... И вот еще раз убедился, что хлеб — великолепный подарок природы и рук человеческих. И никогда его ничем другим не заменить.

В партизанском отряде мы не имели возможности регулярно выдавать бойцам хлеб. И в голодную пору, в сыром, холодном лесу, черный сухарь был вкуснее самого любимого блюда: он пахнул полем, солнцем, придавал сил, звал к жизни.

Александр Георгадзе выделялся среди новичков: он говорил уверенно, чувствовалось, что это человек с твердым характером. Глядя мне в глаза, он попросил:

— Товарищ командир, так вы разрешите нам остаться в отряде? Мы пока слабы, но это дело временное. Родился я в Грузии, закончил строительный техникум, работал в Тбилиси. Добровольцем пошел на фронт, в плен попал в начале прошлого года, побывал в Германии, бежал. За Вислой схватили жандармы и бросили за колючую проволоку. Подобрал надежных товарищей и вот снова бежал. Кикнадзе — сержант, разведчик. Кучава — ездовой. Мы собирались бежать еще зимой — из

пересыльного лагеря в Ченстохове, но не было удобного случая. Дайте нам оружие, помогите свести счеты с гитлеровцами!

— Оружие вы получите и еще повоюете, а пока смотрите — вон наши десантники подошли к дороге и в ивняке устроили засаду...

Со стороны реки показалось человек семьдесят измученных пленных, черных от грязи и усталости. Обувью им служили деревянные колодки. Обессиленные люди еле волочили ноги. Охранники держались обочин дороги, чтобы не глотать пыль. Конвоиры, расстегнув воротники мундиров, расслабив ремни, лениво плелись, болтая между собой.

Впереди колонны, принюхиваясь и угрожающе крутя мордой, шла огромная серая овчарка. Вот она остановилась, повернув морду к кустам, подняла уши и залаяла.

Настороженный взгляд Андрея остановился на Имасе. «Что же это такое? Ты нас не предупредил о собаке!»

Михаил Данильченко, приподняв автомат, поймал на прицел собачью морду. Короткая очередь распорола тишину леса, пули срезали пса и его хозяина. Парашютисты с громким «ура» устремились к дороге. Пленные напали на конвоиров и, прежде чем те опомнились, обезоружили их и забрали документы.

Десантники переоделись в немецкие мундиры. Кучеров построил пленных, и они двинулись к лагерю. Внешне ничего не изменилось. Правда, исчезла овчарка, но она могла и замыкать колонну.

К этому времени в лагере уже было закончено строительство двух пулеметных вышек, лагерь обнесен колючей проволокой. Комендант строго наказывал подчиненных за малейшее нарушение караульной службы. Всякое опоздание он расценивал как чрезвычайное происшествие.

А. Георгадзе, минер. 1972 г.

В этот день обер-лейтенант собрался в город. Колонна пленных опаздывала, и это приводило его в ярость. На розыск колонны выехал фельдфебель на мотоцикле. Он любил быструю езду, и сейчас мчался, не жалея мотора. В лагере как раз собралась веселая компания. Задержись он в лесу — можно и не выпить. Мотоциклист весело заулыбался, увидев за поворотом военнопленных, прибавил газу, лихо подкатил к конвоирам — и не успел опомниться, как его схватили... За руль мотоцикла сел Данильченко, переодетый в форму фельдфебеля, в коляску — Имас.

С. Кикнадзе, минер. 1945 г.

От Сана, цепляясь за кусты, наплывал туман. Пленные под охраной переодетых в немецкую форму десантников двинулись по дороге. Минут через двадцать тронулся мотоцикл. Важно было одновременно оказаться у ворот лагеря.

Часовой, услышав шум мотора, кинулся открывать ворота. Данильченко в зеркале, укрепленном на руле, видел, что пленные отстали. Он выключил мотор и принялся его «ремонтировать».

— Господин фельдфебель, может, вам помочь?

Имас махнул рукой. Отстань, мол, и без тебя разберемся.

В слабо освещенной проходной Михаил Данильченко увидел группу вражеских солдат, лениво куривших после ужина. Наметанным глазом оценил обстановку.

На мотоцикле был установлен пулемет. Из такого оружия Белый стрелял очень метко. По цели, находящейся в ста метрах, никогда не давал промаха. Сейчас от мотоцикла до вышки с пулеметчиком было всего метров сорок.

Между тем часовой заподозрил что-то неладное: уехал фельдфебель один, а приехал с кем-то. Он начал закрывать ворота. И тут Имас длинной очередью прошелся по воротам и вышке. Подоспели десантники, бросили гранаты в проходную. Свет погас, охрана лагеря, застигнутая врасплох, почти не оказала сопротивления. В темноте раздавались одиночные выстрелы.

Освобожденные узники бросились искать начальника лагеря Габлица, который лично расстреливал пленных, устраивал многочасовые проверки, лишал пищи, заставлял работать по две-три смены. И вот пришло время поговорить с ним «по душам», а палач словно в воду канул. Страх перед наступившей расплатой загнал оберлейтенанта на кухню. Забравшись в пустой котел, Габлиц закрыл крышку, надеясь пересидеть грозный налет. Здесь его и нашел Георгадзе.

В этом лагере мы захватили оружие, сигнальные ракетницы, боеприпасы и немного продуктов. Забрали на складе одежду и шанцевый инструмент, а в лазарете — медикаменты. После этого, не задерживаясь, отправились в район населенных пунктов Лютинска, Посада Дольна, Смольник. Дорогу, по которой отошли, тщательно заминировали.

Радовала мысль, что наш отряд получил солидное пополнение. Но кто эти люди? Какова их военная подготовка? Пленные, которых мы освободили, были собраны гитлеровцами из многих лагерей. Они не знали друг

друга, были измучены и больны. Способны ли они после фашистской неволи вынести тяготы и лишения партизанской жизни? Предстояла большая и кропотливая работа с новичками.

В эти дни в отряде сколачивались боевые группы, шла подготовка минеров к выходу на железные дороги. Радисты передавали Центру собранные сведения. Через несколько дней мы отыскали подходящую площадку и приготовились принять груз с Большой земли.

ПОДАРКИ РОДИНЫ

К нам в Карпаты впервые летел самолет. Это ободряло и тревожило. Найдет ли нас? Я, как заклинание, повторял про себя: три костра углом на север. Так когда-то в «Пиковой даме» повторял Герман: «Три карты... три карты...»

И вот получена радиограмма. «Р-5» вылетел. Он уже в пути, близко. Все с нетерпением ожидали самолет.

Пора! Костры разгораются. Необыкновенно радостное чувство охватывает всех — это гудит наш самолет. Вот он уже над нами...

— Сбросил!— звучат голоса.

В чуть светлеющем небе мелькнули три долгожданных грузовых мешка. Там тол, мины, автоматы. Мелькнули три, а на земле — только два. Где же третий? Тщательный поиск. Осмотр всех деревьев. Уже совсем рассвело, а третьего мешка нет. Снова прочес леса. Упорный, настойчивый. Взошло солнце, уже припекает. Мы валимся от усталости, а мешка нигде нет.

Сажусь на пенек. Хочу успокоиться. Беру финку и стараюсь не думать о пропаже. Вонзаю нож в дерево. Раз, другой, третий. Финка вонзается в бук все выше

и выше. Поднимаю глаза на вершину дерева, не сон ли? Прямо у меня над головой висит грузовой мешок!

Присланный Центром самолет сбросил нам много оружия, которое мы роздали освобожденным пленным.

В это время связной Иозиф Сабат принес предупредительную весть. Франтишек Пастущак передал, что бандеровцы готовятся к нападению на наш отряд. Разведчики немедленно установили наблюдение за всеми дорогами и тропинками. Отряд приготовился к бою. И когда бандеровцы попытались сунуться в расположение отряда, партизанские пулеметы обратили их в бегство.

С первым самолетом вместе со взрывчаткой, автоматами и карабинами к нам пришло не менее важное оружие — пачка газет «Вольна польска», которую издавал в СССР Союз польских патриотов [1]. Франтишек Пастущак, Иозиф Сабат, Петр Баран, Станислав Писиак, Иозиф Бодзяк из рук Риняка получили по несколько экземпляров газеты. Наши друзья от души радовались — печать на их родном языке сообщала, что в СССР сформирована Первая польская дивизия имени Тадеуша Костюшко.

Дрожащим от волнения голосом Владислав как присягу читал вслух опубликованное в газете сообщение Совинформбюро: «Выполняя боевое задание советского командования, польские пехотинцы частей дивизии имени Тадеуша Костюшко и танкисты танковой части имени героев Вестерплатте в районе местечка Л. прорвали оборону немцев и стремительной атакой выбили их из населенных пунктов...

Попытки противника остановить стремительное наступление польской пехоты путем массового применения

---

[1] Союз польских патриотов в СССР — СПП — антифашистская патриотическая организация, созданная в начале 1943 года по инициативе польских коммунистов.

пикирующих бомбардировщиков и контратак, поддержанных самоходными пушками «фердинанд» и танками, не увенчались успехом».

Появление газеты стало большим праздником. «Вольна польска» пошла по соседним селам и хуторам. Поляки с гордостью рассказывали друг другу об успехе солдат дивизии имени Тадеуша Костюшко.

ПОМОЩЬ ДРУЗЕЙ

Польское население относилось к нам, советским людям, с большим уважением. Оно принимало нас как верных союзников. Поляки помогали нам продуктами питания, информировали о карателях. Между партизанами и поляками установились дружеские взаимоотношения. Мы делились с местными патриотами оружием и боеприпасами, обучали многих из них минному делу. Наши радисты регулярно принимали, а Владислав Риняк переводил на польский язык сообщения Совинформбюро. Маленькие листовки, отпечатанные им на пишущей машинке, мы распространяли в окружающих селах.

Польские партизаны воевали смело. Они никогда не упускали случая напасть на автомашину, поджечь жандармское управление, разгромить фольварк или подстрелить зазевавшегося оккупанта. Их ненависть к врагу станет более понятна читателю, если вспомнить, что польский народ сражался с фашистами с 1 сентября 1939 года по 9 мая 1945 года. Напомним в этой связи, что Англия объявила войну фашистской Германии 3 сентября 1939 года, а первый английский солдат погиб в бою лишь 9 декабря 1939 года. Американские Б-29 впервые сбросили бомбы на позицию гитлеровских войск 4 июля 1942 года, а пехотинец США послал первую пулю в нацистов в начале декабря 1942 года.

Польша, брошенная на произвол судьбы тогдашними правящими кругами, захваченная врагом, не капитулировала. Все 2078 черных дней оккупации борьба с коричневой чумой была главной задачей народа. Важную роль в организации сопротивления фашистским поработителям сыграли партизаны. Чтобы обезопасить себя, гитлеровцы держали на польских землях 385 батальонов вермахта, войск СС и полиции.

Партизанский отряд имени Пожарского ежедневно пополнялся новыми людьми: бывшими военнопленными и местными жителями. Гитлеровцы знали об этом. Мы подозревали, что они попытаются заслать к нам своих агентов в надежде получить точные сведения об отряде, а потом выбрать удобный момент и уничтожить нас.

Фашисты жестоко обращались с пленными. Они пытались прежде всего убить в людях мысль о всяком сопротивлении и растоптать их человеческое достоинство. Тысячи людей, оказавшихся в лагерях военнопленных, фашисты усиленно обрабатывали в антисоветском духе.

Вербовщики из банды Власова и различных эмигрантских организаций голодным, запуганным людям сулили золотые горы. Из наиболее слабых, упавших духом, потерявших веру в свои силы, комплектовали ряды РОА [1], школы диверсантов, шпионов и провокаторов. Заслать в отряд шпиона, прошедшего подготовку в одной из гестаповских школ, не составляло большого труда. Он мог находиться и среди военнопленных, и среди беглецов из фашистского лагеря.

Владислав Риняк сообщил мне, что переводчик из уголовной полиции (Кремпо) Шлензак готов сотрудничать с советскими десантниками. Шлензак служил в городе Санок и обещал прибыть в любое место для переговоров. Мы не задержались с ответом.

---

[1] Так называемая «Русская освободительная армия».

И вот перед нами высокий узкоплечий блондин. Глубоко сидящие глаза спокойны. Говорит неплохо по-русски. Видно, он занимает в Кремпо солидное положение — угощает дорогими папиросами. Мы знали: их курили только высшие гитлеровские офицерские чины.

— Пан командир, я поляк, работаю у немцев по заданию лондонского подполья, но вас — коммунистов— я лично считаю союзниками. Готов оказать всяческую помощь.— Он слегка наклонил голову и продолжал:— Через мои руки проходит ценная информация.

Я усмехнулся:

— Насколько мне известно, ваша Кремпо занимается ворами, уголовниками и спекулянтами, а мы их деятельностью не интересуемся.

— Пан командир допускает неточность. Гестапо работает в тесном взаимодействии с Кремпо и жандармерией. В настоящее время все карательные органы сосредоточили свои усилия на борьбе с партизанами. Особая роль отводится уничтожению советских десантников. Я буду откровенным. К вам из Краковской школы разведчиков направляется диверсант. Я точно знаю, что он рыжий и у него вставные зубы. Надеюсь, вам помогут эти приметы.

— Скажите, как попала к вам секретная информация?

— Пан командир, в Краковской школе действует мой осведомитель.

— Может, он более точно опишет нашего «гостя»?

— Я свяжусь с ним. Возможно, и укажет точно, а пока не прозевайте рыжего со вставными зубами.

После встречи со Шлензаком я собрал десантников и предупредил их о гестаповском лазутчике.

— Ну, что же, будем остерегаться рыжего,— сказал Кучеров.— Зубы у него вставные, но укусить может.

Ежедневно новички подходили ко мне с просьбой немедленно послать их на боевое задание.

— Мы пережили позор плена, у нас особый счет с фашистами, дай возможность отомстить за наше горе, за смерть наших товарищей.

Я слушал их и думал: хорошие приходят бойцы. Но как бы не прозевать и того, кто стал служить врагу, кому оказалось не под силу выдержать ужас неволи.

ПАРТИЗАНСКИЕ БУДНИ

Комиссар Филипп Похилько как всегда внимательно разговаривал с новичками, некоторые вызывали сомнение. Одних проверяли в боевых вылазках, другим же отказывали в этом. Для проведения разъяснительной работы в отряде комиссар назначил агитаторами коммуниста Ивана Царенко, комсомольцев Михаила Данильченко, Александру Луневу и Михаила Имаса. Данильченко стал вскоре комсоргом отряда. Как историку, Михаилу Данильченко комиссар поручил редактировать «Боевой листок».

Первый номер партизанской стенной газеты имел огромный успех. К вечеру его вдоль и поперек исписали партизаны. Это были как бы своеобразные заявления о полной готовности с оружием в руках сражаться с гитлеровцами.

Среди освобожденных нами пленных оказались офицеры и солдаты, которые были коммунистами и комсомольцами. Комиссар, переговорив с каждым в отдельности, решил дать им персональные задания — людей проверяли в рискованных операциях, где смерть ходила рядом, а смелость и трусость проявлялись мгновенно. Похилько не упускал удобного случая поговорить по душам с коммунистами и комсомольцами, обсудить главные вопросы, настроить людей на четкое выполнение боевых приказов.

После предварительной проверки новичков комиссар провел открытое партсобрание. Партизаны собрались на полянке. Похилько окинул всех взглядом и заговорил:

— Мы стали партизанским отрядом. Коммунистов и комсомольцев у нас мало, а с людьми придется много работать — надо научить их хорошо владеть оружием, ходить в разведку.

Комиссар говорил о необходимости вести пропаганду среди местного населения, советовал обзаводиться надежными помощниками.

Выступление на партсобрании комсорга Михаила Данильченко было предельно кратким:

— Решение создать в отряде комсомольскую организацию вполне оправдано. Это поможет нам сплотить молодежь и успешнее мобилизовать людей на борьбу с гитлеровцами.

На собрании выступил Алексей Серов. Его голос срывался от волнения:

— У нас, коммунистов, освобожденных из концентрационных лагерей, партбилетов нет. Но мы можем с оружием в руках доказать свою преданность делу партии. И мы просим дать нам задание потруднее.

Иван Царенко предложил из недавних узников создать подвижные диверсионные группы, чтобы в нескольких местах одновременно ударить по железным дорогам и дать возможность всем желающим принять самое активное участие в вооруженной борьбе с фашистами.

Прошло почти 30 лет после этого партийного собрания, но и сегодня я с гордостью вспоминаю его участников, моих боевых товарищей, которые беспокоились не о себе, а только о том, как лучше бить гитлеровских захватчиков. Каждый из нас готов был отдать делу разгрома фашизма, освобождения братского польского

народа свои знания, свое воинское мастерство, а если понадобится — то и жизнь.

По вечерам у костра решались многие боевые вопросы, обсуждалось положение на фронте. Костер дышал приятным теплом, распространяя терпкий запах хвои. В цинковом ведре кипел чай. В отблесках пламени казались медно-оранжевыми ближние ветви елей. Начальник штаба «колдовал» над картой — выбирал наиболее удачное место для удара по железной дороге: подальше от лагеря, поближе к лесу.

Михаил Данильченко, удобно устроившись у костра, задумчиво смотрел на весело пляшущие языки пламени.

— Я, братцы, хотел драться в Германии, а вот оказался в Польше,— рассуждал вслух Данильченко.— Кто мог подумать, что мы окажемся в Бещадах?

Десантники молчали. Костер будил у каждого свои воспоминания.

Радистка Шура мысленно перенеслась в Харьков. В памяти возникла громада Госпрома и площадь, словно широкое поле у родного села Понаринки. Она не раз слышала от людей: «Хлебнешь горя с мачехой». А вот у нее мачеха была милая, добрая, ласковая. И, словно родную дочь, провожала в большой город. В памяти остались натужное дыхание паровозов, огни станций. Утренний Харьков встретил ее хором заводских гудков.

Она смотрит на костер. Искры летят к верхушкам елей. Пламя разгорается и теперь кажется алым полотнищем. ...Больше всего любила она праздничные демонстрации, когда торжественно звучит музыка и красные знамена реют над широкой площадью Дзержинского. И она видит себя в колонне студентов электромеханического техникума. Партизанский костер все разгорается. Потрескивают, стреляют сухие ветки, и как-то вдруг больно сжимается сердце. Вспомнился дождливый день. К Харькову подходили фашисты. Уже долетает отдален-

А. Лунева,
радистка. 1972 г.

ный грохот орудий, и она не идет, а бежит по Сумской улице. Скорее, скорее, брат уходит на фронт, и она спешит с ним проститься. Только на один миг останавливается у памятника великому Кобзарю, переводит дыхание и снова бежит. Очень обидно опоздать на каких-нибудь пять минут. Но на столе лежит записка: «Дорогая сестренка, я ушел в армию».

Искры летят и летят... В их огненном вихре возникает перестук колес. Со слезами на глазах покидает она Харьков. Эшелон с оборудованием уходит на Восток. Еще несколько месяцев тому назад ей казалось, что она

нашла свое место в жизни. Щитовая ГЭС. Ей нравилась эта работа. И вот стучат колеса. Уносится вдаль эшелон. Впереди неизвестность. В Пензе она услышала горькую весть: «Гитлеровцы захватили Харьков». В Челябинске зимними ночами часто снился родной город. Она не могла расстаться с мыслью о фронте. Только на фронт!

Данильченко подбрасывает в костер хворост, и, как бы очнувшись, Шура слышит его голос:

— А у нас в селе расцветают мальвы. Я знаю: мать выходит на высокий косогор, смотрит вдаль и ждет меня из похода.

Ивану Царенко виделось море и казалось, что языки пламени вздымаются, как крутые волны.

У костра возникали различные дискуссии, обмен мнениями, особенно часто говорили о войне и мире. Задушевные беседы с освобожденными, простота в обращении с ними способствовали установлению крепкой боевой дружбы.

* * *

В лагере шла напряженная учеба. Десантники знакомили новичков с оружием и минным делом.

— У моста слабое место — опоры,— учил Георгадзе,— рвануть одну — и сложная система креплений приходит в негодность.— Георгадзе сложил из кубиков мост, показал партизанам, где и как следует закладывать взрывчатку.— Мосты, находящиеся на важных железнодорожных путях или автомобильных дорогах, как правило, имеют один-два пустотелых быка. Вход закрыт металлической крышкой. В таком случае нужно открыть колодец, опустить туда мину с часовым механизмом. Помните, что в колодцы проникает вода, а поэтому мину лучше всего подвесить. Даже слабый взрыв приносит отличный результат.

Георгадзе, будучи по образованию техником-строителем, в свои тридцать лет успел построить немало мостов, жилых и промышленных зданий. А теперь пришлось разрушать...

По вечерам диверсионные группы покидали лагерь, а оставшиеся продолжали совершенствовать боевое мастерство.

Не обошлось и без курьеза. Иван Кабаченко обучал минному делу десять новичков. Пока он объяснял одним, как необходимо минировать железную дорогу, другие соединили несколько капсюлей-детонаторов и замкнули цепь. После взрыва Леонид Ревенко, перевязывая минеров, давал наглядный урок партизанам, как надо оказывать первую медицинскую помощь.

У Леонида Ревенко появились помощники. Среди освобожденных из плена было два врача — Нуралиев и Халфин, который превосходно разбирался в народных средствах лечения. Приготовленные им из трав мази и микстуры были чудодейственны.

Ревенко все чаще просился на боевые операции, но получал отказ. Наш врач активно помогал местному населению, которое никакой медицинской помощи от гитлеровцев не получало. Партизанского лекаря с нетерпением ждали в польских и украинских селах, где были опасные инфекционные заболевания. К нему шли, верили, что он поможет, вылечит больного, искусно перевяжет рану. Где-то и сегодня по польской земле ходит партизанский крестник Леня, появиться на свет которому помогли умелые руки советского врача, а роженицу спасли от неминуемой гибели.

Помощники Ревенко тоже не сидели сложа руки. Нуралиев обслуживал лазарет, Халфин отвечал за санитарно-гигиеническое состояние кухни. Он попросил Михаила Имаса при удобном случае захватить походную немецкую кухню.

Л. Ревенко,
партизанский врач. 1944 г.

— Она с отличными котлами, и готовить пищу можно без дыма.

Ревенко поддержал:

— Постарайся, Миша, ты все можешь.

В том месте, где располагался партизанский отряд, мы, как правило, диверсий не проводили. Чтобы не обнаружить себя, партизаны старались не появляться лишний раз на дорогах, соблюдали тщательную маскировку. Такая осторожность оправдала себя. Каратели, не имея точной информации о нашем отряде, искали нас там, где гремели взрывы, где действовали наши диверсион-

ные группы. А в это время в укромном уголке штаб получал возможность обучать людей, готовить их к новым вылазкам.

Особое внимание мы уделяли боевой подготовке партизан, учили их ходить по азимуту, ориентироваться в лесу, пользоваться всеми видами вооружения. Агитаторы по вечерам проводили беседы, а Михаил Данильченко — комсомольские собрания. Ежедневно перед строем зачитывались приказы, в которых командование благодарило бойцов и командиров за мужество и героизм. Дисциплина в партизанском лагере была строгая. Каждый боец имел свое задание, невыполнение которого рассматривалось как ЧП.

Группа минеров — Имас, Данильченко, Риняк, Георгадзе и Кикнадзе — под командованием Ивана Царенко в конце мая провела дерзкую операцию на железнодорожных перегонах Хыров—Кросценка—Устшики-Дольне. За две ночи партизаны взорвали четыре воинских железнодорожных эшелона. Единственная железная дорога, связывавшая Словакию через Устшики-Дольне и Добромыль с Перемышлем — центром снабжения вражеских войск, державших фронт под Бродами, оказалась парализованной. Воинские поезда скапливались на станциях Хыров и Добромыль. Срочные грузы поспешно перевозились на автомашинах. Графики движения поездов были сорваны, боеприпасы, боевая техника и войска противника не прибывали в предусмотренные районы сосредоточения. Удар пришелся в цель. Из Санока и Самбора к месту взрыва прибыли строительные бригады. Путь расчистили и восстановили. Но лишь только застучали колеса воинского эшелона и под ним загремели новые взрывы — сработали наши «сюрпризы».

После этого гитлеровцы двое суток искали на железнодорожном полотне мины, а воинские эшелоны простаивали, и срочные грузы не прибывали на станции назначения. Тем временем мы готовили новый удар.

«ВИЗИТ» В БЫКОВЦЫ

Шлензак оказался полезным человеком. Он имел дружеские связи с сотрудником жандармерии в городе Санок Вильгельмом Крепсом, и нам становились известными некоторые меры, которые предпринимало гестапо против партизан и польского движения Сопротивления.

В карательных операциях против партизан участвовали венгерские, а иногда и словацкие подразделения. Приказы, написанные по-немецки, Крепс переводил на польский, венгерский и словацкий языки. Зная отличные способности переводчика, гитлеровцы привлекали его для подготовки карт будущих карательных операций. Каждый день жандармерия доносила в гестапо сведения о действиях партизан. Эта информация нередко проходила через руки нашего друга.

Шлензак был немцем. Но родился и жил на польской земле и любил ее народ. Он информировал нас почти о каждом шаге фашистов, об их планах, направленных против нас и польских патриотов. Шлензак действовал осмотрительно. Мы, в свою очередь, старались наши контрмеры тоже проводить осторожно, так, чтобы не сложилось у гестаповцев впечатление, будто партизаны знали все заранее.

* * *

...Комендант города Санок гауптман Клаус Шверин любил комфорт и умел создавать его. Недалеко от города, в селе Быковцы, находился фольварк, на котором он остановил свой выбор.

Просторное каменное здание. Широкие окна смотрят в парк. За домом, метрах в пятидесяти, плещется Сан. К фольварку от магистрали Санок—Залуж ведет грунтовая дорога с вековыми липами. Со стороны парка и реки фольварк огорожен невысоким деревянным забор-

чиком. К дому примыкали добротные сараи, конюшни, хранилища для зерна, сена и картофеля.

На животноводческой ферме и прилегающих полях трудились сотни поляков из ближних сел. Имение охраняло десять немецких солдат. Сытая, беззаботная жизнь превратила их в лентяев. Появление в Бещадах советских десантников переполошило гитлеровцев. Теперь по вечерам они боялись ходить по селу. В имении закрывали ставни, запирали ворота, спускали с цепей свору свирепых псов.

Разведчики хорошо изучили район вокруг хутора Быковцы, обследовали окружающий лес и доложили: лучше всего проникнуть в имение в субботу вечером, но для безопасности необходимо перекрыть автомобильную дорогу Санок—Залуж.

От успеха операции зависело многое. Прежде всего нужно было запастись продуктами. Теперь каждый день мы кормили не десять человек, а более двухсот партизан. Рассчитывать целиком на местных жителей мы не могли — они сами голодали. Местные патриоты делились с нами последним куском хлеба, но фашисты ограбили села так, что всем приходилось туго. Мы должны были взять хлеб у оккупантов.

Оказавшись в горно-лесистой местности, мы поняли еще одну истину — партизанский отряд должен быть подвижным, постоянно находиться в рейде, ни в коем случае не засиживаться на месте.

Начальник штаба набросал план хутора Быковцы, отметил дороги, указал места для засад и на всякий случай наметил маршрут отхода по берегу реки. Для захвата фольварка отобрали десять человек, остальные должны были прикрыть их.

Небо все в свинцовых тучах. Сыплет мелкий назойливый дождик. С наступлением сумерек подошли к фольварку. Окна его ярко светились. Один охранник

стоял у ворот, другой расхаживал по двору, остальные, видимо, отправились ужинать. Михаил Данильченко бесшумно снял часового у ворот. Десантники вошли во двор имения и закрыли ворота. Кучеров, Георгадзе, Гузанов и Кикнадзе захватили солдат, беспечно пировавших во флигеле. Затем тихо вошли в дом.

Стены обширной прихожей украшали рога оленей и косуль. На них висели дамские пальто, офицерские шинели, кожаные куртки. Имас толкнул дверь, решительно вошел в светлую большую комнату. Вслед за ним с автоматами в руках вошли партизаны.

— Встать! Руки вверх! — скомандовал по-немецки Имас.— Не вздумайте оказывать сопротивление — перестреляем! Фольварк окружен партизанским отрядом.— Взгляд Имаса скользнул по стене. Там висел огромный гобелен с надписью: «Порядок в доме — порядок в государстве». Имас стволом автомата толкнул висевший на стене портрет Ганса Франка [1], который с шумом упал на ковер. Михаил сапогом наступил на самодовольное лицо Франка на портрете.

— Вот и познакомились!

Партизаны быстро разоружили гитлеровцев.

Увидев, как растерялся комендант, Имас посоветовал ему: «Можете звонить по телефону в Санок!» Не уловив в словах Михаила иронии, гитлеровец бросился к телефону и трясущимися руками схватил трубку, но она молчала.

— Теперь убедились, что связи с городом нет? Вы окружены.

В комнате стояла напряженная тишина. Только большие стенные часы продолжали спокойно отсчитывать время. С перекошенными от страха лицами мужчины

[1] Ганс Франк — военный преступник, один из приближенных Гитлера, поставленный во главе Польского генерал-губернаторства и облеченный неограниченной властью.

И. Кабаченко, начальник штаба отряда. 1945 г.

выглядели особенно жалкими. Гауптман Шверин испуганно мигал глазами. Тучный гестаповец, схватившись за сердце, рухнул на пол.

Партизаны забрали у офицеров документы и мундиры. Среди арестованных оказались два матерых гестаповца, офицер польской полиции, три чиновника. Их судьба была решена.

Иван Кабаченко сбросил промокший ватник, надел гестаповский мундир, офицерскую шинель. Я взглянул на него: редкие светлые волосы, прямой нос, высокий лоб — при случае вполне сойдет за немецкого офицера. Кабаченко тщательно осматривал комнаты. Из кладовой

партизаны выносили во двор сало, муку, масло, крупу. В комнате, которая служила библиотекой, Ивану попался на глаза патефон и стопка пластинок. Теперь мы могли вдоволь слушать музыку. Ганий Халфин забрал богатую аптечку, хранившуюся в доме.

Остальные партизаны после ареста коменданта и его гостей поспешили во двор. Здесь распоряжался Андрей Кучеров. Он выбирал лучших красавцев-жеребцов. Нагрузили подводы мукой и хлебом. Позвали местных жителей, чтобы те разобрали зерно.

Два пожилых поляка подошли к Кучерову, щедро раздававшему трофеи. Один из них, низкорослый, коренастый старик с совершенно седыми волосами и бледным, изможденным лицом, заговорил по-русски:

— Пан командир, нам необходимо с вами поговорить с глазу на глаз.

Андрей отошел с поляками в сторону.

— О чем разговор?

— Пан командир, мы из местного звена «Батальона хлопского». Мы нуждаемся в оружии, особенно нам нужна взрывчатка.

Мы уже поделились с двумя местными партизанскими отрядами, дали польским товарищам два ящика патронов, почти все медикаменты. Ну, а кто же им еще поможет? Мы и только мы. Поэтому просьба новых друзей по борьбе не была оставлена без внимания.

Черный и Белый покидали имение последними. Еще раз прошлись по пустым комнатам. Прикололи к двери гостиной написанную по-немецки записку: «Не вздумайте устраивать погоню. Дорогу заминировали».

— Белый, обожди, я в саду кое-что приметил,— Михаил Данильченко нарвал ярко-красных пионов.

— Зачем они тебе!— удивился Имас.

— Знаешь, дружище, завтра день рождения моей невесты Леночки.

— Да, но она в Киеве...

— Это не беда, цветы мы подарим Шуре.

К имению мы пробирались лесными тропами. Но с подводами по тропам не пройдешь. И возвращаться приходилось через хутора и села, где стояли польские полицейские посты или немецкие жандармские отделения.

Разведчики переоделись в гитлеровские шинели. На головной повозке ехал Михаил Имас. Все обошлось бы хорошо, но в одном селе дежурный фельдфебель оказался слишком бдительным. Луч карманного фонарика скользнул по повозке. Жандарм схватился за карабин:

— Стой! Кто такие?— голос звучал сердито.

Георгадзе натянул поводья. Лошади остановились.

— Что везете?— не унимался фельдфебель.

— А ты сам взгляни под брезент,— ответил ему Имас.

Жандарм шагнул к повозке, и в то же мгновение сильные руки схватили его за горло. Александр Георгадзе поспешил Имасу на помощь. Жандарма связали и уложили под брезент. Имас разрядил карабин гитлеровца и пять желтых с зелеными крапинками, похожих на шершней, патронов положил к себе в карман.

Начальник разведки выводил боевые группы в лес. А дождь не прекращался. Партизаны промокли до нитки и еле держались на лошадях. Но знакомый шум леса радовал. Кто станет преследовать нас ночью в такую погоду? А днем, когда каратели хватятся, будет поздно: дождь смоет следы, а в лес гитлеровцы не сунутся. По количеству взятых нами лошадей даже слабо подготовленному в военном деле человеку станет ясно — операцию провел многочисленный отряд.

Остановились в большом лесу. Выбрали место для лагеря на гребне горы. На просеках устроили засаду. Лошадей укрыли недалеко от лагеря на полянах, заросших густой сочной травой. Внизу шумела быстрая

горная речушка. Место мне понравилось: можно держать круговую оборону. Лесные тропы редки, а лес частый, почти непроходимый. В любое время партизаны могли загнать лошадей в густые заросли и стать невидимыми даже для вражеской авиации.

Расставили посты близкие и дальние, выслали секретные дозоры. Начштаба объехал место расположения отряда и доложил мне: можем смело находиться здесь двое-трое суток. Вблизи немецких гарнизонов нет.

Успех придал нам сил и уверенности. Многие новички убедились, что враг бессилен перед нашей тактикой. Удачная операция надолго обеспечила отряд продуктами, и теперь наши бойцы имели трехразовое питание.

С рассветом в лагере наступила тишина. Кучеров отправил людей в разведку.

...Утром «бородачи» направились в палатку радистки с пионами. Шура не поверила своим глазам. И хотя букет держал Имас, девушка поцеловала Михаила Данильченко.

— Черный, ты рыцарь! Только ты, уходя на боевое задание, мог возвратиться с цветами. Спасибо! Я очень благодарна тебе.

На пеньке в глиняном кувшине стояли огненные пионы. Трофейный патефон разносил по лесу танго. Лунева настраивала радиостанцию. Данильченко поглаживал черную бородку.

Белый не спеша рассказывал:

— Однажды богиня цветов Флора получила от Юпитера задание: облететь дальние звезды и посмотреть — вовремя ли они загораются и гаснут в ночном небе. Флора собрала цветы и сообщила, что на время своего отсутствия назначает розу старшей.

— Так у нас в отряде бывает,— вставил Данильченко.

— Я подарил цветы, ты заработал поцелуй. Не мешай мне.

— Ладно, не буду.

— Так вот, все цветы согласились. Один пион зло поглядел на розу и надулся. Это не помогло. Флора увенчала розу своим венком, а пиону сказала: «Гордый и глупый цветок, в наказание за непослушание останешься навсегда толстым и надувшимся».

— Шурочка, он искажает историю. Античный писатель Плиний рассказывает, что свое название это растение получило от имени ученика знаменитого врача Эскулапа — Пиона. С помощью этого цветка он будто бы излечил рану богу ада Плутону, нанесенную Геркулесом. Поэтому в древние и средние века пион считали лекарственным, чудодейственным цветком, ему приписывали способность «изгонять бесов», вылечивать удушье, судороги. История — наука точная, это говорю я — историк!

— Бородачи,— послышался голос Риняка.— Бородачи, давайте к начальнику штаба!

Имас и Данильченко направились к штабной палатке.

Иван Кабаченко пригласил десантников сесть поближе к разложенной на земле карте и тихо сказал:

— Хочу с вами посоветоваться. Нас вторично предупредил Шлензак, что в отряд был направлен шпион. Я долго проверял и пришел к убеждению: среди наших партизан его пока нет. И вот еще одно доказательство — каратели не появились на дороге, по которой мы якобы собирались отходить. А ведь если бы в отряде был лазутчик, он бы передал врагу информацию о нашем плане.

— А, может, специально не передал, чтобы лучше замаскироваться,— возразил Данильченко.

— Нет, упустить такой шанс вражеский разведчик

не мог. Вывод один — пока в отряде вражеского агента нет. Может быть, он еще не успел к нам добраться. Кто он, что сделает сегодня или в ближайшее время — сказать трудно. Поэтому нужно быть особенно бдительными и присматриваться к новым людям.

ТОС — ТЕХНИКА ОСОБО СЕКРЕТНАЯ

В те дни мы ждали пополнение с Большой земли. Михаил Данильченко с группой партизан отправился разведать местность и найти площадку для приема груза и людей, но во время поисков столкнулся с жандармами. В течение трех суток партизаны блуждали по лесу, пытаясь оторваться от преследователей. Спасло умение Черного ориентироваться в лесу по звездам и компасу. На рассвете четвертого дня группа, соблюдая осторожность, подошла к небольшому хутору. Партизаны забрались на чердак заброшенного сарая возле леса и, измученные долгим переходом, повалились в пахучее сено.

Скоро Михаил разбудил Георгадзе.

— Надо менять часовых.

В утренней тишине, казалось, ничто не предвещало беды. А в это время к спящим разведчикам подкрадывались полицаи. Их случайно заметил собравшийся выйти на пост Георгадзе.

Полицейские подползли к сараю, но не спешили открывать огонь. Их было человек двадцать, они прятались за деревьями, боясь подойти ближе.

Михаил Данильченко в щель наблюдал за врагами. «Ждут подкрепления,— заключил он,— мы ждать не

можем!» Спокойствие и распорядительность Данильченко выручили попавших в беду партизан.

— Все к бою!— скомандовал Михаил.— Мы должны атаковать внезапно и решительно. Они не знают, сколько нас. Чем смелее атакуем, тем больше шансов остаться в живых. Георгадзе, открыть ворота! Я пойду первым.

Черный взвел затвор автомата, приготовил гранату, резким движением выдернул предохранительную чеку. Жалобно заскрипели ржавые петли. Двери распахнулись. В сарай ворвался солнечный свет. Михаил швырнул гранату. Почти одновременно со взрывом прозвучал его властный голос:

— Вперед!

Строча из автомата, Данильченко выскочил на поляну. За ним устремились партизаны. В лесу не досчитались двух товарищей. Не каждому суждено было остаться в живых.

И все-таки, несмотря на неудачи, группа Михаила Данильченко выполнила задание и подобрала несколько площадок для приема самолета.

К встрече самолета готовились особенно тщательно. Мы с нетерпением ждали посланцев Большой земли. Мысль о самолете радовала нас и тревожила. Радовала возможность получить от родных весточку, почитать свежие газеты; тревожило то, что май выдался на редкость дождливым. Проливные дожди замучили партизан. Одежда набухла и стала тяжелой, обувь просто-напросто развалилась. Мы кое-как обсушивались у костров, но часто разводить их не могли, так как немецкая авиация следила за нашим районом.

Нас беспокоила площадка для приема самолета. Она находилась всего в семи километрах от города Устшики-Дольне. Для безопасности выставили дозоры и заминировали дороги.

В условленное время над лесом появился самолет.

— Зажигай костры!— скомандовал Иван Царенко.

Александр Георгадзе бросился к куче хвороста. На ходу достал из кармана зажигалку, снял колпачок. Чиркнул раз, второй, третий. Отсырела! В небе нарастал шум моторов. Самолет прошел над лесом, а партизаны так и не смогли зажечь сигнальных огней.

— Давай костры! Костры!— надрывался голос Царенко.

А в ответ слышалось одно:

— Дрова отсырели.

Вот так история вышла! Над нами кружил такой долгожданный самолет, а мы ничего не могли поделать.

Летчики, уверенные в том, что точно вышли в заданный район, развернули самолет над местом нахождения отряда. А тут мелкий, густой дождь как назло перешел в ливень. Тысячи струй с остервенением хлестали по нашим лицам. Ручьи превращали землю в болото. Летчики несколько раз включали и выключали мощный прожектор. Размытое пятно света скользило по верхушкам елей: где же вы, партизаны?

Остались считанные секунды: вот-вот пронесется самолет над головами в последний раз и больше уже не появится.

— Снимай нательные рубашки!

Приказ Ивана Царенко все выполнили мгновенно. Огонь жадно пожирал сухую ткань, обжигал руки бойцов, но никто этого не замечал — все смотрели в небо.

Самолет, ревя могучими моторами, пронесся над партизанами.

— Прыгнули! Прыгнули!— зазвучали голоса.— Смотрите, раскрылись купола.

Через несколько минут спустились парашютисты. Белое полотнище накрыло Ивана Царенко. Он помог десантнику погасить купол. На поляне послышались радостные приветствия.

Партизаны сняли с деревьев два парашютно-десантных мешка, погрузили их на повозку. В путь! До лагеря десять километров, пройти их надо быстро и незаметно для врага.

Утром мне представились молодые подтянутые минеры.

Старшим был комсомолец Владимир Никитович Павленко. Двадцатидвухлетний старшина выглядел молодцевато, говорил не спеша, казалось, взвешивал каждое слово. Вместе с ним прилетел и радист Дмитрий Платонов. Я вскрыл пакет и прочитал: «Вместе со специально подготовленными радистами в отряд под вашу персональную ответственность направляются совершенно секретные мины. Их следует использовать для удара по объектам, находящимся в районе Жешува, или по другим целям, имеющим к ним отношение».

ТОСы — так назывались новые мины — срабатывали только после команды, поданной радиопередающим устройством. О секретах оружия знали прибывшие к нам минеры, я и комиссар отряда. Полученные мины тщательно охранялись. Во время перехода их везли на лошадях, завернув в парашютный шелк и брезент. Каждый ТОС ставился на боевой радиовзвод. На стоянке хорошо замаскировывали ТОСы на деревьях. Любая попытка снять их без предварительного радиоразминирования вызывала взрыв.

Вскоре я получил от Шлензака важное донесение. Он писал:

«Гестаповцы очень встревожены действиями партизанских минеров. Железнодорожное начальство совершенно обескуражено и не может дать точного ответа, почему взрываются только эшелоны с танками, горючим и боеприпасами? Вчера подслушал телефонный разговор: начальник гестапо требовал от подчиненных уточнить, какие мины применяют партизаны. Его удивляет

сила взрыва и то, что мина как будто сама выбирает нужный ей эшелон. Гестаповцы удивляются: вблизи железной дороги нет ни одной живой души, а мины взрываются. Не управляют ли ими по радио? Перехватчики сообщили о неизвестных коротких радиосигналах. Примите, друзья,— заканчивал свое донесение Шлензак,— все меры предосторожности. Помните, гестапо направило к вам в партизанский отряд своего лазутчика».

Мысленно я поблагодарил нашего друга за ценную информацию.

Предупреждение Шлензака о вражеском лазутчике заставило командование отряда усилить охрану секретных мин и мобилизовать каждого бойца на четкое несение караульной службы. На привалах и ночевках тщательно проверялись посты, секреты, дозоры.

Главное внимание отряда было направлено на определение сил и средств, которыми гитлеровцы располагали в данном районе. У нас не существовало понятия передний край, фланги, тыл. Фашисты могли появиться откуда угодно, поэтому наши люди всегда были начеку. Карателям ни разу не удалось застать нас врасплох. Мимо партизанских дозоров не проскользнул даже такой осторожный человек, как Фетер — один из местных жителей, активно помогавший нашему отряду. Однажды Фетер пришел к нам не один.

— Ну вот, командир, с согласия твоего начальника штаба привел в отряд Викторию Максимилишан и ее мужа Юзефа,— сказал Фетер.

Передо мной стояли стройная женщина с большими добрыми глазами и коренастый мужчина. Его светлые, давно не стриженные волосы шевелил ветер. Спокойный взгляд из-под густых бровей как бы говорил — мы пришли к вам, к нашим братьям.

Это была вторая женщина в партизанском отряде.

Шуру партизаны считали своим человеком, равноправным бойцом. Они с подчеркнутой внимательностью относились к ней, оберегали от многих невзгод. Шура держалась просто, не претендуя ни на какие поблажки, но вместе с тем заставила партизан уважать ее, помнить, что она женщина. Как отнесутся в отряде к Виктории? Заслужит ли она наше расположение? Как примут ее огрубевшие от долгой разлуки с женщинами люди?

— А вам, Виктория, не страшно будет в лесу?

Она усмехнулась краешками губ:

— На войне, пан командир, всем страшно, так что я не одинока.

— Оружие у вас есть?

— Пистолет без патронов и огромное желание бить оккупантов.

— Ладно,— сказал я,— оставайтесь в отряде. Пока побудете в хозвзводе.

— Пан командир, я хорошо знаю немецкий, польский, украинский и русский, умею метко стрелять. К тому же я комсомолка и мое место в бою.

Виктория из-за голенища сапога вытянула книжечку, завернутую в платочек. Я не поверил своим глазам: «Коммунистический союз молодежи — КИМ, билет, выдан...»

Виктория пояснила:

— Я жила до войны во Львове, была студенткой и поступила в комсомол. Из оккупированного города гитлеровцы насильно увезли меня в Германию.

Судьба приготовила Виктории много суровых испытаний. Летом 1942 года она бежала из лагеря восточных рабочих. Жандармы схватили ее под Краковом, и вот снова Германия, тюрьма, побои, издевательства надсмотрщиков. После суда Викторию направили на принудительную работу в имение бюргера, находившееся вблизи города Франкфурт-на-Одере. От тяжелого

физического труда девичьи руки огрубели, стали сильными. Там она вместе с Юзефом тайком тренировалась прыгать, быстро перелазить через ограды.

Подошла осень 1943 года с теплыми прозрачными днями «бабьего лета». Однажды, выбрав момент, Виктория выдавила оконное стекло, сняла защепку на раме и проникла в спальню хозяина. Она искала пистолет. Бросилась к комоду, но он не открывался. Послышались шаги. Виктория спряталась за шкаф. Переждала, пока стало тихо. Снова попыталась открыть комод, но замок нижнего ящика, где лежал «вальтер», не поддавался. Дернула верхний ящик — открылся. Вынула еще два ящика и добралась до пистолета. Проверила обойму. Заряжен. Потом она подожгла собранный в имении хлеб и вместе с Юзефом бежала в Польшу. Викторию Максимилишан вскоре стали уважать все бойцы отряда за смелость и решительность.

* * *

Как-то раз, возвратясь с боевого задания, начальник штаба доложил, что недалеко от селения Устшики-Дольне действует спиртовой заводик. Продукция его регулярно вывозится в Германию. Местные полицаи, а их там было человек пять-семь, в последнее время слишком зарвались. Дело в том, что наши взаимоотношения с польской полицией складывались весьма своеобразно. Вскоре после нашего приземления в отряд стали поступать донесения, что сельские полицаи готовы нам оказывать услуги. Начальник штаба, не ожидая предложений стражей порядка, через польских подпольщиков направил им письма-ультиматумы с требованием «не видеть партизан и ничего не слышать о них». Некоторое время они так и вели себя. И вот теперь Кабаченко доложил, что полицаи забыли о своих обещаниях. Он

предложил послать в село группу партизан во главе с Владиславом Риняком.

В полночь партизаны разбудили управляющего спиртзаводом. Тучный лысый мужчина изрядно перепугался и никак не мог сообразить, что за люди оказались в его спальне.

— Мы — партизаны, пан управляющий. Понимаете, партизаны! Пока просим вас без лишних разговоров взять ключи, открыть склад и лабораторию,— сказал Риняк.

— Вам дай ключи, а потом меня немцы повесят!

Владислав смерил управляющего холодным взглядом.

— Пан управляющий преувеличивает опасность. Такого тучного человека не выдержит никакая веревка. А чтобы вы избежали перекладины с двумя столбами, дадим партизанскую справку. Устроит такой вариант?

— Справку! Справку!— взмолился управляющий.

Риняк сел за стол и на чистом листе размашисто по-польски написал: «Справка. Мы, партизаны, считаем: спирт швабам не нужен. Все запасы его вместе с лабораторией уничтожили».

Партизаны выпустили из бочек спирт. В лаборатории разбили аппаратуру. После операции на спиртзаводе они зашли к местному подпольщику Юзефу и узнали, что полиция действительно проявляет служебное рвение — обыскивает квартиры поляков, связанных с партизанами, выдала немцам тайник, где подпольщики прятали оружие и боеприпасы.

— Им что, жизнь недорога?—взорвался Владислав.— Где они сейчас, не знаешь?

— С вечера собирались в школе смотреть кино.

— Мы им сейчас прокрутим свою ленту.

Вход в здание охранял продрогший полицейский. Моросил холодный дождик. Часовой попыхивал сигаретой и злился. Еще бы, дружки дуют спирт и ржут, как

лошади, в теплой комнате, а он топчется под окнами.

Риняк шел медленно и важно. На нем были добротные ботинки, коричневая кожаная куртка.

— Стой! — скомандовал полицай. В окрике прозвучало желание сорвать на ком-нибудь злость.— Кто такой? Зачем здесь ходишь? Предъяви документы.

Риняк приблизился к часовому:

— Документы у меня в порядке. Желаете взглянуть?

— Покажи! — Часовой взглянул на удостоверение.— Свободен. Проходи.

Партизан как можно мягче обратился к полицейскому.

— Может, пан начальник скажет, где живет...

— Проваливай, пока не получил по морде!

— Ухожу, пан начальник, только взгляните на мою записочку, там написано кто я и о том, что полиция должна мне помогать.

Владислав подал записку и еще на шаг приблизился к полицейскому. Часовой с неохотой взял листок бумаги.

Риняк резким ударом в живот сбил часового с ног, связал ему руки и загнал кляп в рот.

— Виктория, вперед!

Максимилишан открыла дверь и вошла в дом. В маленьком темном зале стоял густой запах табака. Освоившись с темнотой, Виктория позвала:

— Прошу пана Гучнацкого.

Заскрипели стулья, кто-то выругался. К Виктории пробирался, видимо, Гучнацкий.

— Что пани желает?

— Здесь нельзя говорить, могут подслушать, а дело важное.

— Ладно, пошли во двор.

Гучнацкий, накинув плащ, небрежно надел полицейскую фуражку.

Глухо хлопнула дверь. В зале продолжали смотреть довоенный итальянский фильм о ревнивом муже и красавице жене.

— Старший полицейский Гучнацкий?— спросил Владислав.

— Да! А вы кто?

— Мы — партизаны. Не вздумай кричать. Оружие у подпольщиков забрал?

— Я на службе, панове партизаны.

— Если хочешь, чтобы эта ночь для тебя хорошо закончилась, верни оружие.

— Его увезли немцы.

— Пусть отдаст оружие полицейского участка,— подсказала Виктория.

— Согласен. Забирайте!

В полицейский участок вошли Риняк и Максимилишан. Четверо дежуривших там полицейских играли в карты. Вскинув пистолет, Владислав приказал:

— Руки вверх!

Максимилишан открыла пирамиду с оружием. В это время к полицейскому участку подкатила подвода. На нее погрузили винтовки, ящики с патронами и гранатами.

Владислав разбил телефонный аппарат, снял со стены портрет Гитлера, растоптал его мокрыми грязными ботинками.

— Если еще раз окажете помощь гитлеровцам — смерть! Ясно?

— Как не ясно, пан партизан...

Полицейских крепко связали. На столе оставили записку. «Здесь были партизаны, оружие конфисковано для борьбы с гитлеровскими бандитами».

По приказу штаба партизанского движения мы развернули активные диверсионные действия на железных дорогах. Группы минеров буквально атаковали железные дороги, мосты, линии электропередач, военные объекты. Внезапность, верный помощник в борьбе с врагом, стала нашим надежным союзником. Анатолий Гузанов и Шура Лунева часто выходили в эфир. С каждым днем рос счет взорванным гитлеровским эшелонам.

Взрывы на дорогах вблизи станций Санок, Устшики-Дольне, Перемышль парализовали движение железнодорожного транспорта. Если до начала рельсовой войны существовал определенный график движения поездов и эшелонов, то теперь от него не осталось даже следа. Составы задерживались на станциях и разъездах, не хватало ремонтных бригад, и немецкое командование бросало на восстановительные работы регулярные войска. А партизаны устраивали на лесных дорогах засады, встречали гитлеровцев свинцом, заманивали их на минные поля.

В Польше мне не раз приходилось беседовать с пленными гитлеровскими солдатами и офицерами, которые, еще не побывав на фронте, испытали силу партизанских мин. Вид у этих вояк был растерянный и жалкий. Все они признавались, что каждый, кто едет на Восточный фронт, боится, так как знает, что партизаны минируют железную дорогу.

До середины июня наш отряд пустил под откос десять воинских эшелонов, столько же вражеских составов загорелось в пути от маломагнитных мин, поставленных нашими помощниками. Поляки крепили маломагнитки к цистернам с горючим. Зная от местных железнодорожников время отправления того или другого поезда, патриоты действовали наверняка. Мины взрывались в пути, состав охватывало пламя.

А. Гузанов, радист. 1949 г.

Мы взрывали ремонтные поезда, станционное оборудование, мосты, линии связи. Эшелоны с боевой техникой и живой силой летели под откос. Часто минеры закладывали взрывчатку под рельсы одновременно в нескольких местах. Такие операции давали большой эффект. Нарушался график движения, лихорадило всю железнодорожную службу. Пока фашисты устраивали прочес подступавшего к дороге леса, в пути задерживались десятки других эшелонов.

Маломагнитки партизаны «клеили» к воинским автомобилям и бензовозам. Оккупанты никогда не знали,

где и когда взорвется очередной партизанский «сюрприз».

Удар по железным дорогам отряд наносил по приказу штаба партизанского движения. Мы предполагали, что в ближайшее время начнется мощное наступление советских войск. Получив конкретную задачу, стремились выполнить ее четко и в сжатые сроки. Застрельщиками рельсовой войны были коммунисты и комсомольцы отряда. Иван Царенко, Михаил Имас, Михаил Данильченко, Андрей Кучеров, Семен Кикнадзе проявляли высокое мастерство и сообразительность. Опыт их немедленно становился достоянием всех партизан.

Взрывами мы держали карателей в постоянном страхе. Особенно грозным оружием оказались ТОСы. Мина, управляемая по радио, взрывалась там, где ее оставляли, и тогда, когда это было нужно. Командование отряда имени Пожарского тщательно изучило этот новый вид мин и решило использовать их как можно эффективнее.

А начинали мы «работать» с ними не без предосторожностей, постепенно накапливая опыт.

Помнится, комиссар отряда собрал коммунистов и предложил подумать, где и как лучше всего применять это грозное оружие. Тогда мы еще не знали «повадок» этой новой мины. Кого же послать первым? Имас — слишком горячий. Данильченко? Подходит... Но техника ему неподвластна. А вот Иван Кабаченко технику знает и хладнокровен, да и опыт у него немалый. Я невольно вспомнил «работу» Кабаченко, когда мы с ним подрывали эшелоны на Украине, и взглянул на своего друга:

— Ну, Ваня, начинай... Иди старшим группы.

— Я готов, но потолкую с минерами, схожу в разведку, гляну.

Для начала разведчики «облюбовали» мост на перегоне железной дороги Кросценка — Старьевка. Ночью они «заменили» на мосту полицейского. Владимир Пав-

ленко к одной из опор прикрепил радиоуправляемую мину. Снятому часовому приказали позвонить дежурному по караулу и доложить, что все в порядке.

Из укрытия, где пряталась группа Кабаченко, мост хорошо просматривался. Сначала пропустили товарняк. Затем проследовал небольшой состав с углем. За ним прогромыхал порожняк. Не то... все не то... Постепенно затих перестук колес последнего вагона. Партизаны вслушивались в утреннюю тишину. Огненный шар солнца все выше поднимался над верхушками сосен. Таял густой, как молоко, туман. Как только даль посветлела, со стороны станции Кросценка показалась дрезина. На ней ехали три немецких солдата. «Черт их несет к мосту! Неужели почувствовали неладное?» — подумал Владимир Павленко. У моста немцы остановились, о чем-то переговорили, закурили и, переставив дрезину, покатили назад. Почему они вернулись, что их напугало? А может быть, успокоило?

Больше всех тревожился Кабаченко. Под мостом находилась радиоуправляемая мина, за которую он отвечал головой. А вдруг рация не сработает и враги обнаружат мину? Время шло, а нужный эшелон не появлялся.

— Иван, ты зря волнуешься, мину никто, кроме нас, не снимет.

— Знаю, но мина больно знатная. За себя так не беспокоюсь, как за нее.

Владимир Павленко поднес к глазам бинокль. Вот он — долгожданный эшелон! Платформы старательно укрыты брезентом. Танки... С ними встречался Владимир Павленко в сорок первом на Украине, а потом на берегу Дона. Тогда стальные чудовища безжалостно мяли хлеба, утюжили окопы его полка. Им навстречу летели бутылки с горючей смесью. Один вражеский танк прошелся над траншеей, в которой сидел Павленко. Укрепленная

солдатскими руками траншея выстояла, не обвалилась. Владимир оглох от рева мотора, но не растерялся, вспомнил, что осталась еще одна бутылка с горючей смесью. Вскочив, он метнул ее в стальную громадину. Вспыхнул огромный факел. В тот памятный день солдат Павленко перестал бояться танков. В партизанском отряде на Украине он взрывал разные воинские составы, а вот с танками встречаться не приходилось.

Эшелон приближался к мосту. Укрытые брезентом танки казались не такими большими, как на поле боя. «Довелось-таки встретиться еще раз! Теперь я вас угощу уже не бутылкой с горючей смесью»,— подумал Павленко.

Паровоз, словно принюхиваясь к мосту, замедлил ход. Павленко сосчитал до пяти и включил рацию. Зеленый глазок сигнальной лампочки успокоительно подмигнул — все в порядке. Рука легла на лимб. Плавный поворот — и стрелка указателя волн сместилась влево. Как только паровоз миновал мину, Владимир Павленко повернул лимб еще на одно деление.

Ослепительный свет метнулся под колесами головного вагона, контуры моста скрылись в клубах бело-коричневого дыма и пыли. Раздался раскатистый грохот. Задрожала земля. Мост какое-то мгновение еще держался на опорах. Но вот вместе с эшелоном сорвало с быков и многотонную мостовую ферму. Железо и камень, охваченные огнем и дымом, полетели в реку.

«ВНИМАНИЕ! ПОДРЫВАЮ МИНУ!»

...Майор-связист с элегантной бородкой, в безукоризненно сшитом кителе прогуливался по перрону станции Санок. В петлице его мундира красовалась ленточка креста «За военные заслуги».

Вот майор остановился перед дверью ресторана с табличкой «Только для немцев». Небрежно толкнул дверь. В вестибюле, не глядя на швейцара, ткнул ему в руки фуражку. В полукруглом зале, смотревшем большими запыленными окнами на перрон, было накурено. Многие офицеры успели изрядно выпить, за столиками шла оживленная беседа. На маленькой сцене длинноногая певичка с распущенными волосами сиплым слабеньким голоском что-то пела о «смелом немецком солдате». Майор отыскал у окна свободное место.

— Вот что,— сказал майор официанту,— принеси хороший коньяк. А это тебе,— и он протянул щедрые чаевые. Елейная улыбка застыла на лице официанта.

Потягивая коньяк, майор, казалось, погрузился в свои мысли. Однако это только казалось... Михаил Имас не имел военного образования. Но война многому научила его. Хорошей школой оказалось подполье на станции Помощная, а затем — разведрота в партизанском отряде имени Пожарского. Михаил привык выполнять смелые и рискованные задания. Он знал французский язык, безукоризненно говорил на чистейшем берлинском «фольксдойче», метко стрелял из любого оружия, хорошо водил мотоцикл и автомобиль. В опасных сражениях и сложных ситуациях он не терялся и не падал духом. В бою стрелял короткими меткими очередями и умел быстро занять выгодную позицию. Партизаны называли Белого «счастливчиком». Но военное «счастье» немыслимо без выдержки и храбрости, а этими качествами Имас обладал.

Имел Михаил и другие ценные качества разведчика— осторожность и осмотрительность. Однажды в окрестностях города Санок автоматная очередь сразила немецкого офицера. Партизаны сняли с мундира ромбик с фашистской свастикой. Отправляясь вместе с Имасом

на боевое задание, Риняк прицепил на свой китель этот ромбик. Михаил потребовал немедленно снять его: никто в отряде не знал, кто мог носить такой ромбик и за что им награждали.

— Разведчика подводят мелочи или нервы,— любил говорить Имас,— но чаще всего невнимание к мелочам.

Вскоре Михаил и Владислав взяли в плен немецкого лейтенанта. На его мундире красовался точно такой же ромбик со свастикой. Оказалось, что он является отличительным знаком немецких студентов, и Риняк, будучи поляком, конечно же, не мог носить его.

...Майор-связист приказал официанту открыть окно. Легкий сквозняк потянул из ресторана табачный дым. Имас незаметно наблюдал за работой камеры хранения. Вот к ней подошли три офицера. Колченогий ефрейтор с тыквообразной головой, посаженной на длинную шею, осматривал чемоданы, простукивал и прослушивал их. «А, черт тебя возьми! Что же делать?»

Выходя из ресторана, Имас задержался у зеркала, провел расческой по волосам, поправил фуражку и взглянул на швейцара. Это был мужчина лет сорока с большим шрамом на лице.

К удивлению Михаила у швейцара на груди висел золотой знак «За рукопашный бой». Имас впервые видел такую награду, но знал, что она выдавалась за участие в пятидесяти рукопашных схватках. «Повезло тебе, фашистскому гаду. Уцелел. Но ничего, у меня тебе бой не выиграть».

Швейцар с мутными глазами пропойцы держал в руках плащ майора. Имас достал десять марок. Радость мелькнула в глазах швейцара.

— Может быть, подскажешь адресок местной красотки?

— Охотно, господин офицер. Поблизости есть превосходная девочка.

— Вот тебе, получай.— Михаил сунул швейцару чаевые.— Если красотка хороша, получишь еще столько же. Понял?

— Будет полный порядок, господин офицер. Желаю весело провести время.

Вблизи вокзала Имаса ждал переодетый в форму польского полицейского Владислав Риняк. Друзья вместе зашли в здание вокзала, осмотрелись и направились к перрону. На ближнем пути стоял состав с цистернами. К двум цистернам Имас и Риняк прикрепили по магнитной мине с химическими взрывателями. Риняк успел еще две мины пристроить к вагонам.

В это время старенький паровозик поволок цистерны с горючим на запасной путь. Владислав Риняк вскочил на подножку медленно катившегося мимо вагона.

— Встретимся в машине,— бросил он Михаилу.

Имас направился к вокзалу. «Чемодан-то лучше всего оставить в гардеробе...» Эту мысль Михаила прервало восклицание:

— Гусеничный тягач, как можно не замечать старших офицеров! [1] О чем вы думаете?

Михаил круто повернулся, стал по стойке «смирно».

— Думаю, как скорее попасть на фронт,— выпалил он и тут впервые растерялся. В черной форме полковника известной танковой дивизии «Легион Кондор» с внушительным портфелем в руке стоял старый добрый знакомый, с которым много раз ходил Имас в разведку и минировал дороги,— отважный поляк Зигмунд Жулковский.

---

[1] Из-за витых погон, напоминающих гусеницу, штаб-офицеров называли «носителями гусениц»; игра слов означала «гусеничный тягач».

У Имаса перехватило дыхание. Война — вереница невероятных событий, встреч, неожиданностей. В тылу фашистских захватчиков встретились два разведчика.

Кавалер высшего фашистского ордена «Немецкий крест» Клаус Карлсон, он же Зигмунд Жулковский, ехал в Варшаву. Выглядел он шикарно. Идеально пригнанный по фигуре мундир, начищенные хромовые сапоги. На бронзовом от загара лице уверенность. Золотой знак члена национал-социалистской партии придавал внешнему облику полковника внушительный вид. Такие знаки были изготовлены по личному распоряжению Адольфа Гитлера и служили самой высокой наградой первым ста тысячам членов партии, вступивших в нее до 1933 года. Лица с такой наградой встречались в армии редко, их боялись и старшие и младшие офицеры.

Жулковский узнал Имаса в ресторане, но не подошел к нему, а решил понаблюдать за работой друга: не делает ли он ошибок, а если делает, то подсказать и помочь. «Интересуется камерой хранения, собрался ставить там мину. Я бы тоже так поступил». Выходя из ресторана, Жулковский подумал: «Нет, пожалуй, мину ставить лучше в гардеробе. Взрывом вышибет стену, завалит ресторан, зал ожидания, достанется еще и скучающей офицерне в привокзальном скверике».

— Не рад встрече, приятель?— полковник подошел к майору и первым небрежно протянул руку.

В блестящих глазах Жулковского Михаил уловил большую радость. Автоматически отвечая на приветствия проходивших мимо солдат и офицеров, они остановились на краю перрона. Выждав, когда поблизости никого не было, «полковник» тихо заговорил по-русски:

— Миша, последний раз мы виделись два месяца назад на станции Шевченко. Как далеко ушли за это время наши на запад! Рассказывай, рассказывай скорее самое главное.—Он взглянул на часы, затем на Имаса.—

Если твои хлопцы не взорвали на дальних подступах к станции мой поезд, то он скоро подойдет. Рассказывай же!

— Зигмунд, все еще не могу прийти в себя. Вот так встреча!

Два друга стояли на краю перрона станции Санок. Они беседовали, подставив лица ласковому июньскому солнцу. А вокруг лязгали буферами вагоны. Сотни немецких офицеров садились в поезда, выходили из здания железнодорожного вокзала, куда-то спешили, суетились.

— Мне хочется в отряд, посмотреть на вас, поговорить с каждым.

— Зигмунд, теперь мы в Польше и обязательно встретимся.

— Михаил, ты помнишь станцию Шевченко, как там Ваня Царенко лихо выбивал «яблочко»? Вот бы нам с тобой сейчас, подбоченясь, на этом перроне выдать «яблочко»! Представляешь, какой поднялся бы здесь переполох! Друг мой, Миша, наша берет. Советская Армия приближается, а эта нечисть все еще пыжится. Передай нашим ребятам, что фашисты мне уже заплатили по крупному счету, и я с ними рассчитаюсь сполна,— говорил Жулковский.

Между тем Владислав Риняк пригнал «оппель-адмирал» на улицу Зеленую. Вышел из машины, закрыл на ключ дверцы и пошел на станцию. Заминированные вагоны продолжали стоять у вокзала. Соляная кислота неумолимо разъедала предохранительные чеки взрывателей.

«Начнут мины рваться раньше, провалится задуманная операция. Что же делать?— думал Владек.— Куда делся Имас?»

Приближалось время обеда, и камера хранения должна была закрыться. Риняк привез мину, но на Вокзальной улице никого не было. Михаил всегда отличался

точностью. А сейчас... Владеком все больше овладевало беспокойство. Он сидел в автомашине, как на раскаленной сковородке. Появление Михаила рядом с немецким полковником еще больше озадачило Риняка.

Владислав искоса посмотрел на полковника. На рукаве кителя зловеще поблескивал почетный знак «Кондор» — зеленые лавровые ветви обрамляли серебристый череп со скрещенными костями, из-под которых проглядывало изображение танка.

«Легион Кондор» заслужил этот страшный знак на полях Франции, Бельгии и Югославии. Под Москвой «Кондор» был фактически разгромлен. Командование вермахта направило остатки легиона во Францию. Офицеры воинского подразделения «Кондор», как правило, были выходцами из зажиточных семей, быстро продвигались по службе. Разведчик избрал для себя мундир офицера «Кондора» не случайно — так было безопаснее, ибо в это время легион переместился в район Кракова.

Удивленный Риняк автоматически выполнял распоряжения майора, стараясь в то же время разобраться в ситуации.

Тем временем Имас и его спутник подошли к ресторану. Швейцар учтиво распахнул двери. Вслед за офицерами, хлопая широкими голенищами солдатских сапог, Риняк внес поблескивающий желтой кожей чемодан.

Полковник снял фуражку и подошел к зеркалу. Майор приблизился вплотную к гардеробщику:

— Надул ты меня, старик, девчонка занята.

— Господин майор, я не виноват, можете зайти к другой. Есть не хуже и живет рядышком.

— Нет, старик, я встретил товарища. Нам не хотелось бы тащить чемодан в зал. Оставлю его у тебя.

— Это можно, только следует спрятать подальше от глаз начальства.

Владислав спровадил чемодан в угол гардероба, прикрыл его плащом.

— Так сойдет?

— Сойдет.

— Знай, старик, мою щедрость.— Имас достал из портмоне сто марок и бумажку в 500 гуралей.

Мина была на месте. Теперь главное — не вызвать подозрения у швейцара и незаметно покинуть ресторан.

К перрону подкатил воинский эшелон. Выскочив из вагона, офицеры гурьбой бросились в ресторан, солдаты — в буфет.

— А что, если с чемоданчиком сесть в поезд?—предложил Имасу Жулковский.— Пусть твой помощник заберет его у швейцара.

— Я об этом уже подумал. Подходит.

Риняк, стараясь не сгибаться под тяжестью чемодана, нес его за полковником. В вагоне для старших офицеров нашли свободное место. Попутчиков Жулковский угостил коньяком и сказал:

— Ну, надо еще подышать на перроне воздухом.

Выйдя из вагона, Жулковский, Имас и Риняк смешались с толпой. Они благополучно пересекли привокзальную площадь.

— Ну, Владек, жми!— сказал Имас, садясь в машину.

Жулковского подвезли к гостинице.

— Желаю успеха, дорогой друг! Надо спешить.

— Спокойно, Имас. Передай большой привет лесной гвардии.

Имас торопил Риняка. Важно было взорвать мину вблизи станции. Мотор работал хорошо. «Оппель», повинуясь Риняку, уносил партизан из города. Риняк обернулся к Имасу и взглядом спросил: кто это был?

— Хороший человек, смелый, герой,— с гордостью сказал Имас.

На КП жандармы проверили документы. Все в порядке. Понадобилось еще полчаса, чтобы партизаны оказались на опушке соснового леса. Где-то здесь в густых кустах притаились Платонов и Павленко. Имас первым вышел из машины. Риняк загнал «оппель» в заросли кустарника. Словно из-под земли появился Платонов:

— Ну, что у вас?

— Докладываю: мина в пассажирском поезде. Он выходит со станции. Давай!— сказал Имас.— Ну, мы им сейчас устроим карусель!

— За мной остановки не будет. В нашей мине двойной заряд. Она так рванет, что станет жарко.— Радист расчехлил радиостанцию. Зажглась сигнальная лампочка. Послышался писк морзянки.

Железная дорога проходила недалеко и была хорошо видна с пригорка. Не успел Имас переговорить с товарищами, как появился поезд. Черный шлейф дыма тянулся за трубой паровоза. На повороте вагоны выгнулись гармошкой. В них ехало новое пополнение. Спешили на фронт командиры взводов, рот, батальонов. Они уверены в своей безопасности, едут по захваченной еще в 1939 году польской земле.

— Внимание! Подрываю ТОС!— Возглас Платонова потонул в мощном взрыве. Эшелон сначала как бы споткнулся, словно из-под него невидимая сила выхватила рельсы, потом резко подпрыгнул, на какое-то мгновение застыл в воздухе и рухнул. Лес застонал. Воздух вздрогнул и заходил волнами. Послышался грохот взрыва и лязг металла. Паровоз лежал на боку в клубах пара и дыма.

После этой диверсии гестаповцы решили оградить город Санок от партизанских «визитов». Они подтянули карательный отряд и начали прочесывать окружающие леса.

...Ударная группа под командованием Ивана Царен-

ко, соблюдая маскировку и тишину, подбиралась к дороге. Старались подойти поближе к гитлеровцам, а затем забросать их гранатами. Убедившись, что партизаны вышли на исходный рубеж, Царенко выстрелил из ракетницы. В хмуром небе повисла красная ракета.

«Ура-а-а!» Партизаны бросились в атаку. Гитлеровцы сильным огнем встретили наступающих. И вдруг крупнокалиберный пулемет, находившийся на левом фланге фашистов, стал косить своих же солдат. Получив огневую поддержку, пожарцы вышли на дорогу и смяли фашистский заслон. Бой был коротким, но жестоким. Немецкие пулеметчики, которые помогли нам в схватке на дороге, сдались в плен.

Немцев допросил Имас. Ефрейтор Фолькмар Венцель жил в Гамбурге, работал грузчиком в порту, сидел в концлагере четыре года. За подозрение в нелояльности к фашистскому режиму попал в штрафной батальон. Он говорил нам, что пытался перейти к чехословацким партизанам, но те ему не поверили. Его напарником был Вольф Вайнруб, паренек семнадцати лет[1].

Фолькмар сказал комиссару Похилько, что их переход был обдуман давно, а самое главное доказательство — он совершен на поле боя.

— Мы выполним любой приказ вашего командира отряда. Мы просим нам поверить и дать возможность доказать нашу ненависть к фашистам.

Колонна двигалась ускоренным шагом. Комиссар, шлепая кирзачами по размытой дождем проселочной дороге, догнал меня в головном дозоре.

— Эти немцы нам крепко помогли в бою. Давай возьмем их в отряд, проверим.

Взять двух вражеских солдат в партизанский отряд? Но мы их видим впервые и ничего о них не знаем. А что,

[1] Уже в начале 1941 года германское командование вынуждено было принимать в армию семнадцатилетних юношей.

если гестапо решило пожертвовать крупнокалиберным пулеметом и жизнью десятка солдат для заброски к нам двух провокаторов? Я задумался над предложением комиссара. И решил его принять.

...Стояла самая короткая летняя ночь. Выдалась она темной, с дождем и ветром. Легенда говорит, что именно в ночь под Ивана Купала цветут папоротники, но мы не видели фантастических огненно-красных цветов, якобы приносящих счастье. Мы спешили уйти в другой район и на месте недавней стоянки развернуть боевые действия. Нужно было незаметно войти в лес и разбить лагерь на заранее найденной разведчиками поляне.

Иван Кабаченко с одним из разведчиков поскакал проверить село, через которое должен был пройти отряд.

Разведчики въехали в село. Прислушались. Гитлеровцев не слышно, дорога как будто свободна. Но тут до слуха Ивана долетел отдаленный конский топот. Может быть, почудилось? Кабаченко насторожился. Кто-то едет. Партизаны приготовились к неожиданной встрече. Показался всадник. Это был немецкий капитан на превосходном скакуне.

Партизаны сразу же обезоружили капитана. Любитель красивых рысаков Кабаченко не мог налюбоваться трофейным конем.

При допросе капитан сказал, что вырвался вперед, совершенно уверенный в том, что в этих местах нет партизан и дорога безопасна. За ним движется конная колонна. Кабаченко приказал капитану зайти в ближайшую хату. Немец бросился убегать, но его настигла автоматная очередь.

Перед въездом в село Кабаченко оставил часового. Он должен был встретить отряд и предупредить об опасности. Сам же Иван поскакал по дороге разведать, где находится конная колонна, о которой говорил капитан.

Но в пути ее что-то, очевидно, задержало, а наш отряд подходил к селу.

Моросил мелкий, частый дождь. Темнота, слякоть. Партизаны подошли к окраине села — никого! Подали несколько раз звуковой пароль — ответа нет.

— Вперед!— передал я команду по рядам.

Только мы вошли в село, вдруг слышу цокот копыт, навстречу движется какая-то колонна. Слышу немецкую речь, вражеская конная колонна растет, она все увеличивается. Два отряда приближались друг к другу, только у немцев сил больше раз в пять. Мелькнула мысль — живыми не сдадимся. В рукопашную бросимся и еще посмотрим — кто кого? Только бы ТОСы и радиостанции с шифром не попали в руки врага.

— Немцы! Ни слова!— тихо приказал передать по рядам. А затем громко повторил несколько команд на немецком языке.

Видимо, приняв нас за своих, немцы проскакали мимо. И только когда вдали стих цокот подков и голоса гитлеровцев, я приказал ускорить шаг да почувствовал боль в пальцах, которыми сжимал парабеллум. Спокойствие и выдержка спасли нас.

На новом месте выяснили, что часовой заснул на посту и заставил весь отряд держать экзамен на мужество и самообладание.

Позади осталась ночь Ивана Купала, которая так хорошо кончилась. Но потери все-таки у нас были. Кучеров доложил: «Пропал минер младший лейтенант Иван Матвеевич Тюрин и погиб француз Поль». Поля в отряде любили за душевность, искреннее желание всем помочь. Мне даже не верилось, что он погиб и мы больше не услышим, как Поль поет «Марсельезу».

Начальник разведки виновато смотрел на меня. Тюрина многие видели, и вдруг он словно в воду канул.

Разведчики начали поиск товарища. Дней через пять его нашли. Оказалось, что он заскочил в селе в первую попавшуюся хату и попросил воды. Хозяйка предложила молока. Выпил, поблагодарил женщину и направился к выходу. Вдруг что-то тяжелое просвистело в воздухе и свалило минера на пол. Когда опомнился, увидел, что связанный лежит на вонючей соломе в холодном сыром подвале. В голове гул. Попробовал встать, но резкая боль повалила на землю.

Комсомольца Ивана Тюрина привели в хату. За столом сидел мужик — косая сажень в плечах.

— Фамилию не спрашиваю, за кого воюешь — знаю. За это надо дать пулю в лоб.

«Бандеровцы»,— подумал Иван.

— Если расскажешь, почему деревья взрываются, будешь жить.

Дело в том, что бандеровцы обнаружили одну новую мину, спрятанную на дереве. Они, видно, уже получили сведения о секретных минах, которыми пользовались партизаны.

— Я повар. Знаю, как варить борщ и кашу, а почему взрываются деревья — не знаю. Думаю, там мины.

— Сами знаем, что мины. Ты скажи, как нам их разминировать. У тебя в сумке нашли взрыватели. Ты что, ими кашу заправлял? Говори, минер, какие штуковины прячут десантники на деревьях!

Ивану Тюрину выпало тяжелое испытание. Допрашивали его изуверскими методами: били, жгли, рвали тело крючьями. Ничего не добившись, бандеровцы повесили партизана за руки между двумя деревьями. Тюрин молчал. В бессильной злобе националисты топором рубили ему пальцы. Тюрин потерял сознание. Тогда его решили расстрелять. Тюрина повели по крутому берегу Сана. Не раздумывая, партизан бросился в реку. Вслед ему грянули винтовочные выстрелы. Промах. Избитый

И. Тюрин, минер. 1970 г.

до полусмерти, голодный, с искалеченной рукой, Тюрин нашел в себе силы выбраться на берег. Здесь его нашли наши разведчики вместе с польскими крестьянами и чуть живого привели в отряд.

«Боевой листок», подготовленный Михаилом Данильченко, рассказал пожарцам о мужестве партизана. Комсомольцы вызвались поймать мучителей Тюрина. Комсомольское собрание приняло решение — просить командира отряда провести операцию по поимке бандитов.

Специальная комсомольская группа выследила и захватила Григория Панасюка, командира бандеровской

сотни, бандита, чьи руки были обагрены кровью невинных людей.

Здоровенный мужик с опухшим от водки лицом, заросший черной щетиной, стоял перед комиссаром.

— Фамилия?

Бандит молчал.

Похилько осмотрел его документы: паспорт, выданный оккупантами, удостоверение старосты, просьба «военным и гражданским властям предоставлять подателю сего помощь в борьбе с врагами рейха». «Хороша птица!» Внимание комиссара привлекла небольшая книжечка. Раскрыл ее. Удостоверение на медаль, специально утвержденную для предателей из «восточных народов». Хотелось тут же приказать расстрелять этого мерзавца. Стараясь сдержать гнев, Похилько снова начал:

— Фамилия?

В ответ упрямое молчание. Партизаны негодующе загудели. Напряжение нарастало.

— Позовите Тюрина,— сказал комиссар.

Из лазарета пришел забинтованный Тюрин.

— Это он, твой мучитель?

— Я его узнаю и через сто лет. Он изрубил мою руку, а потом приказал меня расстрелять. Что же ты, гад, молчишь? Не узнаешь?

К комиссару подошел Владислав Риняк. На голове у него лихо сидела потертая конфедератка[1], на плече висел советский автомат.

— Что с ним разговаривать! Лично я видел, как он убивал ни в чем неповинных людей, убивал только за то, что они поляки. Эта гадина изувечила нашего товарища!

— Помилуйте, господа партизаны! Я все расскажу! Помилуйте!

[1] Конфедератка — мягкая суконная полевая фуражка с четырьмя углами.

— Поздно.

Риняк выступил вперед.

— Поздно просить о прощении. Пришла пора расплатиться за свои злодеяния!

* * *

...После обмена мнениями и настоятельных просьб комиссара, я решил рискнуть и дать Венцелю Фолькмару боевое задание.

Венцелю завязали глаза и вывели из леса. Задание дали такое — заминировать и в обеденное время взорвать столовую, оборудованную фашистами в специальных вагонах на станции Санок, а потом возвратиться в условленное место. Время для выполнения приказа — двое суток. Предупредили, что за ним будут наблюдать партизанские разведчики.

Вольфа оставили как заложника.

Приняв меры предосторожности, отряд перешел на новое место. Остановились в смешанном лесу — кругом березы, осины, клены. Засверкали на солнце топоры, лопаты, пилы, запахло свежей землей, древесиной. К вечеру поставили палатки для лазарета и штаба. Место выбирали со знанием дела, охраняли зорко: подойти к лагерю незамеченным никто не мог — секреты, посты, дозоры просматривали и прослушивали лес, разведчики тщательно прочесывали заросли.

Прошло двое суток, а Фолькмар не возвратился из города Санок. Его товарищ Вольф отказался от пищи и перестал отвечать на вопросы.

— Что делать, комиссар? Дружок Вольфа наверняка обманул нас.

— О предательстве Венцеля Фолькмара рано еще говорить, Имас. Всех немцев нельзя под одну гребенку стричь. Дров наломать проще всего, а вот разобраться в сложном деле, сохранить жизнь человеку — куда сложнее.

— Вот она, матушка — русская доброта.

— Михаил, Гитлера мы обязательно разгромим, но кто будет строить новую, демократическую Германию? Кто миллионам немцев расскажет о нас правду, кто будет вместе с нами выкорчевывать нацизм?

Имас, при всей ненависти к гитлеровцам, не мог не согласиться с доводами Похилько. Комиссар продолжал:

— Дорогой мой, ему семнадцать лет, у него впереди жизнь. Надо помочь этому немцу прожить ее с пользой для своего народа. Он пришел к нам добровольно. Ясно? Вольфа я беру под свою защиту. Надо ждать Венцеля, ждать!

ТАИНСТВЕННЫЙ ПОЛИГОН

На рассвете 6 июня 1944 года англо-американские дивизии высадились в Нормандии. Но лишь 25 июля наши союзники перешли в наступление. Однако и после открытия второго фронта основные силы вермахта находились на востоке и пытались любой ценой приостановить продвижение Советской Армии. Гитлер и его клика по-прежнему продолжали считать Восточный фронт самым главным. Все наиболее боеспособные фашистские части направлялись именно на Восток. Ожесточенное сопротивление гитлеровских армий возрастало, они лихорадочно возводили оборонительные линии, укрепляли берега рек, превращали на пути советских войск города в крепости. Остановить русских, чего бы это ни стоило, было главной задачей фашистов. Советские войска не должны вступить в пределы рейха. Сражаться до последнего гренадера — требовал Гитлер.

Немецкая разведка доносила верховному командованию вермахта о концентрации советских войск по всей линии Восточного фронта. Гитлеровцы спешно стягивали

свои силы на южное направление, которое было на двести километров ближе к Берлину, и развернули здесь основные пехотные, танковые и моторизованные дивизии.

Любой ценой оккупанты силились обезопасить тылы, удержать в своих руках шоссейные дороги и железнодорожные пути для свободного маневрирования резервами. Была еще одна веская причина, из-за которой фашисты прилагали максимум усилий для разгрома сил Сопротивления и советских десантников в районе Бещад: здесь гнездились секретные ракеты «вува» («вундерваффе») — пресловутое «чудо-оружие». С его помощью нацисты надеялись испепелить Москву, Лондон, поставить на колени весь мир. «Вундерваффе» назывались ракеты «ФАУ-1» и «ФАУ-2» (ФАУ — от «фергельтунгсваффе» — оружие реванша).

Начиная с 1929 года, несмотря на строгие ограничения Версальского договора, в Германии под опекой министерства рейхсвера возникло бюро ракетных исследований. В нем были заняты четыре человека: капитан Вальтер Дорнбергер, инженер Вальтер Ридель, слесарь Генрих Грюнов и нынешний создатель ракет США Вернер фон Браун.

Приход к власти Гитлера принес творцам ракет все необходимое для успешной работы. В 1940 году на острове Узедом около местечка Панемюнде (ныне территория ГДР) вырос полигон, где проходили испытания ракет различных типов.

В 1942 году немецкие ракеты летали на расстояние до 250 километров. А весной следующего года «ФАУ-2» «приземлилась» на территории Швеции. Гитлер мечтал о широком применении ракетного оружия. Только благодаря неимоверным усилиям польских подпольщиков секреты острова Узедом стали известны.

В ночь на 17 августа 1943 года 600 тяжелых английских бомбардировщиков сбросили на Панемюнде 2000

зажигательных и фугасных бомб общим весом свыше полутора миллиона килограммов. Полигон пылал, пострадали помещения лаборатории, пусковые площадки, погибло свыше семисот человек. Однако это лишь притормозило работу над усовершенствованием ракет. Полигон спешно восстанавливался.

Гитлер, проигрывая сражение за сражением на территории Советского Союза, нуждался в «вундерваффе». С помощью этого оружия он надеялся произвести психологическую встряску: заставить сателлитов безропотно выполнять приказы, а у солдат вермахта укрепить явно пошатнувшуюся после сталинградского и курского сражений надежду на победу. Создатели ракет получали дополнительно крупные ассигнования и материалы. Тысячи военнопленных восстанавливали полигон днем и ночью.

Раскрытые тайные базы на Узедоме находились под непрерывным наблюдением англичан и еще дважды подвергались массированным налетам авиации.

Тогда ракетостроители с острова Узедом переехали на территорию Краковского воеводства и облюбовали район западнее Жешува. Здесь, на берегах тихой реки Вислока, между местечками Дембица, Сендзишув, Кольбашова и Мелец, эсесовцы построили и тщательно охраняли испытательный полигон. Там были отлично замаскированные полевые аэродромы, туда подходили ветки железной дороги. Население ближайших сел оккупанты вывезли в Освенцим, а свою базу обнесли колючей проволокой и прикрыли различными сторожевыми постами, вышками, минными полями. По любому самолету, следовавшему в направлении к ней, немедленно открывала огонь мощная система противовоздушной обороны.

И вот отряд имени Пожарского оказался вблизи этой базы. Пытаясь собрать информацию о летающих торпедах, партизанские разведчики установили связь с поль-

скими подпольщиками. Многие из них по нашей просьбе отправлялись в районы, где предполагалось размещение интересовавших нас объектов. По крупинке собирали о них информацию и передавали ее партизанам. Крупицы разведывательных данных... Нередко они стоили нам крови.

Я прохаживался по каменистой тропке. Высоко в небе шумели кроны могучих дубов. Солнце с трудом пробивалось сквозь густую сеть веток. Скупые лучи освещали сырую землю. Где-то внизу, под горой, журчала горная речушка. Я смотрел, как постепенно темнела внизу долина, а мысли мои все время возвращались к таинственному полигону. Необходимо как можно быстрее отметить на карте его квадрат.

Легко отметить, но трудно найти... Искать! Искать! Все взвешивать, сопоставлять и в конце концов все-таки прийти к единственному и верному выводу. Шагая по тропке, я неожиданно остановился над крутым обрывом: «А что, если собранные нами крупицы данных не дадут нужной картины?»

Внизу уже цеплялся за кусты туман. А я все думал и думал.— Где же этот квадрат? А что, если поступить так...— я быстрей зашагал по тропке. Мысль работала лихорадочно.— У нас восемь основных шоссейных дорог, десять грунтовых, три железные дороги. Так вот... Надо собрать верных друзей-поляков, дать им деньги, и пусть они едут в разные стороны... Разведка веером. Надо выяснить места, куда гитлеровцы никого не пускают. Люди вернутся и, может быть, ничего не узнают, но не это главное — важно знать те места, где обрываются дороги. И тогда... Тогда на карте возникнет таинственный квадрат. Пожалуй, это верно! Нужно немедленно действовать!

Вечером я отправил две группы в разведку. Когда они возвратились и указали на карте пункты, где перед ними закрылась дорога, я послал их в другом направ-

лении. Целую неделю я не находил себе покоя, волновался — а вдруг не вернутся верные люди? Но разведчики возвращались и по их лицам я видел — они недовольны мной. Какого черта гоняет их командир по разным дорогам с таким пустячным заданием?

А на карте после каждой поездки разведчиков появлялись точки. Потом они соединялись линиями, которые постепенно начали смыкаться.

Было за полночь, когда после очередного доклада разведчиков я взглянул на карту и обомлел. Квадрат! Возник таинственный квадрат! Я отчетливо видел его контуры и мог уже заштриховать синим карандашом. Вот он!

Наш отряд после диверсии на железной дороге Санок — Устшики-Дольне перешел в лесной массив поблизости хутора Рудавка. Обосновались на горе Орату. Высота ее превышала 600 метров. Радисты уверяли, что с возвышенности лучше устанавливать связь с Центром.

Владислав Риняк и Иозиф Сабат возвратились из городка Хелм. Нам стало известно, что на берегах реки Вапш в прибрежных лесах немцы держат специальные части, которые следят за местностью, где падают и взрываются летающие торпеды. Поляки пытались пробраться к местам взрывов, но гитлеровцы всякий раз устремлялись туда на машинах и мотоциклах. В каждого человека, замеченного в районе поиска, гитлеровцы стреляли без предупреждения.

Храбрые польские патриоты часто опережали фашистов, но, кроме огромных дымящихся воронок да разбросанных на многие десятки метров кусков раскаленного металла, ничего не находили.

Владислав встревоженно сообщил мне, что собственными глазами видел летающую торпеду.

— Какая она?— насторожился я.

— Подпольщики показали место в лесу, где падали

эти штуковины. После полудня появился самолет. Он выскользнул из-за туч, резко пошел на снижение и шлепнулся в болото. После оглушительного взрыва огромный столб черного дыма поднялся в небо.

— Так что же ты видел — торпеду или самолет?

— Видел-то самолет, только у него крылья меньше, чем у обычного самолета, и летел он без моторов, а сзади из какой-то трубы вылетал огонь.

Такие же описания «вува» поступали к нам из других мест.

Выслушав Риняка, начальник разведки сделал пометку на карте.

— Что же мы имеем?— Кучеров ладонью разгладил карту,— вот гора, здесь находимся мы, дальше — Дембица. Оттуда немцы запускают торпеды на север — к Варшаве, на запад — к Ченстохову и на восток — к Хелму. Летают они у нас под носом, а мы толком ничего не знаем. Совершенно ясно, что запускают их где-то под Жешувом. А вот где именно? Это ведь не кастрюля, для которой простого штампа достаточно. Мне думается... их везут по железной дороге, через тот же Ченстохов и Варшаву, а может быть, и через Санок. Надо все выяснить. Рискнем.

Настойчивые запросы Центра о «вундерваффе» нас торопили.

Если раньше, взорвав эшелон, мы стремились немедленно уйти как можно дальше от места диверсии, то теперь решили проверять содержимое пущенных под откос вагонов: а вдруг там окажется летающая торпеда? На случай удачи даже аэродром подобрали. План был прост — захватить образец секретного оружия, вызвать из Центра самолет и отправить наши трофеи на Большую землю.

Взорвав очередной эшелон, партизаны устремлялись к вагонам. Это было опасно. Не всегда удавалось подо-

йти к пылающему эшелону, а требовалось быстро выяснить, что из разбросанного воинского снаряжения и техники могло иметь отношение к загадочным торпедам. Мы собирали трофейные приборы и механизмы, в которых никто из нас толком не разбирался.

Анатолий Гузанов и Шура Лунева все чаще и чаще выходили в эфир. Рос счет взорванных эшелонов, а информация о торпедах была весьма расплывчатой.

В это время в Яновских, Липских и Билгорайских лесах, в Сольской пуще развернули активные боевые действия советско-польские партизанские отряды. Тылы гитлеровцев в Польше оказались под ударом.

Оценивая обстановку в бывших Люблинской и Галицийской провинциях, секретарь Львовского генерал-губернаторства Буллер в те дни доносил своему шефу: «В этих провинциях нет никакой разницы между положением на территориях, которые уже заняты русскими, и на территориях, власть над которыми принадлежит немецкому вермахту. Генерал-губернатор Ганс Франк признал, что одна треть Люблинской провинции практически уже не подчиняется оккупационным властям... Немецкая полиция может действовать на данной территории только силами не менее полка» [1].

Учитывая сложность событий, оккупанты двинули против партизан уже не полицейские и тыловые части, а фашистскую гвардию. 5-я танковая дивизия СС «Викинг» атаковала отряды Армии Людовой. В первых числах июня гитлеровцы начали операцию «Штурмвинд-1» в надежде одним ударом ликвидировать партизанские отряды и разгромить польское движение Сопротивления.

Украинский штаб партизанского движения своевре-

---

[1] Боевое содружество польских и советских партизан, М., 1961, стр. 44.

менно предупредил дислоцированные здесь отряды о грозящей им опасности. Польские и советские партизаны приготовились к решительному сражению с карателями. Уклонись они тогда от навязанного гитлеровцами боя — и местные силы Армии Людовой не смогли бы выдержать вражеского натиска, свернули бы свою боевую деятельность, ушли в глубокое подполье. Оккупанты укрепили бы тыл своей армии на плацдарме между Западным Бугом и Вислой.

Многодневные сражения в Липских и Яновских лесах, в Сольской пуще носили ожесточенный характер. Трижды гитлеровцы, используя численное превосходство в живой силе и особенно в технике, окружали партизан, и трижды окруженные вырывались из смертельного кольца, нанося врагу чувствительные потери.

Партизанские отряды в течение двух недель сдерживали натиск трех регулярных дивизий и ряда полицейских частей—и это в момент исключительно напряженной обстановки на фронте, накануне операции по освобождению Белоруссии, начавшейся 23 июня 1944 года. Выдержав натиск эсэсовцев, партизанские отряды вышли на оперативный простор и, в широком масштабе применяя рейдовую тактику, обрушились на тылы гитлеровцев.

В то время наш отряд встретился с партизанским соединением имени Александра Невского[1].

Появление в Бещадах многочисленного партизанского соединения обрадовало местное население и привело в ужас оккупантов. Отряды соединения днем проходи-

[1] Соединение имени Александра Невского прошло по тылам гитлеровцев сотни километров. Бессменный командир соединения имени Александра Невского — талантливый организатор партизанской борьбы, Герой Советского Союза, кавалер высшей награды Польши — ордена «Грюнвальд», почетный гражданин чехословацкого села Тиковская Брезница и г. Крупины Виктор Александрович Карасев.

В. Карасев,
командир партизанского соединения имени Александра Невского. 1970 г.

ли через хутора и деревни, переправлялись через речки, пересекали железные дороги, разгоняли полицейские управы, жандармские посты, взрывали военные объекты.

Повышенная боевая активность, дерзкие нападения на гитлеровцев, широкие связи с местным польским и украинским населением, распространение листовок, газет, летучие митинги, организация прослушивания радиопередач на польском языке из Москвы — все это повышало авторитет партизан среди населения, поднимало народ на вооруженную борьбу, укрепляло веру в скорую победу над фашизмом.

Командир партизанского соединения Виктор Александрович Карасев носил форму советского офицера, и это располагало к нему местных жителей. Подчиненные чувствовали уверенность в его действиях. Он отличался простотой в обращении с людьми, с участием относился к просьбам поляков, делился с ними оружием, снаряжением, продовольствием. Виктор Александрович был требовательным командиром, человеком справедливым и гуманным.

Умел Карасев и помощников себе подбирать. Среди хороших людей находил самых лучших, доверял им судьбы товарищей и не ошибался.

Начальником разведки у него был Станислав Вроньский[1]. Поляк по национальности, он свободно говорил по-немецки, отличался незаурядными организаторскими способностями, энергией. Вроньский умел по мельчайшим деталям разгадывать замысел врага и часто давал своему командиру ценные советы. Какой бы запутанной ни была оперативная обстановка, Вроньский находил самые верные решения. Карасев и Вроньский дружили и в какой-то мере дополняли друг друга.

Станислав Вроньский попросил меня уточнить некоторые разведывательные данные. Мы установили сигналы для дальнейшей связи и обменялись паролями.

Вскоре нам представилась возможность познакомиться с прославленным командиром польского партизанского отряда имени И. В. Сталина Куницким. С тяжелыми

---

[1] Станислав Матвеевич Вроньский—потомственный рабочий Домбровского угольного бассейна. После нападения фашистской Германии на СССР боролся в рядах советских партизан на территории западных областей Украины и Белоруссии. С соединением имени Александра Невского С. М. Вроньский прошел Польшу и Чехословакию. В феврале 1945 года он был командиром группы, которая вела через линию фронта Нитрянскую партизанскую бригаду. В настоящее время С. М. Вроньский — министр культуры и искусства ПНР.

боями его отряд выходил из окружения. Центр приказал нам обеспечить польскому отряду переправу через Сан. Разведчики отыскали брод, установили численность войск немцев в ближних населенных пунктах. Минеры «обработали» дороги, подвижные кавалерийские дозоры непрерывно наблюдали за гитлеровцами. В условленное место направилась группа Андрея Кучерова. Ночью Кучеров благополучно вывел партизанские отряды к переправе.

Затем отряды разошлись. Куницкий направился к Висле, а мы, форсировав речушку Смеречанку, расположились на укромной поляне. Радисты связались с Центром и доложили о готовности принять груз с Большой земли.

А гитлеровцы между тем окружили лес. Разведчики приносили тревожные вести — вражеское кольцо сжимается.

Окружение в тылу врага опасно вдвойне. Выходя из одного кольца, не знаешь — не попадешь ли в другое. Мы отходили медленно, устраивая карателям «карусель» на минных полях. И все же они настойчиво продвигались вперед. Поляки-проводники докладывали, что самые тайные тропинки немцы заминировали и спешно стягивают новые силы для стремительного удара.

Ночью в штабной землянке собрались командиры групп. На походном столе коптилка, сделанная из гильзы артиллерийского снаряда, тускло освещала карту с последней оперативной обстановкой.

— Немцы окружили нас,— сказал я.— Нужно найти выход из положения.

Партизаны склонились над картой. Маленький зеленый островок в левом углу ее обведен черным жирным кружком.

— Сейчас мы встретились с регулярными частями вермахта. У них артиллерия и танки, солдаты хорошо подготовлены, отлично вооружены. Положение слож-

ное.— Я говорил медленно, чтобы каждый мог подумать и дать свой совет.

— И еще,— добавил я.— К нашему счастью, у нас боеприпасов достаточно. Пробиться из кольца силой оружия мы можем.

Партизаны, собираясь с мыслями, молчали.

Первым заговорил Иван Кабаченко:

— Мое мнение — врага надо атаковать. Разведчики в ближайшие сутки выяснят обстановку, и мы должны пробиться из окружения.

Андрей Кучеров сказал:

— Наиболее верный путь — попробовать незаметно выскользнуть из окружения. Уверен, что вокруг нас не сплошное кольцо... И через сутки разведка укажет наиболее подходящее место для выхода из окружения.

— Дальше оставаться здесь мы не можем,— сказал врач Ревенко. Он никогда не спешил соглашаться, никому не поддакивал, не подхватывал чужих мыслей. Его первейшая забота была о раненых. Это знали партизаны и без колебаний поддерживали врача, верили ему, как надежному другу.— У меня четыре раненых и десяток тяжело больных. Чтобы их вынести, понадобится двадцать санитаров.

Иван Царенко поддержал Кабаченко, но предложил атаковать врага сразу в пяти-шести местах, чтобы скрыть направление нашего отхода.

Михаил Имас потянул к себе карту. Огонек в снарядной гильзе замигал.

— А может, действительно, не стоит идти в атаку? Пусть немцы наступают.— Он склонился над картой.

Радистка Шура давно заметила, что если Имас тщательно выбрит да еще одет в немецкую форму, значит, операция предстоит сложная. Михаил как-то признался ей, что не может идти в разведку, пока не привыкнет к новому мундиру и знакам различия, а их немцы при-

думали внушительное количество для всех родов войск.

На этот раз на Имасе был китель майора вермахта с серебряными витыми погонами без звезд.

— Атаковать противника можно,— сказал я.— Но спешить с этим не стоит. Положение наше серьезное, но не трагическое. Фашисты не знают, сколько нас, наступают с опаской. Потерь мы фактически не имеем, а каратели уже почувствовали, что такое минные ловушки. Постараемся завлечь их в западню.

В землянке стало тихо. Огонек коптилки вздрагивал, блики тусклого света освещали задумчивые лица партизан. Имас мял в руках немецкую офицерскую фуражку.

— Пожалуй, это то...

Для партизан приказ был законом. Каждый из них в силу своих способностей, смекалки и воинского мастерства стремился как можно четче выполнить боевое задание. Я старался учитывать «специализацию» ребят и непременно тому или другому человеку поручал то, что он мог выполнить наилучшим образом. В трудных условиях сразу становились заметными сильные и слабые стороны каждого из нас. Мы жили на виду один у другого: вместе ходили на выполнение боевых заданий, вместе голодали, делили самокрутку и сухарь, вместе радовались успехам, тяжело переживали неудачи. В таких условиях человеческие качества проявлялись моментально.

Когда боевые друзья разошлись по своим подразделениям, Филипп Петрович закурил, медленно прошелся по землянке.

— Задумался, командир?

Я вопросительно посмотрел на Похилько.

— Есть у меня одно предложение.— Комиссар затянулся сигаретой.— Суть дела в следующем...

И вот уже Александр Георгадзе собирает минеров. Задание было не из легких — за ночь предстояло устроить и замаскировать минное поле, а днем, как только гитлеровцы выйдут на него, взорвать. Все работали, не замечая усталости, проявляя исключительную находчивость, смекалку и хитрость.

Лесную дорогу и прилегающую к ней поляну заминировали. Десятки проводов вели к электрическим замыкателям, но все они находились под землей, надежно скрытые от чужих глаз.

Георгадзе впервые за последние полтора года с радостью и нетерпением ожидал появления солнца. В лесу — тишина, как перед грозой. Даже птицы покинули район, в котором притаилась смерть.

Гитлеровцы решили преследовать партизан.

Георгадзе видел, как лихо понеслись бронетранспортеры с пехотой, как подпрыгивали на ухабах расчехленные пушки. «Ну, держитесь, карателн!» Рука Георгадзе прикипела к ручке электровзрывателя. «Пора? Нет, еще немножко подожду». Через несколько секунд Георгадзе одним движением руки распорол тишину мощными взрывами.

Земля затряслась. Песок, поднятый к верхушкам высоких сосен, словно повис в воздухе. «Адские машины» взрывались через равные промежутки времени: создалось такое впечатление, будто бьет тяжелая артиллерия. Взрывы привели в замешательство карателей, и началось паническое бегство. «Вот теперь я вам покажу»,— подумал Георгадзе.

Мины, заложенные на дороге, сработали безотказно. В небо полетели комья земли, ветки, колеса бронетранспортеров. Новая серия взрывов усилила панику.

Как только смолкли взрывы, в бой пошла группа Михаила Данильченко. В кольце окружения образовалась брешь. В нее и устремились партизаны. По узкой

лесной дороге впереди колонны шло конное прикрытие под командованием Владислава Риняка. По бокам обоза двигалась боевая охрана.

Мы отходили в глубь обширного лесного массива. С каждым километром лес становился гуще, дорога — хуже. К вечеру кроны столетних дубов закрыли небо, стало сыро и темно.

Отряд передвигался на лошадях, и нам не составляло большого труда оторваться от карателей. Наши минные заграждения значительно охладили их наступательный пыл.

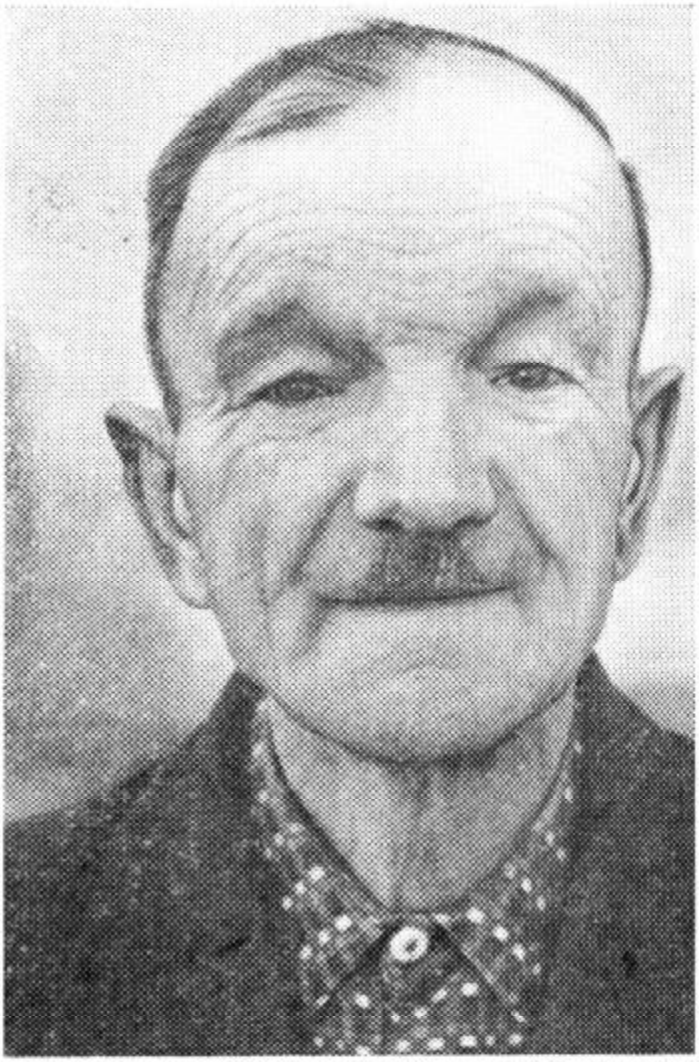
К утру разведчики вышли к Сану и убедились, что в ближайших селах гитлеровцев нет. Реку можно перейти вброд и укрыться в лесном массиве возле села Лишня.

Выбор как всегда пал на господствующую высоту, поросшую густым лесом. Там и расположился отряд. Кухню замаскировали у горного ручья. Коней стреножили и пустили пастись на поляну.

Владислав Риняк, Михаил Имас и я отправились в Лишню. Вплотную к селу подступал могучий смешанный лес. Дома разбросаны по холмам. Они утопают в зелени садов. Риняк шагал уверенно — он превосходно знал местность. На опушке леса остановились, стали наблюдать. Скрываясь в тени деревьев, обогнули поляну. Вот и ресторанчик Франтишека Пастущака. Окно, которое смотрело на дорогу, не занавешено, на подоконнике есть цветы — в дом можно заходить.

Пастущак встречает радушно. Спешит угостить голубцами. По его лицу видно, что задание наше выполнил. А заключалось оно вот в чем.

Центр прислал пожарцам немецкие марки. Но эти деньги крестьяне брали неохотно. С приближением фронта они обесценивались. Полученные нами марки имели еще один существенный дефект: на них стояли номера и серии, которые ходили только на Украине. По-

И. Бодзяк, связной. 1972 г.

явление таких марок в Бещадах натолкнуло гестапо на мысль, что местные жители связаны с советскими партизанами.

Владелец ресторанчика Пастущак имел право на ежемесячный обмен двух тысяч марок на польские деньги. Связавшись с чиновниками из банка в городе Кракове, Пастущак не поскупился и удачно обменял в банке наши марки на польские злотые.

— Пан командир, эти банкноты настоящие. Теперь никакой дьявол не подкопается.

— Спасибо! Большое спасибо, товарищ Пастущак,— я крепко пожал руку польскому патриоту.

Деньги хранились в тайнике у старосты Иозифа Бодзяка. Его неказистый домик был надежным местом для партизан. Там мы получали важную для нас информацию.

Бодзяк имел пятерых детей. Старшая дочь Янина помогала матери Анелли готовить пищу и носила ее партизанам в лес. Она была и проводником и связным: много раз ходила со специальными заданиями в город Санок. Сыновья Станислав, Часнов и Тадеуш во время прихода партизан занимали наблюдательные посты.

Бодзяка застали дома. Ремонтируя телегу, он делился с нами новостями:

— Немцы говорят, что в Бещадах высадилась десантная дивизия. В Санок прибывают регулярные части. Солдаты-венгры поговаривают, что фашисты будут прочесывать леса. Похоже на правду.

«Запрошу Шлензака по этому поводу. Ему виднее, для чего в Санок прибывают войска»,— подумал я.

В этот раз Иозиф Бодзяк держался как-то особенно. Чувствовалось, что старик чем-то порадует нас.

— Выполнил вашу просьбу,— наконец с гордостью сказал он.— Вот, смотрите!— И Бодзяк показал нам батарею и лампы для радиостанции.— Их мне принес один бежавший из плена советский солдат. Он вместе с другими пленниками работал на танкоремонтном заводе в Саноке.

— Где же он?

— На чердаке прячется.

— Приглашай своего гостя сюда.

Бодзяк привел в сарай мужчину лет сорока, одетого в старое красноармейское обмундирование. Я взглянул на него. Мне стоило больших усилий сохранить спокойствие. «Рыжий! Гестаповец? Наконец-то встретились!»

Незнакомец шагнул вперед.

— Лейтенант Огоньков Петр Петрович, бежал из

барака восточных рабочих танкоремонтного завода. В плену с июля сорок первого года...— Он рассказывал, очень волнуясь и повторяясь. Переходил с одного события на другое, снова возвращался к рассказанному.

«Хорошо тебя подготовили в гестапо. Все продумали! Биографию-легенду отработали до мелочей. Но пока это только догадка. А где же доказательства? Что, один рыжий на свете?» — думал я.

К Шлензаку послали Риняка выяснить, что еще известно о Рыжем. Тот сообщил: «Агент гестапо направлен в Санок на танкоремонтный завод. Будет инсценирован побег восточных рабочих».

Между тем Огоньков подружился с нашими партизанскими сапожниками и во многом превзошел их в работе.

— Меня, братцы, плен всему научил,— любил приговаривать он.

Как уличить лазутчика? А вдруг опять ошибка. Шлензаку мы доверяли, но мог и он получить неточные сведения. Я поделился своими сомнениями с комиссаром.

— Дело сложное,— размышлял Похилько,— но лишний риск нам не нужен.

— Время, комиссар, не ждет. А поэтому придется попробовать...

Вызванный мной Огоньков четко доложил:

— Прибыл по вашему приказанию.

— Вот что, Петр Петрович, садись и расскажи мне свою биографию подробно.

Я заметил, что он насторожился, но тут же придал своему лицу страдальческое выражение: мол, тяжело ворошить прошлое и надо ли?

— С чего начать? Трудная у меня судьба... Ну... войну встретил в этих краях в зеленой фуражке.

— Значит пограничник?

— Офицер-пограничник.

— Я тоже на границе служил. И знаешь... Все, что ты говорил раньше,— ложь!

Огоньков несколько секунд сидел на скамейке молча. Потом усмехнулся и широко развел руками:

— Удивлен.

Я уже не сомневался — передо мной опытный фашистский разведчик.

— Ты — лазутчик. У нас есть доказательства.

— Какие?— Огоньков поднял на меня большие черные глаза.

— Их много! Мы запросили по радио фамилию командира полка, в котором ты якобы служил. Так вот, слушай: полковник Белов перед самым началом войны был переведен в Минск. А ты ведь говорил, что выходил с ним из окружения? И еще: ты, офицер, попал в трудовой лагерь? Мы-то знаем: фашисты советских офицеров держат только в концентрационных лагерях. У меня есть все основания поступить с тобой по законам военного времени.

На какой-то миг Огоньков побледнел.

— Вот на столе хлеб, мясо, бутылка с водкой, бумага и карандаш. Продумай всю свою жизнь и напиши правду.

Выходя из землянки, я подумал: если Огоньков честный человек, то он будет и есть и пить. Враг побоится потерять контроль над собой и к водке не притронется.

Вечером я вошел в землянку. Водка не тронута. Листок бумаги чист.

— У нас был уговор, Петр Петрович.

Огоньков положил широкую ладонь на листок.

— Ва-банк! Если ты отпустишь меня, у тебя будут деньги, имение. Пойми! Ваши дни сочтены. Гитлер бросит в бой секретное оружие и весь мир будет подвластен ему. Я — капитан абвера. Слово чести, тебя оставим в живых и щедро вознаградим.

Мне хотелось выхватить пистолет и всадить пулю в шпиона. Но капитан абвера обязательно должен иметь связного. Кто он? Уже в отряде или еще пробирается к нам? Капитан абвера продолжал:

— Ко мне придет связной. Через него передадим сведения об отряде, ты заведешь партизан в заданный квадрат леса, а там их будут ждать...

В землянку вошли партизаны и предателю был объявлен смертный приговор.

ОТРЯД ДЕЙСТВУЕТ

...Очередная радиограмма, полученная нами из штаба партизанского движения, обрадовала нас. В Бещады летел самолет. Большая земля помнила о нас — скоро мы получим газеты, журналы, долгожданные письма.

И вот, просматривая конверты, я невольно вздрогнул от радости. Леночка, невеста Михаила Данильченко, о которой он всегда говорил как-то особенно ласково и нежно, прислала ему весточку. Я сейчас же поспешил к нему.

— Миша, у тебя большой праздник!

Он почти вырвал у меня конверт, взмахнул им, как флажком, выбежал из лесу на поляну и там потонул в густой траве.

От его радости на душе у меня тоже стало светло.

А вечером у костра обсуждались новости, звучали рассказы счастливчиков, получивших письма. Большая земля согревала любовью своих сыновей. Партизаны читали вслух свежие газеты. Каждая газетная строчка была для нас музыкой, и мы чутко ловили каждое слово.

Партизанский отряд имени Пожарского находился в тылу группы армий «Северная Украина». Главные

силы гитлеровцев располагались на львовском и станиславском направлениях.

В последнее время от нас требовали самой разносторонней и оперативной информации. Партизанские разведчики, наши польские друзья-подпольщики и местные жители, проникая в стан врага, делали все возможное, чтобы добыть достоверные данные о противнике. Срочная работа выполнялась в темпе, и росло то особое напряжение, когда на сон оставалось у командира отряда всего каких-нибудь три часа.

Днем и ночью, в любую погоду наши разведчики неустанно вели наблюдение за железными и шоссейными дорогами. Тяжело было смотреть на эшелоны, идущие на запад. Они увозили в Германию награбленный хлеб, уголь, цветные металлы и различное оборудование. К фронту гитлеровцы подтягивали войска и технику, горючее и строительные материалы. Я подсчитал, что в течение каждого часа проходит один эшелон.

Взрывами на железнодорожном полотне наши диверсионные группы задержали движение на 282 часа. Значит, 282 эшелона противника не доставили фронту во́время необходимые грузы!

На Карпатском хребте вокруг Санока противник старательно возводил оборонительные сооружения, назвав этот город «Карпатским замком». В селе Ленино дорога перерезана противотанковым рвом. Вдоль западного берега Сана растет и ширится оборонительная линия. На строительство долговременных укреплений гитлеровцы согнали все местное население. Хребет Куков превращен в мощный опорный пункт. Старательно укрепляется участок Михалиск — Краковец. Пылят по горным дорогам грузовики с ящиками мин, с мотками колючей проволоки. Селенья окружены противотанковыми рвами, и узкие карпатские дороги взяты на прицел крупповскими пушками.

А на Большую землю летят партизанские радиограммы, и в штабе фронта на карте возникают обозначения новых вражеских оборонительных рубежей с укрепленными горными хребтами, берегами стремительных рек.

После тщательной разведки местности мы выбрали укромный уголок для новой лагерной стоянки. Расположились в лесу, на самой вершине горного хребта. Как всегда, отряд на всякий случай занял круговую оборону, и на старые оленьи тропы, где давным-давно не ступала человеческая нога, вышли чуткие партизанские дозоры.

Я проснулся под высоким старым буком от шума горной речки. Птичий хор славил солнечное утро. Сквозь плотную зелень пробивались первые лучи, и на мшистом пне играли солнечные зайчики. Прислушиваясь к птичьим голосам и шуму реки, я никак не мог понять, где нахожусь? Почему вокруг непролазная чаща? Такое состояние длилось одно мгновение, но, признаться, оно было сладостным. Я на миг забыл о войне. Ни команд, ни выстрелов — только пение птиц и говор горной реки. Но вот солнечный зайчик вспыхнул на диске автомата и сразу, как по тревоге, поднял меня.

Скоро радистам выходить в эфир! Командование фронта готовит наступление, и Штаб партизанского движения ждет наших донесений.

Где-то внизу, за густыми кустами, как дятел, постукивал топор. Это готовили дрова для партизанской кухни. «Пища — важное дело: когда партизан сыт, у него богатырская сила, и он может стукнуть врага кулаком, как молотком»,— невольно вспомнились мне слова Ревенко. В отряде должна быть хорошей не только пища, но и обувь и одежда. Мы всегда высоко ценили внешний вид бойца. Он как бы отражал нашу духовную силу и боевую готовность.

В нашем отряде был неписанный закон: все лучшее отдай раненому товарищу, и не только отдай ему трофейный табак или сахар, но ободри его словом, зайди в пахнущую карболкой и еловыми ветками лазаретную палатку. И каждый день у меня начинался, как обычно, с обхода раненых и больных. Эти люди немало потрудились и кровь свою пролили недаром: центр своевременно получил от нас сведения о передвижении частей 1-й немецкой танковой армии. Не ускользнула от зорких партизанских глаз и переброска венгерских частей.

Войдя в лазаретную палатку, я пожал раненым руки и, чтобы подбодрить их, рассказал о новых успехах на фронте. Даже у бывалых мужественных людей катились по щекам слезы. И они не стыдились их, не спешили смахнуть марлевыми самодельными платочками.

— Спасибо, командир, порадовал нас.

— Вот скоро станем в строй, и тогда мы еще покажем фашистам!

И вдруг седой забинтованный разведчик приподнялся и с тревогой спросил:

— Товарищ командир, на западной опушке леса на участке Медиц — Жмень крупные артиллерийские склады. Там, на Большой земле, знают?

— Ну что, командир их будет в кармане держать? А радисты на что у нас?! — успокаивал сосед.

— Я в селе Затварнице склад с боеприпасами засек. Думаю, моя засечка уже на Большой земле расшифровку нашла. Не так ли, товарищ командир?

— Так, именно так. И о складе горючего на опушке леса, и о четырех других, где хранятся снаряды, уже знает штаб фронта,— сказал я и, простившись с ранеными, зашагал по тропке к студеному роднику — туда, где стояла наша штабная палатка. Проснулся горный ветер и, заглушая птичьи голоса, торжественно зашумел

могучий лес, а ему как бы вторила своим неумолчным шумом горная речушка.

Вот так бы шел и шел по тропке и слушал бы этот зеленый шум леса и светлый — реки. Сегодня был день моего рождения. Двадцать три года прожил я на белом свете. Молодость проходила в боях и походах. Шел и думал о жизни, о Родине, невольно вспомнилось любимое есенинское:

На земле, мне близкой и любимой,
Эту жизнь за все благодарю.

Сколько раз над моей головой выли бомбы, свистели снаряды и пули! Выходил из окружения, утопал в болоте, работал в партизанском подполье. Я был один из многих советских солдат, которые вели справедливую войну и, не жалея крови и жизни, защищали Советскую Родину.

Навстречу мне из-за кустов боярышника вышли Имас и Риняк. Они были в немецкой форме — готовились к новой операции.

Сколько уже раз им удавалось пристраиваться на своей легковушке к походным вражеским колоннам и, сопровождая их несколько десятков километров, запоминать изображенные на кузовах и бортах машин условные знаки. По этим знакам мы выясняли потом род войск, их численность и вооруженность. Дерзкие рейды Имаса и Риняка в последние дни помогли нам обнаружить появление в нашем районе отдельных подразделений эсэсовских войск.

Теперь перед разведчиками стояло новое задание. Дело в том, что в партизанскую хату Иозифа Бодзяка и в сельский ресторан Франтишека Пастущака поступили тревожные сигналы. Наши верные помощники — польские подпольщики — заметили появление новых вражеских частей. По некоторым данным, они якобы входили

в 208-ю пехотную немецкую дивизию. Но так ли это? Все должен был разъяснить новый рейд Имаса и Риняка.

В штабную палатку вошли Похилько и Кабаченко, развернули оперативную карту. Нужно было выяснить, где находится штаб 208-й пехотной дивизии. Имас, слегка улыбнувшись, окинул карту взглядом:

— Так... все понятно. Ну, мы с Риняком поехали.

Разведчики спустились по тропинке вниз, где их ждал замаскированный в кустах трофейный мотоцикл, и уехали. После продолжительного молчания, когда треск мотоцикла затих, комиссар сказал:

— Тайное всегда становится явным... Ты молчал, Володя, и думал, что твои товарищи ничего не знают? Ну, скажи, какой бы я был комиссар?— Похилько вдруг заключил меня в свои объятия.— Поздравляем с днем рождения! Молод ты, командир. Для солидности хотя бы отпустил усы или бороду.

После поздравлений Кабаченко сказал:

— Думали, чем бы порадовать именинника, и решили, что лучший подарок — сводка. Здесь доблесть и труд всего нашего отряда.— И он положил на походный столик листок.

Похилько заглянул в листок, поднял указательный палец и начал читать:

— Уничтожено: паровозов — двадцать четыре, цистерн с горючим — пятьдесят пять, вагонов с военными грузами — шестьдесят один, платформ с автомашинами — двадцать три, с танками — четырнадцать.— Похилько оторвался от листка и усмехнулся.— Люблю, когда летят под откос вражеские танки. Четырнадцать штук! С таким количеством танков уже можно выбрать участок и прорвать оборону. Взорвано: депо, лесозавод, пять шоссейных мостов. Повреждено: тридцать семь вагонов

с военными грузами, девять — с боеприпасами; четыре пассажирских вагона.

— И захвачены трофеи, которые мы еще подсчитаем,— сказал я, пряча в нагрудный карман дорогой для меня листок.

Комиссар поднялся:

— Пойду, побеседую с нашими агитаторами. Они уже провели в ближайших селах восемьдесят семь митингов и немало распространили листовок. У поляков чувствуется подъем. Они натерпелись в неволе и охотно берутся за оружие.

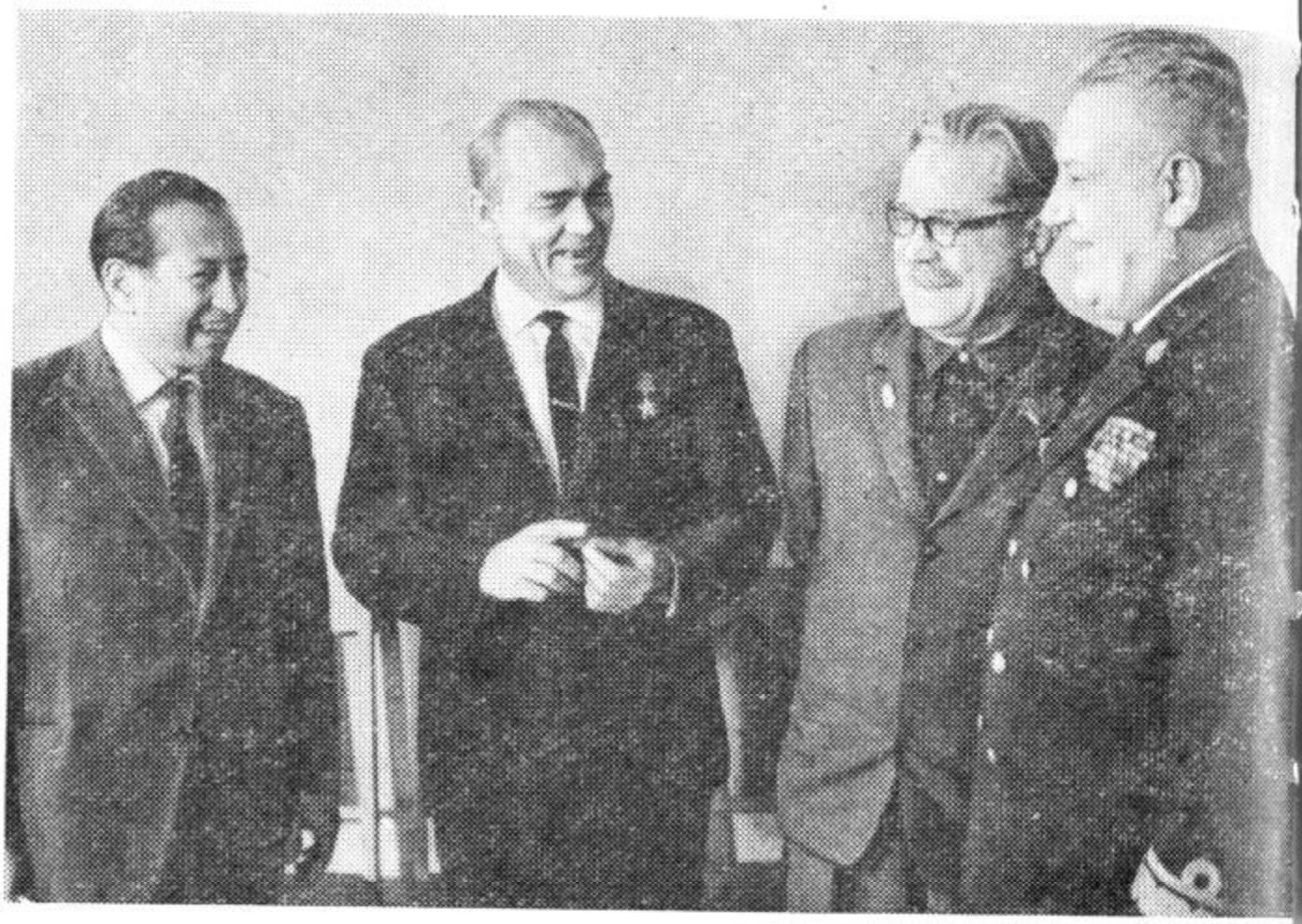
Комиссар, откинув полог палатки, вышел, а я склонился над картой. Еще раз внимательно прочел подготовленные для передачи в Центр наши радиограммы и, подписав их, передал начальнику штаба.

Разве я мог думать в ту минуту, что пройдет время и о боевых действиях нашего и других партизанских отрядов я с трепетным волнением прочту на страницах «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза»: «Гитлеровцы несли огромные потери. В июне—июле партизаны пустили под откос 276 воинских эшелонов. Только партизанские отряды имени Пожарского под командованием Л. Е. Беренштейна, имени Кармелюка под командованием Героя Советского Союза В. М. Яремчука, диверсионные группы партизанских отрядов имени Кирова (командир М. Я. Наделин), имени Суворова (командир С. А. Санков) в июне подорвали 42 воинских эшелона с боевой техникой и живой силой врага»[1].

Наши разведчики и польские подпольщики разгадали маневр гитлеровского командования, которое значительное число танковых и моторизованных соединений держало в резерве армий, чтобы этим стальным кулаком

---

[1] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. М., 1962, т. 4, стр. 484.

Встреча боевых побратимов.
Слева направо: Л. Беренштейн, В. Клоков, А. Федоров, И. Собесяк. 1970 г.

наносить контрудары и производить контратаки. Гитлеровцы создали глубокую 240-километровую хорошо оборудованную в инженерном отношении оборону и надеялись удержать занятые здесь позиции в своих руках.

В конце июня на линии вражеских коммуникаций обрушился удар белорусских партизан: в одну ночь тысячи зарядов тротила сокрушили мосты и железнодорожные пути. Одновременно две тысячи краснозвездных бомбардировщиков атаковали узлы коммуникаций противника на берегу Балтики, а также Белосток и Брест.

Советские войска перешли в наступление и нанесли по врагу сокрушительный удар. Западнее Витебска, под Бобруйском и Минском, попали в «котлы» тридцать немецких дивизий. Тем временем советские танковые части — четыре тысячи боевых машин — стремительно продвигались на запад. В течение двух недель враг потерял 200—250 километров пространства, советские дивизии подошли к Двинску, Вильнюсу и Барановичам.

В ставке Гитлера, в так называемом «Вольфшанце»— «волчьем логове» — 9 июля было созвано экстренное совещание. Взбешенный фюрер и слышать не хотел об отступлении групп армий «Север» и о сокращении линии фронта почти на 300 километров. С упрямством обреченного он требовал не допустить русских к Балтике. Был отдан приказ стянуть все возможные подкрепления гитлеровцев на север.

18 июля под Ковелем «заговорило» более шести тысяч советских орудий. Вражеский фронт раскололся. Две бригады и шесть полков артиллерии, 6500 солдат и офицеров 1-й Польской армии устремились в бой. Уже близка была земля многострадальной Польши.

20 июля артиллеристы 1-й Польской армии форсировали Западный Буг. Через день в освобожденном Хелме прозвучали слова Манифеста, оповестившего мир о рождении Народной Польши.

Наступило время освобождения братского польского народа от коричневой чумы.

ВОИНЫ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

... В Бещадах оккупанты усиленно охраняли мосты, железнодорожные пути, переправы и военные объекты. На автомобильных дорогах появились внушительных размеров щиты с надписями:

ОПАСНОСТЬ — ПАРТИЗАНЫ!

Подпольщики сообщали, что в городе Санок на вокзальной площади оборудован стенд, на котором огромными зелеными буквами было выведено по-немецки:

ПОБЕДА ИЛИ СИБИРЬ!

Очень важные сведения продолжали поступать от Шлензака. В городе Санок находились походно-ремонтные мастерские немцев. Для нас же они служили своеобразным контрольным пунктом — «ситом» для проверки самых противоречивых сведений.

Фашистские части, которые двигались на фронт, частенько обращались за помощью в мастерские. Шлензак, используя свое служебное положение, заглядывал туда, завязывал разговор с водителями машин, беседовал с офицерами, всячески стараясь им услужить. Он слушал, о чем они между собой говорили. Случайно оброненная фраза или замечание нередко дарили Шлензаку секретную информацию или же открывали военную тайну.

Наш осмотрительный и проницательный Шлензак был ценным информатором. Он находился в логове врага. Видел собственными глазами его вооружение, знал настроения вражеских солдат и офицеров. А самое главное — где и когда должна занять та или иная гитлеровская дивизия участок обороны. Ведь порой самый незначительный ремонт штабной немецкой машины прояснял так искусно запутанную дислокацию вражеских частей.

От Шлензака мы узнали, что предстоит серьезная схватка с карателями. Их главной задачей было выяснить наши силы и не допустить диверсий на станции Санок. Через эту станцию ежесуточно следовали многие воинские эшелоны. Присланные сюда строительные батальоны, инженерные части, несколько десятков тысяч пленных трудились днем и ночью. Они восстанавливали

железнодорожное оборудование, расчищали пути. Станция усиленно охранялась. Пускали туда только по пропускам.

Между прочим, этим и объяснялось то обстоятельство, что перешедший на нашу сторону немецкий ефрейтор Венцель Фолькмар своевременно не возвратился с задания, порученного ему командиром отряда. Как оказалось позже, Венцель все же проник на вокзал и ухитрился «забыть» вещмешок в железнодорожной столовой. Мина взорвалась. Вреда особого она не причинила, но шуму наделала много. После этого «сюрприза» никому не разрешалось покидать Санок, а кто въезжал в город, подвергался основательной проверке. Оправдав наше доверие, Венцель вернулся в отряд и активно боролся с фашистами.

Стабилизировав положение в городе, гитлеровцы попытались сковать нас боями, чтобы отвлечь от железных дорог. В лес двинулся венгерский хортистский батальон. В одной из схваток к нам в плен сдались пять солдат: Дьюла Зарандо, Вирагош Балла, Шандор Хорват, Петер Киш и Атилла Чабан. Вид у них был жалкий: оборванные, с примитивным оружием — однозарядными чешскими винтовками старого образца.

Венгры просились в отряд, уверяли, что будут сражаться против фашистов. Мы не знали, что с ними делать, не знали, кто к нам пришел — друг или враг? Ответить на этот вопрос сразу нельзя было. Нужны были время, терпение и выдержка.

Начальник штаба Кабаченко предложил венграм возвратиться в часть, захватить немецкого офицера-советника, который был в батальоне, а если удастся — то и командира батальона. Вот тогда — добро пожаловать.

Кабаченко превосходно умел выбирать подходящее место для проведения диверсий, предвидеть, как в той или иной ситуации поступит противник. А главное — от-

лично разбирался в людях. В пленных солдатах он видел потенциального союзника.

— Если вражеский солдат добровольно сдался или, еще лучше, перешел к нам с оружием, значит, ему подсказала совесть, он верит в силу советского оружия, в нашу правоту и гуманность, в то, что наше дело правое,— часто говорил Иван Кабаченко.

Когда разведчики доставили необходимые сведения о противнике, начальник штаба выбрал место для минного поля и организовал засаду. Наши минеры, поддержанные диверсионными группами, вышли к железной дороге. Мы включились в «рельсовую войну».

К начальнику штаба из разных источников поступала обильная информация. Цифры и факты, цифры и факты... Он их систематизировал, проверял и перепроверял. Центр ждал не отрывочных сведений об укреплениях, дорогах, численности войск, а глубоко проанализированную, цельную картину вражеского тыла.

Разведчики продолжали неутомимо искать путь к секретному оружию гитлеровцев. Однажды привели в отряд двух обессиленных парней, которых нашли в лесу. Они выглядели истощенными до предела. Старший сержант Сергей Ширяев и сержант Андрей Чугуев бежали из концентрационного лагеря, находившегося под Жешувом. Они работали на секретном полигоне.

Сергей Ширяев находился непосредственно на строительстве пусковых площадок. Он, конечно, не мог знать всех премудростей «вундерваффе», но от него мы узнали, что длина «ФАУ-2» — метров 12—14, что после старта ракета уходит высоко в небо и к цели ее ведет специальная радиостанция.

Ширяев, жадно затягиваясь сигаретой, рассказывал:

— Ракета имеет маленькие крылья, расположенные несколько сзади, а иногда и по центру, длиной, пожалуй,

метра два. Перед запуском техники проверяют ракету в подземном бункере, а затем, покрытую брезентом, на прицепе доставляют автомашиной к рельсам.

— Что за рельсы? — интересовался Иван Кабаченко.

— Рельсы — пусковая площадка. При помощи электрических моторов она меняет угол наклона. Когда на ней укрепляют ракету, площадка опускается и принимает почти горизонтальное положение, а при запуске поднимается, образовывая определенный угол.

— И немцы все эти секреты «вундерваффе»[1] не скрывают от пленных, которые работают там? — спросил Михаил Данильченко.

— В начале года ракеты запускались только перед рассветом, приготовления велись ночью, а вот с апреля они здорово торопятся, работы идут днем и ночью. Пленных немцы не боятся, ведь у нашего брата с полигона одна дорога — в могилу.

Сигарета Сергея погасла. Имас дал ему прикурить. Затянувшись, он продолжал:

— Как только затянут ракету на рельсы, к ней подъезжает бензовоз и заливает в нее вонючую жидкость, но это не бензин. Я тракторист и хорошо знаю запах бензина, керосина, солярки. После запуска ракета быстро набирает скорость и скрывается в небе. Охранники с ра-

---

[1] «Вундерваффе» — ракетное оружие, с помощью которого Гитлер хотел поставить на колени весь мир. Оно известно под названием «ФАУ-1» и «ФАУ-2». Ракета «ФАУ-1» имела длину около 4,6 метра и несла полтонны взрывчатых веществ. Радиус ее действия достигал примерно 350 километров, она могла лететь на высоте нескольких сот метров со скоростью 600 километров в час. «ФАУ-2» весила 14 тонн (более тонны составляло сильнейшее взрывчатое вещество). Радиус действия 350—400 километров, максимальная скорость 1800 километров в час, падала со скоростью 10 000 — 12 000 километров в час. Радиостанция, управляющая полетом, могла изменить курс ракеты, а также ускорить или задержать ее взрыв.

достью говорили, что ракетами будут бить по Москве и Лондону.

Нас интересовало очень многое, но большинство вопросов осталось без ответа. Заманчивой казалась идея напасть на полигон, но мы не знали, где его начало, где конец, не представляли, какими силами он охраняется. Предполагалось, что боевая группа проникнет в форме гестаповцев на полигон и уничтожит хранилище и пусковые площадки. Но где они находятся? Как к ним подойти? Сколько их?

Штаб нашего отряда разработал несколько вариантов нападения на испытательный полигон, но после обсуждения пришлось от них отказаться. Без тщательно проведенной разведки даже подходить к полигону было большим риском. Прежде всего надо собрать необходимую информацию, а уж потом, если не силами отряда, то с помощью нашей авиации, разгромить полигон.

Решили отвести отряд несколько южнее от предполагаемого полигона и послать наших разведчиков. Кого? Конечно же Михаила Имаса и Владислава Риняка.

Михаила и Владислава связывала крепкая дружба. Оба разведчика не только говорили по-немецки, но старательно изучили повадки гитлеровцев и, выполняя задание в фашистском стане, вели себя как настоящие арийцы: высокомерно, чванливо. На самом же деле это были добрые, веселые, простые ребята. Боевые успехи не вскружили им голову, они их принимали как нечто само собой разумеющееся, повседневное, обыденное. Михаила и Владислава объединяло высокое чувство — чувство пролетарского интернационализма.

Готовили Имаса и Риняка к походу в район Дембицы самым тщательным образом: добыли настоящие документы и для них и на машину, которая должна была доставить обоих до Жешува, проверили и подогнали

форму. Снабдили их французским коньяком, мясными консервами, маслом, сигаретами. На случай, если остановит охрана, партизаны становились офицерами-отпускниками, направляющимися из Варшавы в Краков. А не остановит — в машине поломка, офицеры заблудились, пошли искать ближайшую ремонтную мастерскую и случайно наткнулись на полигон.

В нашем, как и в других партизанских отрядах, разведчики пользовались вражеской формой. Но даже при отличном знании чужого языка, эти разведчики ежесекундно рисковали. В вермахте документация велась четко. Всем военнослужащим с момента зачисления на действительную службу выдавалась воинская книжка, состоящая из 25 страниц. Она являлась расчетным документом и удостоверением личности, дающим право на получение всех видов довольствия как в своей части, так и вне ее. В книжку вносились различные сведения о ее владельце: военно-учетный номер, группа крови, рост, форма лица, телосложение, цвет волос и глаз, особые приметы, размер обуви и т. д., все данные о прохождении службы, вписывались даже ближайшие родственники и их адреса. Мундиры гитлеровских офицеров, награды, знаки различия мы имели в изобилии, а вот без таких книжек приходилось туго.

Для Михаила Имаса припасали книжки пленных гитлеровских солдат и офицеров. Старались новых записей не делать, но страницы комбинировали так, чтобы приметы того или иного владельца документов и Михаила Имаса совпадали. Не менее кропотливую работу проделывал и Белый: нужно было запомнить адреса ближайших родственников, жены или невесты, когда, какое оружие получено и его номер, какие прививки сделаны ему, размер денежного содержания, отметки об отпусках, полученном мыле и прочей мелочи, на которой легко мог споткнуться даже бывалый разведчик.

Легенду о двух гестаповцах-отпускниках мы отработали детально. Нам удалось поймать двух гауптманов, спешивших в отпуск в Краков, и теперь задержка даже на один день могла сорвать операцию. Настоящие отпускники имели в своем распоряжении десять дней: день они «израсходовали» на дорогу к нам, два дня допрашивали их в отряде, пока не выудили все нужные сведения.

В ночь перед выездом Имаса и Риняка я получил от Шлензака записку: «Ваш майор под большим подозрением. Объявлен розыск. Гестапо известны его приметы».

Отработанная до мелочей операция провалилась. Что делать? Ведь засекреченный полигон мы все же обязаны обнаружить.

Тогда вместо Имаса вызвался Андрей Кучеров. Переодевшись в гитлеровские мундиры, Андрей и Владислав смогут проникнуть на полигон. Но начальник разведки не знал немецкого языка. И я отказал ему в просьбе.

Как-то комиссар зашел в мой курень вместе с Ширяевым и Чугуевым.

— Командир, ребята выспались, их подкормили. Мы пришли к тебе за советом.

— Слушаю тебя, Филипп Петрович.

— Ширяев и Чугуев бежали с полигона в эшелоне. Он следовал в Краков. Если они сумели уйти оттуда, то могут и возвратиться. Во всяком случае, можно послать одного из них вместе с опытным разведчиком. Конечно, необходима определенная подготовка,— продолжал комиссар.

Признаться, мне такая мысль в голову не приходила. Мы начали обдумывать план — как быстрей и надежней уничтожить полигон с гитлеровским секретным оружием, на которое бесноватый фюрер возлагал особые надежды. А это оружие уже действовало.

Первая ракета «ФАУ-1» разорвалась в центре Лондона и превратила в развалины несколько домов, похоронив под обломками более 100 убитых и несколько сот раненых. Англичан охватило беспокойство. Особенно их пугала внезапность удара — смерть приходила неожиданно, без воздушной тревоги и нарастающего гула бомбардировщиков. У людей не было возможности своевременно спрятаться в бомбоубежище. И все-таки, хотя «ФАУ-1» было довольно грозным оружием, удар его научились предотвращать, используя авиацию и артиллерию. Высота полета ракеты не превышала несколько сот метров, ее обнаруживал радар, а предупрежденный заранее самолет мог сбить «ФАУ-1».

На побережье Ла-Манша англичане сконцентрировали большое количество зенитной артиллерии, в проливе, почти до самых берегов Франции и Бельгии, ходили патрульные корабли с локационными установками, истребители союзников постоянно находились в воздухе. С помощью этих средств удалось ослабить первый яростный удар гитлеровской ракетной атаки.

Сложнее обстояло дело с «ФАУ-2». Полет ракеты на высоте 90 километров, космическая скорость с момента выстрела делали ее недосягаемой для зенитных и других тогдашних средств защиты.

Премьер-министр Великобритании У. Черчилль писал И. В. Сталину, что британская разведка располагает достоверными сведениями о том, что летающие ракеты немцы испытывают в Польше, в районе Дембицы. При этом он подчеркнул: «Действенность наших контрмер в значительной степени зависит от того, как много мы сможем узнать об этом оружии...» Черчилль просил И. В. Сталина, в случае если советские войска овладеют районом Дембицы, сохранить гитлеровскую базу и разрешить ее осмотреть специально присланным английским ученым. «В частности,— писал Черчилль,—

мы надеемся узнать, как запускается ракета, потому что это позволит нам установить пункты запуска ракет... Возможно, что они (немцы. —*Ред.*) имеют тысячу ракет такого типа, каждая весом около пяти тонн. Будь это правильно, это стало бы серьезным моментом для Лондона. В настоящее время у нас около 30 тысяч убитых и раненых, но все население проявляет замечательную выдержку. Парламент потребует, чтобы я убедил его в том, что делается все возможное...» [1]

Мы, естественно, тогда ничего не знали об этих фактах, но осознавали опасность нового оружия фашистов. Я попросил Владислава Риняка пригласить в лес поляка Фетера Якова.

И вот среднего роста крепыш с большими мозолистыми руками в моей землянке.

— Сможете ли вы помочь нашим товарищам пробраться в район Жешува,— спросил я и, не дожидаясь ответа, продолжал:— Дело сложное, опасное. Польские товарищи рассказывали, что у вас там живут родственники. Просим помочь нашим людям. Нам это крайне нужно.

— Много их? — спросил Фетер.

— Два человека.

Польский патриот, помолчав, сказал:

— Попробую, но это очень опасно... Если их два, то со мной уже три.— Фетер вопросительно взглянул на меня.

— Понимаю, трудно.

Фетер не спешил с ответом. Вынул кисет, скрутил самокрутку, прикурил.

---

[1] «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. I, М., 1957, стр. 240, 242.

— Попробую, но это большой риск. Дорога нелегкая, ваши товарищи говорят по-польски?

— Нет. Постарайтесь не встречаться с местными жителями. Дело совершенно секретное. Сейчас я познакомлю вас с нашими ребятами.

К Фетеру подошли сержант Дмитрий Платонов и старший сержант Сергей Ширяев.

В задачу разведчиков входило: найти незаметный подход к полигону, изучить систему его охраны и попытаться установить, где находятся пусковые площадки. Затем нужно было найти участок железной дороги, находящейся вблизи запретной зоны. Там бы мы взорвали эшелон и захватили часть груза, поступавшего в секретную зону. Затем бы приняли самолет и отправили трофейные детали «ФАУ-2» в Центр.

Через неделю Яков Фетер появился в отряде.

— Товарищ командир, ваших хлопцев я довел до запретной зоны. Меня они отослали к вам, а сами пошли дальше.

КУСОК ПАРАШЮТНОГО ШЕЛКА

Приближалось время, когда Ширяев и Платонов должны были возвратиться из района Жешува. Высланные навстречу им партизаны осторожно пробрались на окраину глухого, затерявшегося в лесу хуторка. Внимательно осмотревшись, разведчики никого не заметили. Но каким-то особым чутьем Кучеров уловил присутствие врага. Ожидали до наступления темноты.

У Кучерова было отличное зрение. Следит Андрей, присматривается. Видит: мелькают какие-то тени. Вооруженные люди выносят из домов узлы, укладывают их на подводы. Разведчик подобрался ближе. «Вот оно что: немцев, пожалуй, здесь около батальона».

Утром гитлеровцы покинули хуторок, и туда вошли наши разведчики. В отряд они принесли тяжелое известие: прошлой ночью каратели поймали двух партизан.

...Платонов с Ширяевым проникли в запретную зону. Они собрали необходимые сведения, но на обратном пути натолкнулись на засаду. Отстреливаясь, сумели уйти. Платонов долго нес раненого Ширяева. Разведчики выбились из сил. На опушке леса в заброшенном сарае они решили отдохнуть и заснули. Здесь их каратели и взяли на рассвете. Весь день истязали. Потеряв надежду получить какие-либо сведения, палачи повесили Платонова и Ширяева.

Сарай, где гитлеровцы схватили разведчиков, внимательно осмотрел Кучеров. Была здесь лишь куча прелой соломы — вот и все. Солому перебрали, перекопали землю, но ничего не нашли. Осмотрели стены, поотрывали доски, разобрали чердак. Целый день Данильченко, Кучеров, Кабаченко и Георгадзе сантиметр за сантиметром осматривали сарай. Где-то должен быть спрятан кусок парашютного шелка. Мы в это верили.

Разве могли Платонов и Ширяев не выполнить приказ? Платонов — комсомолец, отличный разведчик, минер, до прилета в Польшу партизанил на Украине. Для него выполнение приказа — дело чести. Ширяев испил горькую чашу страданий в плену, для него выполнение приказа — восстановление доброго имени храброго воина. Нет, они выполнили приказ, и необходимо продолжать поиск.

Партизаны сняли с сарая ветхую крышу, перетрусили потемневшую от времени солому, прощупали каждую балку, щель, углубление. Село солнце. Сгустились тени. А они все искали.

Александр Георгадзе с грустью смотрел на товарищей, продолжавших упорный поиск.

«Куда бы я спрятал? Сарай не сейф, может и сгореть во время боя,— подумал Александр.— Я бы спрятал где-либо поблизости, скажем, в дупле дерева. Надежно и безопасно». Догадка Георгадзе была верной. Платонов и Ширяев оказались предусмотрительными. Кусок парашютного шелка величиной с носовой платок нашли в дупле могучего дуба, стоявшего метрах в двадцати от сарая. Мы не верили своим глазам: кружки, крестики, треугольники — все это «заговорило»! План вражеского секретного полигона оказался в наших руках. Тонкая линия обходила с юга Жешув и тянулась к деревушке Дембица, а оттуда круто поворачивала на север — это была граница полигона. Две железнодорожные ветки вели к центру самого секретного участка. Там стояли вопросительные знаки — видимо, разведчики не знали названий конечных пунктов. На севере вдоль границы полигона пестрели кружочки — огневые точки, а около них — цифры с числителем и знаменателем — количество солдат, установленное и предполагаемое. Цистерны стояли на значительном расстоянии одна от другой. Склады с горючим гитлеровцы разместили подальше от пусковых площадок. Казармы и бараки для военнопленных встречались в разных местах. Зенитные установки располагались рядом с самолетами, которые охраняли полигон от возможных налетов советской авиации.

Начальник штаба развернул карту и вместе с Кучеровым принялся переносить на нее добытые сведения. Утром радисты передали Центру информацию о секретном полигоне.

Похоронили мы смелых разведчиков Платонова и Ширяева в лесу, на берегу тихой речушки Стебник. Настроение у нас было подавленное, каждый партизан горел желанием отомстить оккупантам.

— Салютом вам, боевые друзья, будут наши взрывы,— сказал комиссар.— Ваш подвиг мы не забудем,

обязательно отомстим за все. Кровь за кровь! Смерть за смерть!

Отряд выступил в поход по направлению к Сану. Разведчики уже облюбовали в лесу поляну. Там рассчитывали принять груз с Большой земли.

День выдался теплый, тихий, солнечный. К условленному месту пришли в полдень.

Ганий Халфин священнодействовал у походной кухни. Сизый дымок весело струился из закопченной трубы. Халфин накормил партизан свежей телятиной с макаронами. На второе был «нектар» — по рецепту Ревенко повара заваривали чай из молодых веточек вишни, яблони или груши. Самым чудодейственным получался «нектар» из веток и листочков смородины. Готовили его обычно в медном, начищенном до блеска котле. Ревенко рекомендовал пить этот чай горячим, пока он сохранял нежный запах. «Нектар» снимал усталость и прогонял сон.

Возвращаясь к тем далеким военным временам, всякий раз поминаю добрым словом наших медиков и прежде всего Леонида Ревенко. В грозное время войны мы не знали катара верхних дыхательных путей и воспаления легких, гастрита и других заболеваний, столь обычных для мирного времени. Но для врача всегда находилась работа.

После освобождения пленных из фашистского лагеря Леонид Яковлевич доложил мне, что у всех освобожденных чесотка и лишай.

— Что делать, товарищ военврач?

— Нужна серная мазь, а у нас ее нет.

— Необходимо искать замену.

И Ревенко нашел лекарство.

В районе Жешува гитлеровцы добывали в карьерах серу. По просьбе врача мы направили туда специальную группу, и в отряде появился мешок ярко-желтого

порошка. Серу смешали со смальцем, и вышла превосходная мазь.

Ревенко и Халфин широко применяли средства народной медицины. Можжевельник и землянику, цветы бессмертника, зверобой, липовый цвет, свежие листья подорожника — все использовали наши врачи.

Находясь постоянно в лесу, мы пользовались щедрым лесным угощением. Польские леса богаты на грибы и ягоды. В июне там полно земляники, а в июле — малины. Андрей Кучеров знал лучше других лесные секреты. Я и сейчас помню его слова: «Земляника растет по лесным вырубкам, пригоркам, спускам, между пнями в траве, а черника — у мохнатых и хмурых елей. Кладовая брусники — еловый бор, только, желательно, с землей посуше. Малина — ягода-аристократка. Она заселяет горы. Клюква облюбовала болото».

Начальник разведки превосходно знал не только ягоды. Сын крестьянина, он любил природу. По особым приметам Кучеров определял, будет день дождливым или солнечным, ветреным или спокойным.

* * *

У нас появилось немало друзей и помощников в районе Бещад. Наши верные товарищи работали в оккупационных учреждениях в Саноке и Жешуве. Польские подпольщики превосходно организовали сбор и доставку сведений в отряд. Передаточным партизанским пунктом был по-прежнему ресторанчик Франтишека Пастущака в селе Лишня. Именно туда поляки передавали информацию об оккупантах, продукты питания, медикаменты, одежду и сигареты. К Пастущаку из нашего отряда ходили только двое — Александр Георгадзе и Михаил Данильченко — и то по самым важным делам. В ресторанчик заходили, если на подоконнике северного окна стояло два вазона. Осторожность сослужила нам

добрую службу — неоднократные попытки карателей захватить кого-либо из партизан в Лишне успеха не имели.

Франтишек Пастущак подружился с Александром Георгадзе. Они часто подолгу беседовали. Александр рассказывал Франтишеку о далеком Тбилиси и научил своего польского друга грузинскому кулинарному искусству, посвятив его в секреты кавказской кухни.

Пастущак попробовал кавказские блюда и, одобрив их, сказал:

— Отличная пища, она и ляхам по душе пришлась бы.

— Генацвале, каким ляхам?

Франтишек достал из шкафа старую книгу, открыл ее и, подбирая русские слова, стал переводить:

— «Жил когда-то могучий властелин Карпат. Он имел четырех сыновей — Татра, Пеня, Бескида и Суда. После смерти отца Бескиду досталась в наследство западная часть отцовских владений. У него была жена по имени Барана, которая стерегла леса и охраняла зверей. Овдовев, Барана поселилась на самой высокой горе и воспитала двух прекрасных дочерей — Черноху и Белку, охранявших воду и рыб, и сына Ляна, покровителя полей и лугов. Умирая, Барана приказала дочерям дарить людям воду, а сыну — поля и луга. Дети, исполняя волю матери, разошлись по белому свету. Лян обращал бедные земли в луга или засевал их пшеницей. Черноха, проливая слезы, сошла в долину. Белка, резвая и веселая, побежала к морю, где, к великой радости, встретила свою сестру. Белка и Черноха свили венок из прибрежных цветов и, украсив им родную волну, покатили ее вперед. Эта первая волна, названная Вышедшей, или Вислой, достигла Балтийского моря. За ней спешили все новые и новые волны. Произошло это в момент летнего солнцестояния, когда земля наиболее пышно укра-

шена цветами. И с тех пор по берегам Вислы девушки, отмечая праздник цветов накануне Ивана Купала, украшают волны великой реки плывущими венками. Теперь реку, по которой Черноха сошла с горы в долину, называют Черной Вислой, а ее сестру — Белой; гору, на которой жила Барана,— Бараньей горой. Народ, который живет в этих местах, назвали горцами, а народ, поселившийся на окружающих Вислу полях и лугах, назвали лянами или ляхами».

Пастущак бережно закрыл книгу.

Услышанную от Пастущака легенду вечером Георгадзе рассказывал у костра партизанам. Его слушали с большим вниманием.

Александр Георгадзе и другие разведчики под руководством Андрея Кучерова занимались: «снимали часовых», захватывали «языка». Такие тренировки проводились в отряде ежедневно. Ведь в наших буднях главное внимание уделялось разведке. В тылу врага не существовало понятий передний край, фронт, тыл, фланги. Фашисты могли появиться где угодно, поэтому партизаны наши учились всегда быть начеку.

Однажды начальник штаба сообщил мне:

— Володя, тетка Виктории живет в закрытой зоне. Ты понимаешь, какой это шанс!

Виктория согласилась поехать к тетке. Мы на немецких бланках отпечатали ей отпускное удостоверение и разрешение на проезд в вагонах, предназначенных только для немцев.

Вскоре мы узнали, что бензозаправщики, направляясь в закрытую зону, часто останавливаются в том селе, где живет тетка нашей разведчицы. Виктория сообщила нам, что в селе находится около сотни немецких солдат, а их командир капитан Костромской — отпрыск бежавшего из России князя, который после Октябрьской революции жил в Париже.

Костромской по вечерам часто прогуливался в окрестностях деревни и приглашал с собой Викторию. Одна из таких прогулок закончилась для князя встречей с партизанами. Мы взяли его в плен.

Во время войны мне доводилось встречаться с немецкими баронами, польскими графами, венгерскими помещиками. И вот передо мной стоял русский князь. Был он среднего роста, русый, с красивыми большими глазами, выправка офицерская, взгляд спокойный, но рассеянный. Говорил по-русски с акцентом.

— Родился в Париже, в семье дипломата. После революции родители в Петроград не возвратились. Закончил высшую военную школу в Марселе, служил в Иностранном легионе. С приходом немцев во Францию работал грузчиком. Год тому назад попал к власовцам.

— Как же вы оказались в банде предателей? — спросил я.— Вас Октябрьская революция лишила имения, звания, но не Родины. Карательный батальон, где вы служили, мы обязательно разгромим. Для этого необходимо знать пароль, размещение постов, секретов, и вы должны быть в роли проводника. Позор предательства перед Родиной можно смыть только служением ей.

Костромской взглянул на меня печальными глазами и глубоко вздохнул.

— Нужно подумать,— ответил он.

Должен сказать, что после длительных бесед с комиссаром Костромского словно подменили. Он сообщил нам ценные сведения и подробно рассказал о системе охраны в батальоне, о его целях и задачах.

В этот день отличилась диверсионная группа Фолькмара Венцеля и Атиллы Чабана. Перешедшие к партизанам венгры оправдали оказанное им доверие: привели в лес немца-советника и командира своего батальона.

По предложению Ивана Кабаченко из пяти венгров

и двух немцев было создано интернациональное отделение.

Немцы и венгры, находившиеся в отряде, хорошо знали порядки в фашистских частях и действовали искусно и уверенно. Нередко среди бела дня выезжали на дорогу и, завидев легковушку, прошивали ее из крупнокалиберного «гувера». Не раз Фолькмар занимал на бойком перекрестке место регулировщика. Машины, которые он направлял в объезд, в лесу попадали к партизанам.

Как-то утром интернационалистам встретился небольшой грузовичок с почтой. Перепуганный водитель-фольксштурмист рассказал, что нынешней весной его часть переведена из Италии в Польшу. Письма он везет на станцию Санок. Там их необходимо погрузить в почтовый вагон и отправить в Германию.

Сначала почту хотели выбросить в Сан — пусть, мол, «своим ходом» добирается в «фатерлянд». Комиссар предложил другое. По его совету взялись за работу. Задержанные письма уже проверила полевая цензура — они шли непосредственно к адресатам. И вот ко многим письмам мы сделали свои партизанские приписки. После этого конверты запечатали и бросили в мешок. За руль машины сел Вайнруб, и письма попали в немецкий почтовый вагон.

УДАР ПО «ВУНДЕРВАФФЕ»

Изучение секретного полигона «ФАУ-2» мы тщательно маскировали. В отряде считанные люди знали, почему география наших диверсий ограничивалась районами Санок — Устшики-Дольне, а разведчики регулярно отправлялись к Дембице.

К этому времени нам уже удалось определить систему охраны и уточнить численность гитлеровцев, находящихся в секретном районе. Но пока мы не могли атаковать их. Слишком неравные были силы. Центр сообщил о готовящемся налете авиации на полигон и приказал световыми сигналами указать направление основного удара.

Мы начали готовить группу к броску в район Дембицы.

В июле нам повезло: количество взорванных воинских эшелонов увеличилось до двух десятков, мы провели ряд успешных налетов на фольварки, разгромили венгерский батальон.

Большой удачей было установление связи с офицерами словацкого батальона. Мы знали, что солдаты Словакии не хотели сражаться на Восточном фронте. На Украине они переходили к партизанам. Словаков гитлеровцы использовали для строительства укреплений. Строительный батальон был очень пестр по национальному составу и укомплектован в основном из «политически неблагонадежных», не пригодных к строевой службе. Оружие солдатам выдавалось в исключительных случаях и хранилось оно под наблюдением гитлеровских советников. Начальник штаба словацкого батальона согласился разоружить немецких советников и солдат и привести к нам в лес. Он дружил с командиром батальона и надеялся убедить его принять все условия партизан.

Буквально перед встречей с командиром этого батальона приехал Станислав Вроньский. Выслушав мой рассказ о словацком батальоне, он пожелал лично побеседовать с командиром, тем более, что соединение имени Александра Невского готовилось к переходу в Словакию.

Переговоры со словаками не остались незамеченными. Гитлеровцы «сели нам на хвост», и мы никак не

могли от них оторваться. С восходом солнца вражеский самолет-разведчик повис над отрядом и вызвал два легких бомбардировщика. Нас бомбили.

Группа Владислава Риняка спешилась, лошадей спрятали в глубоком овраге. Дорогу, ведущую к лесу, заминировали. Фашисты не заставили себя долго ждать. Но действовали они очень осторожно. Их бронетранспортеры выжидали. Пехота залегла по обе стороны дороги. Немецкие летчики, видимо, сообщили о подозрительной поляне. Над лесом кружил вражеский разведывательный самолет — «рама».

Бронетранспортеры, завывая моторами, тяжело поползли к зарослям кустарников, кося их пулеметным огнем. Фашистские автоматчики на огонь партизан не отвечали, а, перебегая от дерева к дереву, начали их окружать. Владислав приказал отступать.

На этот раз мы столкнулись с эсэсовцами. На зеленых армейских мундирах они носили эмблему — череп со скрещенными костями и серебристый знак. Солдаты и офицеры были вооружены автоматами. Наткнувшись на засаду, эсэсовцы стремились завязать бой и приковать нас к определенному рубежу. Мы не сомневались — враг хитрит и готовит западню.

Владислав Риняк, отходя в глубь леса, не спешил отрываться от фашистов. Он послал ко мне связного с просьбой выслать подкрепление. Обстановка требовала от нас решительных действий. Риняк продолжал с боем отступать, а группа Данильченко и разведчики Кучерова незаметно обходили эсэсовцев.

К исходу дня партизаны заняли новые позиции. Как только стемнело, с тыла ударили Кучеров и Данильченко, а бойцы Риняка преградили эсэсовцам путь. Гитлеровцы рассыпались по лесу. Преследовать их мы не стали. До утра им не собраться, а за ночь мы уйдем на значительное расстояние.

Партизанскую тактику и мастерство осваивали мы постепенно. Никто из нас не имел специальной подготовки, не пользовался какими-то учебниками или пособиями. Тактика рождалась в борьбе с врагом — сильным, коварным, беспощадным. Мы могли возвратиться на Родину, только победив его.

Партизанская борьба — это фронт за линией фронта, это дерзкие налеты на военные объекты, рельсовая война, выпуск листовок, встречи с местными жителями, внезапное появление в населенных пунктах, где оккупанты считают себя полновластными хозяевами, это своевременный отход и нанесение удара по важному узлу связи, железной дороге, сбор сведений, оценка их, передача в Центр и умение накормить всех бойцов, поставить на ноги раненых... Множество больших и малых проблем приходилось решать с ходу, а от этого во многом зависел успех.

Готовя новую операцию, которая должна была закончиться разгромом власовского батальона, я большие надежды возлагал на князя Костромского. Он командовал ротой и отлично знал расположение батальона, главных постов и удобных к ним подходов.

Мы решили прежде всего разбить роту Костромского. Князь сообщил нам пароль.

Село окружили засветло. В сумерки все посты партизаны обошли вместе с Костромским и сняли их без шума. К школе подобрались без происшествий. Местные жители, напуганные карателями, позакрывали наглухо ставни, даже псов спрятали в домах. Тишина и покой.

Осталось теперь проникнуть в помещение и взять в плен спящих там предателей Родины. Имас и Данильченко подошли к подъезду, толкнули дверь, она легко открылась. Хлесткая автоматная очередь распорола тишину. Неровно прыгали лучи карманных фонариков, изредка раздавались одиночные выстрелы. Ошарашенные

внезапным появлением партизан, власовцы оказали очень слабое сопротивление. Партизаны вывели их из дома, построили во дворе школы.

Я решил пойти на риск и сказал пленным:

— Мы — советские партизаны. В тяжелую годину вы предали Родину и заслуживаете сурового наказания. Но мы хотим верить, что многие из вас воспользуются возможностью искупить свою вину. Кто согласен немедленно атаковать штаб вашего батальона и разгромить его?

Пленные молчали. В наступившей тишине я слышал напряженное дыхание.

Костромской сказал:

— Я приказываю разгромить штаб батальона. Нам возвратят оружие и дадут по одному патрону. Это немного, но достаточно, чтобы пустить себе пулю в лоб и умереть трусом или же выстрелить в гитлеровцев и получить право на помилование. Я поведу вас в бой. Как русский человек, предпочитаю лучше погибнуть, чем жить предателем. Кто пойдет со мной — шаг вперед.

Строй не шелохнулся.

Но вот вышел один, второй, третий... Набралось человек сорок добровольцев. Костромской подошел к ним и трех прогнал.

— Вы будете в спину нам стрелять, вон из строя!

Добровольцев вывели на лесную поляну, остальных под охраной отправили в лагерь.

Высоко в чистом небе сияла луна.

Филипп Похилько принял у добровольцев присягу. Каждому дал по одному патрону и предупредил:

— Мы поверили вам на слово. Запомните это. Не завидую тому, кто повернет оружие против нас. Тогда пощады не будет.

Что заставило меня немедленно использовать роту Костромского для нападения на село? Почему я не сде-

лал это силами отряда, ведь к тому времени у нас было более 200 человек?

Польские подпольщики сообщили нам, что на секретный испытательный полигон «ФАУ-2» гитлеровцы привозят оборудование, которое хранится в армейских складах в местечке Ветлино. Группа Михаила Данильченко была занята разведкой окрестностей Ветлино, она готовилась уничтожить склады. Когда мы пленили роту Костромского, вдруг выяснилось — в деревушке заночевала колонна бензозаправщиков, следовавшая в Дембицу. Втайне я надеялся, что мы совершенно случайно наткнулись на бензозаправщиков, за которыми охотились с мая.

Перед Костромским поставили боевую задачу — проникнуть в село, разгромить колонну бензозаправщиков, штаб карательного батальона и захватить его командира.

Кучеров не верил в успех операции. Князь подошел ко мне, приложил руку к козырьку:

— Спасибо, господин командир, за доверие. Поверьте, я родился и жил во Франции, но никогда не изменял России. Если погибну, сделайте милость, похороните под березой.

— Умирать рано, надо побеждать. На вот, возьми полную обойму к «вальтеру», это тебе пригодится. И главное, в деревне где-то заночевала колонна бензозаправщиков. Ее надо найти и захватить невредимым хотя бы один заправщик.

Костромской удивленно посмотрел на меня.

— Нам нужен бензин для зажигалок,— пошутил я.— Будут оказывать сопротивление — уничтожить машины, но ни в коем случае не дать им уйти. Это главное. Мы перекроем входы и выходы из деревни и в нужную минуту поддержим.

Костромской повел своих людей, а мы, стараясь держаться на небольшом расстоянии от него, пошли следом.

Признаться, я слабо верил в стойкость новоиспеченных помощников. Достаточно было одному из них струсить, предать — и все рухнуло бы, как карточный домик. Но все же теплилась надежда: тот, кто дал нам присягу, вряд ли вернется к гитлеровцам.

Перед деревней князь остановил своих людей, что-то сказал им, и они разбились на мелкие группы. Мы на околице устроили засаду. Было уже за полночь, когда в деревне вспыхнула перестрелка. Она то усиливалась, то замолкала. В небо взлетали ракеты. Вот треск вражеских автоматов послышался на окраине села. Трассирующие пули рвали темноту на части, огненными струями рассыпались по ночному небу и гасли. По шуму боя мы понимали — бьют в основном немцы. «Неужели Костромской отступает, не выполнив поставленной задачи?»

Пора! Нужна наша помощь. Я приказал группе автоматчиков ворваться в деревню. Не успели партизаны растаять в темноте, как в деревне раздался глухой взрыв. Темно-коричневое пламя рванулось в небо, озаряя окрестности огромным факелом. Через несколько секунд прогромыхало еще два таких же адских взрыва. Стало светло, как днем. Пальба в деревне прекратилась.

Костромской разгромил штаб карательного батальона, захватил документы, карты, оружие, боеприпасы. Но командир батальона сбежал. Некоторые наши добровольцы погибли, кое-кто пропал без вести, остальные, выполнив задание, сложили оружие. «Мы, мол, сдержали свое слово — решайте нашу судьбу».

Мы с интересом рассматривали разорванные на куски цистерны и обгоревшие остовы бензозаправщиков. Не осталось и тени сомнения. Автомашины везли горючее на секретный полигон. Их тщательно охраняли эсэсовцы, с отчаянием обреченных отбивались они до тех пор, пока пуля не угодила в одну из цистерн. Охрана погиб-

ла у машин. Обгоревшие, потерявшие всякую ценность грузовики, вызывали у нас чувство радости: на какое-то мгновение мы приостановили работу конвейера смерти.

Ликвидировав карательный батальон, мы решили разрубить «Жешувский узел».

Отряд притаился. Днем никаких передвижений, радисты перестали выходить в эфир, поляки-подпольщики пустили слух: «Пожарский» двинулся к линии фронта. А мы, находясь недалеко от Дембицы, готовились к «большому приему». Центр получил точные координаты секретного полигона и готовил бомбовый удар.

Разведчики где-то под самым Жешувом пленили немецкого фотокорреспондента. Привели в штаб. Он оказался словоохотлив: дал ценные сведения о секретном полигоне, рассказал, что оборудование поспешно демонтируется и готовится к перевозке в глубь Германии.

Риняк перезарядил трофейный «кодак» и предложил десантникам сфотографироваться. После затяжных дождей выдался теплый солнечный день. Владислав выбрал поляну, заросшую травой, долго нас усаживал, стараясь разместить каждого на видном месте. Щелкнул раз, второй и пообещал после войны прислать по фотографии.

Рассаживая партизан, Владислав возле меня оставил свободное место. Мы этому не придали значения. Имас вечером у костра подсел к Риняку.

— Ты для кого место оставил возле командира?

— Сам догадайся!

Михаил погладил бороду.

— Кажется, я понял для кого. Хочешь, я расскажу одну историю, имеющую к этому прямое отношение? — Имас подбросил в костер сухих веток.— Станция Помощная расположена на скрещении дорог, ведущих в Одессу, Николаев и Кривой Рог. Помощнянские подпольщики имели связь с подпольной группой станции

Малая Виска. Там находилась штаб-квартира отделения немецкой военизированной строительной организации «Тодт». Подпольщики — машинист паровоза Иван Гаджиенко, моряк Иван Царенко, бежавший из плена, и капитан Филипп Похилько связались с одной из таких команд. Она находилась в лесу, километрах в ста от станции. Дисциплина там была строгая: поляки, принудительно доставленные в лагерь, на работу ехали под стражей, жили в бараках, огороженных колючей проволокой. У коменданта лагеря помощником был поляк. Он сколотил вокруг себя группу честных людей, готовых с оружием в руках выступить против гитлеровцев, а вместе с тем старался завоевать необходимое доверие начальства. Немцы оставались довольны его работой. Он стал бывать в Малой Виске в штабе тодтовцев или, как называли его в целях маскировки, в конторе. В Малой Виске польский товарищ встретился с Похилько. Вот тут и возник план захвата штаба общими силами.

Имас подбросил в костер веток и продолжал:

— Мы изучили систему охраны штаба. Напасть решили в один из субботних вечеров, когда начальство собиралось вместе с дамами в большом зале на втором этаже штаба и устраивало там вечера отдыха. В условленное время, незадолго до наступления сумерек, из польского лагеря выехало восемь грузовых машин, в которых разместились рабочие с топорами, пилами и ломами. На головном грузовике ехала стража — несколько поляков, переодетых в форму власовцев. В кабине сидел помощник коменданта в форме немецкого гауптмана. В дороге ни один из контрольных постов не задержал машины. Ехали быстро, и часа через два были в Малой Виске. Здесь обратились к старосте, и тот расквартировал строителей на ночлег. Стоявших у входа в штаб часовых сняли без шума. Гауптман вошел в зал: «Господа, мы ищем переодетых в форму вермахта боль-

шевистских партизан. По нашим сведениям они в этом зале. Попрошу приготовить документы».

— В это время,— продолжал Имас,— в зал вошли переодетые в гитлеровские мундиры поляки. В считанные минуты обезоружили офицеров, открыли сейфы с документами, пирамиды с оружием. Так что, если ты решил вмонтировать на свободном месте фотографии снимок партизанского разведчика Зигмунда Жулковского, ты не ошибся.

* * *

Каждую ночь партизаны, чутко прислушиваясь, всматривались в темное небо. Но оно молчало.

— Что-то не слышно наших?

— Пока не гудят...

— Появятся. Все равно придут.

У приготовленных заранее костров дежурили подвижные группы. Старательно раскладывались сухие ветки и валежник. Как только слух уловит звук наших бомбардировщиков, сейчас же вспыхнут десятки ярких костров. Они превратятся в гигантскую огненную стрелу, своим острием направленную на вражеский полигон.

Боевая тревога!

Дежурными поднят на ноги весь отряд. Партизаны прислушиваются к отдаленному, все нарастающему гулу самолетов.

— Наши!

— Летят!

Высоко в ночном небе слышится рокот моторов, с каждой минутой он усиливается.

Вот вспыхнул сухой валежник, затрещали ветки. Взлетели искры. Ветер подхватил и раздул пламя костров.

Огненная стрела указывала путь самолетам.

Воздушная армада приближалась.

На вражеском полигоне ударили зенитные батареи. Вспыхнуло множество осветительных ракет-фонарей. Воздух от красного света казался раскаленным. С востока на запад шла грозная эскадрилья советских ночных бомбардировщиков.

До нашего слуха долетел резкий свист. И в ту же минуту от бомбовых ударов дрогнула земля и закачалась под ногами. Могучие деревья задрожали, как в бурю.

А самолеты сбрасывали и сбрасывали в ночном мраке свой грозный груз. Подобно горному обвалу, долетал к нам грохот бомбежки. Вражеский полигон охватило пламя.

Партизаны подбрасывали вверх шапки. Мы обнимались, целовались, поздравляли друг друга. Каждый из нас чувствовал себя именинником, победителем.

Ко мне подошел Похилько.

— Командир, думаю, радисты выйдут завтра в эфир?

— Конечно, отзвук нашего концерта должна услышать родная земля.

Больше часа «висели» бомбардировщики над полигоном. Наши летчики точной бомбежкой уничтожили склады, казармы, железнодорожные пути, пусковые площадки, позиции зенитных орудий. В море огня все рвалось, все рушилось.

Авиационный налет был внушительным. Вражеский полигон, где испытывалось новое гитлеровское оружие, вышел из строя, а главное — он оказался рассекреченным и в любое время над ним снова могли появиться новые бомбардировочные эскадрильи.

Подъездные пути к полигону наша разведка держала под наблюдением. Вскоре крытые брезентом немецкие грузовики потянулись из Дембицы на запад. Мы обнаружили, что часть секретных грузов направлена в

армейские склады, находящиеся в окрестностях местечка Ветлино.

Конец июля был для нас поистине праздничным. Красная Армия, разгромив минскую группировку гитлеровцев, прорвала фронт в районе Ковеля и вышла к Западному Бугу. 18 июля она форсировала реку и вступила на территорию Польши. В этой операции участвовали польские артиллеристы, которые своим огнем прокладывали путь советской пехоте и танкам.

Летчики сбросили нам очередную партию листовок, обращенных к польскому населению.

В одной из них говорилось:

«БРАТЬЯ!

Все на борьбу с фашистскими оккупантами! Не верьте клевете гитлеровцев и их сознательных и несознательных агентов на Советский Союз и нашу Польскую Армию. Достойно встретьте союзную Красную Армию, которой принадлежат величайшие заслуги в деле победы над гитлеровской Германией. Помогайте нашей Армии и советским войскам...»

Меня, комиссара и начальника штаба польские товарищи пригласили в Лишню. Местные жители исключительно тепло приветствовали нас, благодарили за помощь, заверяли в искренней дружбе, поздравляли со вступлением Красной Армии в Польшу.

Собравшиеся дружно аплодировали Владиславу Риняку, который сказал:

— За тысячу лет истории Польского государства власть неизменно находилась в руках имущих классов. Теперь мы должны построить Польшу, свободную от эксплуататоров. Залог тому — совместно пролитая на полях сражений кровь наших народов, дружба со старшим братом, великим Советским Союзом.

Да, дружба нашего отряда с местным населением была действительно крепкая. И жители всеми силами старались помочь нам. Вот один из примеров.

Когда пастушки из Лишни заметили машину с вращающимися над кузовом металлическими обручами (пеленгатор), они сразу же сообщили нам. Такие же вести поступили из других сел. Вскоре над лесом, где мы находились, появился самолет-разведчик. Нам пришлось уходить. И незря. С восходом солнца опустевший лагерь жестоко бомбила немецкая авиация.

...Августовский лес радует человека своей красотой. Какое здесь многообразие красок! Золотом блестят тронутые ранним холодком листья берез. Красными бусами ягод украсилась рябина, осины горят багровым нарядом, черные серьги украшают подрумяненную черемуху, и все же в августе лес носит отпечаток усталости. Меняют свои наряды подлески. Поблекли многие яркие цветы. Лес запах сыростью и прелыми листьями. Дни еще стояли по-летнему жаркие, а ночи стали холодными.

Радио теперь каждый день приносило радостные вести, они ободряли партизан, придавали сил. Отправляясь на задания, минеры и разведчики подходили к палатке Шуры и Виктории. Лунева принимала сообщения Совинформбюро.

Затаив дыхание, партизаны слушали голос Москвы.

— Войска 1-го Украинского фронта три дня тому назад перешли в наступление на Львовском направлении.

Район действий отряда имени Пожарского в августе 1944 года из тылового превратился в прифронтовой.

Гитлеровцы усиленно охраняли военные объекты, и минерам приходилось действовать теперь вместе с боевыми группами. Даже к небольшим автомобильным дорогам мы пробивались с боем. Это в корне меняло тактику бесшумных партизанских налетов и нападений, терялся момент внезапности.

Мы знали, что в деревне Ветлино находится фронтовой склад продовольствия и боеприпасов, туда зачастили грузовики с полигона. Секреты «ФАУ-2» по-прежнему были в центре нашего внимания. Филипп Похилько два дня «обхаживал» деревушку, присматривался к местности, изучал схему проволочного заграждения, определял численность караула и время смены часовых. Комиссар предложил малыми силами захватить склад.

Группа Владека Риняка скрытно подошла к Ветлино. Похилько хотел дерзкой атакой смять охрану, ворваться на территорию склада, перебить гитлеровцев, отдыхавших в караульном помещении, а потом все уничтожить. Но, готовя нападение на склады, он не заметил главного: гитлеровцы, замаскировав свои дозоры, внимательно просматривали местность.

Подползающих к проволочному заграждению партизан фашисты обнаружили раньше, чем те успели сделать в «колючке» необходимые проходы и занять исходную позицию для атаки. Разгорелся бой. Крупнокалиберные пулеметы свинцовым градом преградили дорогу не только к складу, но и к спасительному лесу. Огонь фашистов становился все плотнее и губительнее. Быстро светало. Риняк, потеряв связь с Похилько, послал в штаб посыльного. Ко мне примчался Семен Кикнадзе.

— Командир... Наши залегли под сильным огнем. Фашистов больше, чем мы ожидали. Владислав просит помощи.

Иван Царенко со взводом разведчиков обошел склад с тыла. Риняку передали приказ: при появлении в небе двух красных ракет сделать бросок вперед.

Охрана склада настолько увлеклась боем с прижатыми к земле партизанами, что прозевала маневр Царенко. Удар оказался внезапным. Минут через двадцать стрельба прекратилась.

Бегло осмотрев многочисленные хранилища, мы убе-

дились, что с полигона сюда оборудование не поступило. Но зато сколько было здесь всякого добра: консервы, зерно, одежда, обувь! Наши разведчики сообщили об этом в Ветлино. Польские крестьяне не заставили себя упрашивать. Как только местные жители разобрали продукты и товары, минеры принялись за дело.

Партизаны не успели добраться до опушки леса, как помещения склада начали взлетать в воздух. Вокруг ухало, трещало, выло.

По селам пошел слух: высадился советский десант и несколько тысяч советских солдат двигается к городу Цисна. Телеграмму можно задержать, радиопередачу заглушить, с народной молвой ничего не сделаешь. Она обрастает домыслами и быстро распространяется. По слухам на Цисну шла десантная дивизия Советской Армии.

Вскоре после операции партизаны вышли на горный хребет. Едва заметная каменистая тропинка вилась в густом сосняке. Я ехал впереди верхом на лошади. Внизу по дороге к линии фронта двигались немецкие войска. Наши разведчики зорко следили за передвижением противника и докладывали о том, что видели и слышали.

Я ехал, прислушиваясь к доносившемуся снизу походному шуму. Вдруг мой конь остановился. Я толкнул его легонько ногами:

— Иди, вороной, смелей!

Но конь стоял, словно вкопанный. Глянул на тропку. Вот так встреча! В двух шагах от коня стоял огромный волк. Зверь был великолепен. Навострив уши и взъерошив шерсть, матерый волк прислушивался к голосам немцев. Стрелять я не мог. Выстрел привлек бы внимание фашистов. А волк все стоял и прислушивался. Вот он повернул голову и совершенно спокойно взглянул своими каштановыми глазами на меня. Он как бы спрашивал: «Что нам делать?» По его глазам я понял, что он не бросится на меня. Он словно говорил: «Звери там,

внизу, а я, видишь ли, мирный местный житель». Волк чувствовал, что я его союзник, и он, и я остерегались того, что происходит там, внизу. Волк еще раз взглянул на меня и, уступив дорогу, прыгнул в кусты.

Отряд имени Пожарского действительно продвигался на Цисну. В городке побывали Венцель и Чабан. Они доложили: в Цисне началась паника.

Для начала в город партизаны заслали группу интернационалистов. Они взорвали там две мины. Это усилило панику. А тут еще наши минеры на дороге начали подрывать телефонные столбы. Взрывы ухали все ближе к городу.

Солдаты вражеского гарнизона, наслышавшись о десантной дивизии, бросились к машинам. Интернационалисты подняли стрельбу в городе. Гитлеровцы бежали, как крысы с тонущего корабля. Партизаны вошли в город, но к вечеру вынуждены были его оставить, так как разведка донесла, что на подходе к Цисне замечены крупные силы гитлеровцев.

В Цисну из Санока и Жешува съехалось полицейское и жандармское начальство, прибыли подразделения вермахта и гестапо. Еще бы! Красная «десантная дивизия» находилась близко от Цисны и вела себя весьма агрессивно. «Десантники» продолжали свою «работу». В селе Криве среди бела дня разгромили немецкое имение, а на следующий день в Устшике-Дольне мощнейшим взрывом пустили под откос воинский состав.

В Цисне прогремели взрывы в депо, на узле телефонной связи, лесозаводе. Затем наши секретные мины подняли на воздух два моста и помещение полиции. Мины, заложенные Павленко, Гузановым, Кикнадзе, Кучеровым, Риняком и Царенко, тоже не подвели. Ночью городок охватила новая волна паники. Многочисленные и мощные взрывы привели к ожесточенным перестрелкам между вражескими солдатами. Начались пожары.

Оккупанты вновь покидали Цисну: они каждую минуту ожидали новых взрывов.

...А мы из района Цисны форсированным маршем выступили к польско-чехословацкой границе. Центр приказал партизанскому отряду имени Пожарского оказать помощь словацким партизанам. Мы спешили на Запад.

Впереди отряда шли разведчики, возглавляемые комсомольцем Михаилом Данильченко. На флангах двигалось боевое охранение. Марш — марш — марш! Все быстрей, все стремительней по лесным тропам, идущим вдоль горного хребта.

Светает. Поляны в густой росе. Здесь царство чебреца. Что ни шаг, то пахучий лиловый ковер. Но чем выше поднимаемся в гору и подходим к гребню хребта, тем меньше полян, тем чаще на нашем пути возникают колючие заросли.

Едва заметны в кустах старые оленьи тропы. Горная вершина увенчана могучими буками. Зеленые стражи гор первыми видят огненный диск солнца и первыми встречают натиск ветра, неумолчно шумящего в их кронах.

Карпаты! Мой «Стригун» шел медленно, он как будто пробовал копытами каждый камешек.

А навстречу уже спешил посланец разведчиков.

— Товарищ командир, необычная находка. Данильченко послал доложить.

— Находка, говоришь? Какая?

Разведчик развел руками, замялся.

— Сюрприз готовим...

Что за находка? Какой сюрприз? Я тронул коня.

Вот уже слышу за кустами стук лопат и голоса:

— Давай, ребята! Ровняй! А ну, чуток возьми влево.

— Так! Порядок!

Я выглянул из-за кустов и осадил коня. Сердце забилось учащенно и радостно. Партизаны по-хозяйски ус-

танавливали полосатый пограничный столб. На нем красовались две стрелки. Здесь сходились государственные границы Польши и Чехословакии.

Партизаны с гордостью посматривали на пограничный столб, утрамбовывали сапогами землю.

Данильченко приложил руку к козырьку:

— Товарищ командир, в тылу врага комсомольцы-партизаны восстанавливают границу между двумя дружественными государствами. У пограничного столба собрался весь партизанский отряд. Совершенно стихийно возник митинг.

— Мы переходим государственную границу Чехословакии и одновременно восстанавливаем ее,— звучал голос нашего комиссара.

В Карпатах прогремел партизанский салют.

За нашей спиной всходило боевое солнце, оно освещало леса и горы и как бы указывало путь к новым ратным подвигам во имя свободы и вечной дружбы.

С ВИЗОЙ И ПАСПОРТОМ

Поезд тронулся. Мимо проплыл перрон Брестского вокзала. Под колесами прогремел мост через Западный Буг, и вот мы уже на земле братской Польши. Мы — это делегация Советского комитета ветеранов войны — бывшие пехотинцы, летчики, танкисты, моряки, партизаны, которые принимали непосредственное участие в боях против фашистских захватчиков и вместе с польскими братьями гнали на запад полчища Гитлера.

Я стоял у окна вагона и всматривался в проплывавшие мимо туманные осенние поля. За ними темнели знакомые леса, в которых мы когда-то сражались бок о бок с польскими партизанами. Удастся ли повидать боевых товарищей? Все ли они живы? Как сложилась их судьба в мирные годы?

В нашем вагоне возникали интересные разговоры. Я прислушивался к ним и думал: сколько еще не рассказано, сколько еще не написано о боевом содружестве, которое скреплено кровью в годы Великой Отечественной войны!

Моим соседом по купе оказался соратник легендарного партизанского разведчика Кузнецова — Николай Акимович Гнидюк. Этот коренастый крепкий человек когда-то водил неуловимый автомобиль под носом у врагов и помогал Кузнецову удачно проводить самые рискованные операции.

Николая Акимовича, который сейчас работает заместителем председателя Львовского облисполкома, с ин-

тересом слушали первый советский комендант Варшавы полковник П. М. Янченко и Герой Советского Союза В. В. Корсаков, чей танк первым ворвался в горящую многострадальную столицу Польши.

И вот на горизонте засияли звездной россыпью ее ночные огни. Я знал, что Варшава была до основания разрушена гитлеровцами, и был радостно удивлен, увидев прекрасный новый город с высотными домами. Нас сердечно встретили представители польского Главного управления Союза борцов за свободу и демократию. Среди встречавших взор сразу выхватил седого красивого мужчину. Да, это он! Бывший партизанский разведчик Станислав Вроньский, ныне известный историк, министр культуры и искусства Польской Народной Республики.

Станислав Вроньский пригласил к себе на квартиру бывших советских партизан, товарищей по оружию. В беседе принимали участие партизаны Борис Шангин, Николай Гнидюк, Петр Брайко. Мы вспомнили многие совместные походы и бои, погибших друзей. Потом заговорили о нашей мирной жизни, о нашем труде. Увлекшись воспоминаниями, не заметили, как пролетела ночь и над крышами занялась утренняя заря.

Узнав о том, что я пишу книгу о действиях партизанского отряда имени Пожарского на территории Польши, Вроньский заметил:

— Это очень хорошо. Мы Вам поможем в этом большом и нужном для наших народов деле.

Когда весной 1972 года началась кропотливая работа по сбору дополнительных материалов, относящихся и к далеким временам войны и к дням сегодняшним, польские друзья приняли в ней самое горячее участие.

Прошедшие годы неузнаваемо изменили облик таких знакомых когда-то мест.

Довоенный Санок — захудалый деревянный городишко, который славился грязными кабаками и имел

единственное промышленное предприятие — завод по изготовлению телег. Санок 1972 года — центр повита (района), насчитывающий до 30 тысяч жителей. Только на автобусном заводе «Автосан» занято свыше восьми тысяч рабочих и служащих. Рядом со старым городом растет новый — светлые многоэтажные дома, широкие улицы, скверы.

Первый секретарь повитового комитета Польской объединенной рабочей партии товарищ Богуш живо заинтересовался работой по исследованию деятельности партизанского отряда имени Пожарского. Он пообещал помочь разыскать наших боевых товарищей, побеседовать с ними.

Волнующей была поездка с бывшими бойцами отряда в деревушку Дыдня — в то самое место, где 10 мая 1944 года приземлилась наша десантная группа.

— Вот здесь упал тогда парашютный мешок, а вон там, около речушки, приземлились десантники,— рассказывал Ян Индык, добрый, словоохотливый человек. Ныне Ян — пенсионер, живет в Саноке. Он до мельчайших подробностей помнит ту ночь, когда попал под купол парашюта радистки Александры Луневой.

— Пропавший мешок был обнаружен только утром, когда гитлеровцы приехали в деревню,— рассказывал Индык.— Именно он больше всего напугал оккупантов — ведь в нем оказалось оружие... Каратели сообразили, что ночью приземлились не просто армейские разведчики, которые, возможно, уйдут в другой район. Если десантники имеют с собой запасное оружие — значит, это организаторы партизанского движения и они отдадут оружие польским антифашистам. Забегали гестапо, жандармерия, заметались по району карательные отряды.

Индык показал место, где преданный оккупантам ста-

роста пытался проверить у Имаса документы, подробно рассказал о бое.

А вот и «тропа» Михаила Имаса. Крутой склон горы, с которой открывается вид на большое село Лишню. Его окрестности были районом первой дислокации пожарцев. Внизу, в лощине, вьется новая магистраль.

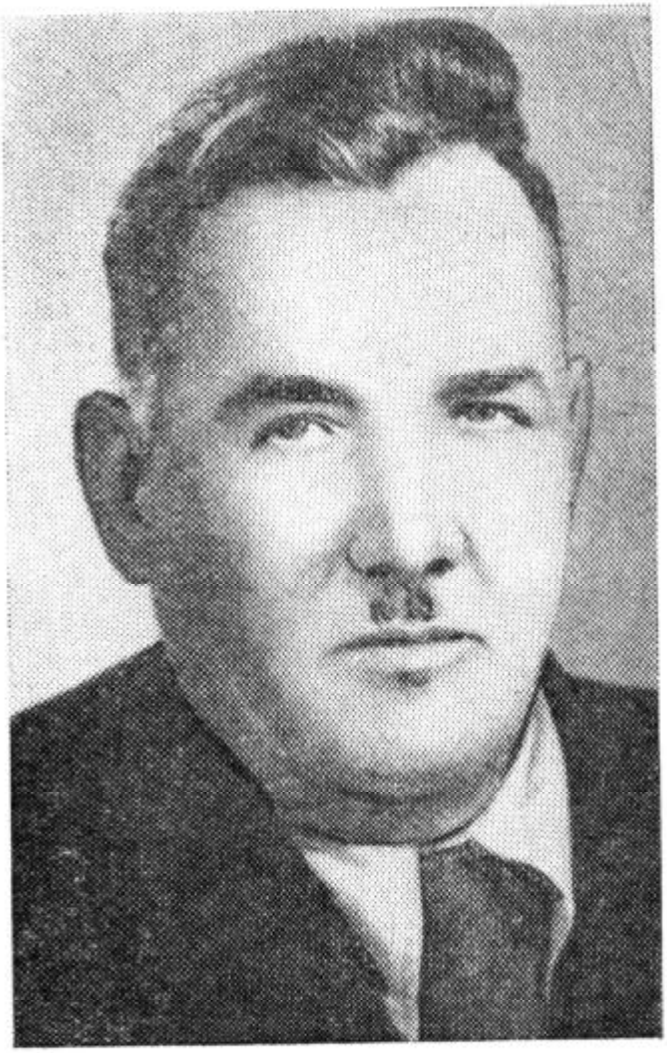
— Дорогу к Лишне со стороны Санока построили после войны,— пояснил Пастущак.— Раньше к нам можно было попасть только через переправу. Лодки держал наш человек — Петр Баран.

Жилище Барана находится метрах в ста от Сана. Это типичный сельский дом, обшитый снаружи досками. Внутри — чисто, уютно, на стенах фотографии.

— Прошло много времени,— вспоминал Баран,— а я, как сегодня, помню командира Володю, разведчика Мишу, радиста Толю. Приходили ко мне обычно ночью. Если из лесу — то стучали в стенку под окном. Это был условный сигнал. А если из-за реки — подражали крику дикой утки. Частенько фрицы подсылали провокаторов. Придут и требуют водки, а потом заявляют, что партизаны. Но я то знал, что за «птицы» ко мне прилетели...

В этом доме у Сана Петр Баран живет с 1920 года. В 1948 году Баран вступил в ПОРП, а через три года стал старостой села. И вот уже более 20 лет подряд односельчане оказывают коммунисту Петру Барану свое доверие. Весьма примечательно, что на этом посту он заменил Иозифа Бодзяка, который пробыл старостой предыдущие 25 лет. Говорят, что в Польше это единственный случай, чтобы село за 50 лет имело только двух старост.

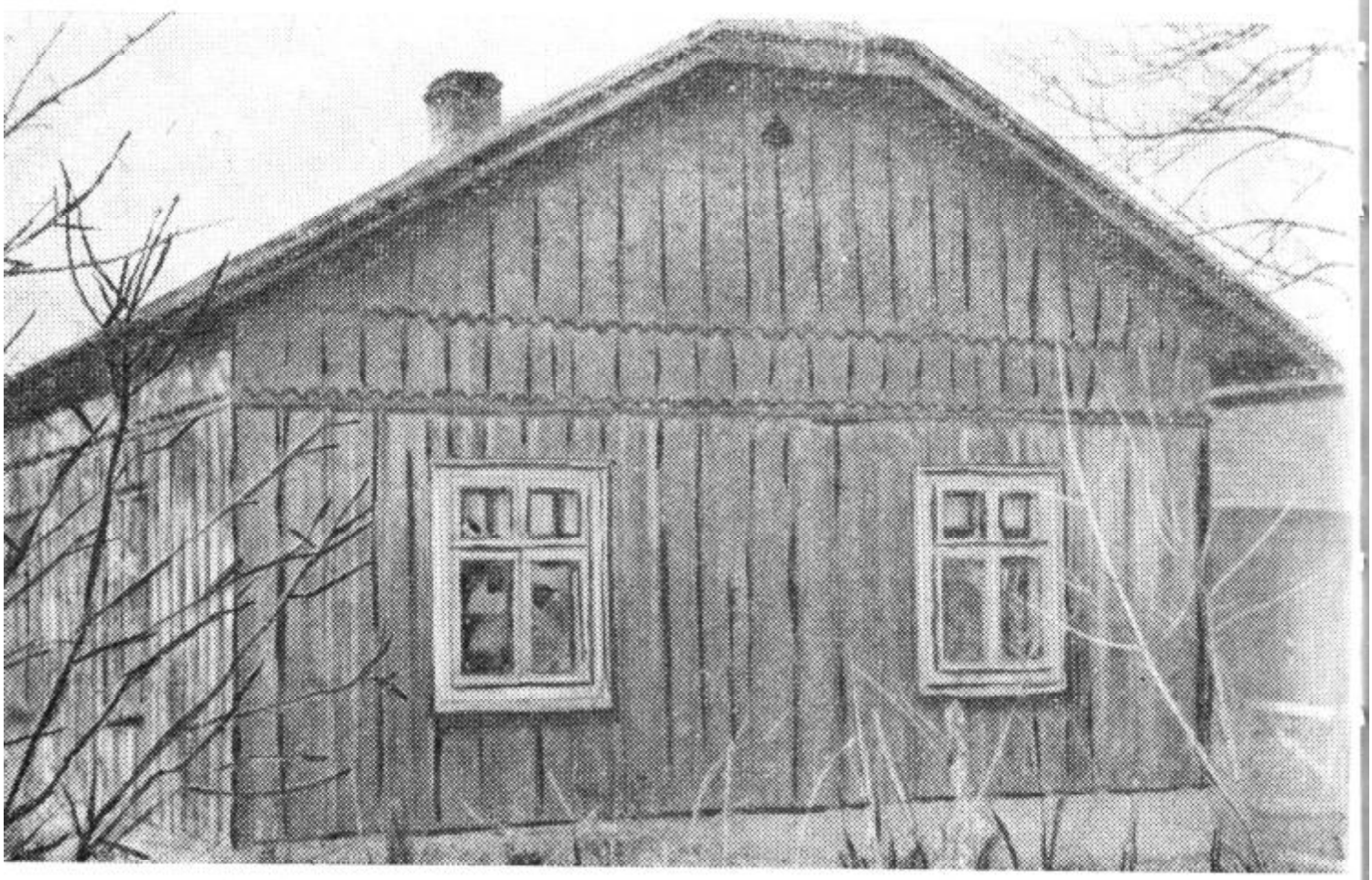
В мае 1944 года в неказистый домик семьи Бодзяка стекалась вся информация из села, хозяин его отлично знал, кто о чем думает, кому можно доверять, кого следует избегать.

П. Баран, связной. 1972 г.

В 1948 году Иозиф Бодзяк вступил в партию польских коммунистов. Сейчас ему почти 80 лет, но он сам пашет землю и страстно любит игру на народных инструментах. Многочисленный род Бодзяков вот уже сорок лет составляет прекрасный деревенский оркестр. Редкие свадьбы и народные гуляния обходятся без этого оркестра.

К дому Яна Риняка ведет узкая тропка. По ней десятки раз ходили сюда десантники. Именно сюда после схватки на переправе у Мжиглода пришел Михаил Имас.

В доме Петра Барана
партизаны всегда были желанными гостями.

На небольшом, как говорят поляки, копце, стоит высокий деревянный дом. Его окружает сад. Хозяин Ян Риняк охотно рассказал о первой встрече с Имасом.

— В тот день я поехал в лес по дрова и задержался. Имаса привел к нам мой племянник Владислав Риняк. Скрывался у нас Михаил дней шесть, а затем Владислав ушел с ним в партизанский отряд. Потом к нам частенько наведывались партизаны. Отличные, сердечные были парни. Как-то Михаил Имас привел к нам Леонида Ревенко — партизанского врача. Жена моя, родив сы-

на, тяжело заболела. Доктор помог, и Янина поправилась. В тот день партизаны подарили нам кусок парашютного шелка, так что первая рубашка для моего Антония пошита из советского парашюта. Разве забудешь этих парней, которые отучили бандеровцев заглядывать в наши села, берегли людей от фашистской неволи!

Добрые дела оставляют добрую память!

Многое связано в памяти местных жителей с бывшим ресторанчиком Франтишека Пастущака — явочным пунктом партизан. Он сослужил хорошую службу советским десантникам. Поскольку Лишня расположена в непосредственной близости от Санока, многие ее жители, особенно мужчины, были привлечены оккупантами к работе на танкоремонтном заводе. По воскресным дням, возвратясь в Лишню, парни заходили в ресторанчик. Пастущак знал, к кому из них можно обратиться. Так с танкоремонтного завода к пожарцам стали перекочевывать радиодетали и батареи, которые достать в тылу врага было чрезвычайно трудно.

Ресторанчик Франтишека Пастущака, домик старосты Иозифа Бодзяка, переправа Петра Барана, тайник в доме Яна Риняка были опорными базами партизанского отряда имени Пожарского в Бещадах.

Дорога привела к местам, где некогда располагался полигон «ФАУ-2».

— Если провести между Сендзишувом и Дембицей мысленную прямую,— пояснил Пастущак,— то это и будет западная граница бывшего гитлеровского секретного полигона.

Полный смысл слова «бывший» стал ясным по мере приближения к цели поездки. За ветровым стеклом «газика» мелькали зеленые квадраты озимины, еще голые после зимы деревья. А где же железобетонные сооружения бункеров, массивные пусковые площадки?.. Они ис-

чезли с лица земли вслед за своими мрачными создателями. Время и труд народа, строящего новую жизнь, превратили этот некогда страшный очаг разрушения в плодородные, дышащие миром и жизнью поля. И о кошмарном прошлом могут поведать лишь воспоминания свидетелей.

— Да! Да! Именно здесь находились пусковые площадки, сборочные цеха, жили гитлеровские офицеры и конструкторы, которые испытывали «ФАУ-2»,— подтвердил Пастущак.— Именно сюда мы направили советскую авиацию, и она разделалась с гитлеровским секретом.

Он набрал в шапку земли.

— Это прошу передать в Киев. Она обильно полита кровью наших и советских людей, сражавшихся здесь против гитлеровских захватчиков.

К рассказанному остается добавить, что бывший ресторанчик Пастущака перенесен в Санокский этнографический музей. В зале ресторанчика оборудуется музей партизанского отряда имени Пожарского. Фотографии, биографии советских и польских партизан, сохранившиеся подлинники и фотокопии документов, отчеты командования отряда, личные вещи, оружие и трофеи — вот часть его экспонатов. На месте же, где стоял ресторанчик в Лишне, польские товарищи намерены в ближайшее время поставить памятник в честь боевого содружества жителей этого села с советскими партизанами.

Так наша ратная дружба живет и переходит в память поколений.

Как сложилась судьба других героев этой книги?

Из Польши партизанский отряд имени Пожарского перешел в Словакию и принял активное участие в Словацком национальном восстании. В настоящее время мы работаем над второй книгой «Зона бури», которая расскажет об этом.

Традиционная встреча партизан под Киевом. 1969 г.

В декабре 1944 года отряд имени Пожарского совместно с другими партизанскими отрядами прорвал оборону немецко-фашистских войск и помог частям армии генерала Петрова выйти на территорию Чехословакии. За эту операцию генерал Петров непосредственно на передовой вручил командиру отряда и группе партизан ордена Отечественной войны. Прорыв партизанами линии фронта в районе сел Габуре—Боров—интересная страница из истории освобождения Чехословакии.

Л. Беренштейн среди членов советской делегации на Вестерплатте. Лето 1967 г.

В тот далекий декабрьский день погибли многие советские, чехословацкие и польские партизаны, пали на поле боя командиры рот Михаил Данильченко и Владислав Риняк. Андрею Кучерову осколком снаряда оторвало ногу. Остальные десантники из отряда имени Пожарского остались в живых. Они дождались победы.

Радист Анатолий Гузанов в марте 1945 года вновь улетел в тыл гитлеровцев. На этот раз в Моравию. Там он был радистом известной партизанской бригады имени Яна Козина. В настоящее время А. Гузанов живет

и работает в Одессе. В столице Украины живут врач Леонид Ревенко, автор этой книги и Александра Лунева. А. Лунева — инженер Министерства связи УССР. Герои книги — Александр Георгадзе и Семен Кикнадзе — тбилисцы, Иван Тюрин — волгоградец.

Нет среди живых Филиппа Похилько, Михаила Имаса, Ивана Кабаченко, Ивана Царенко. К сожалению, нам не известна дальнейшая судьба Андрея Кучерова.

* * *

Со времени описываемых событий прошло много лет, но бывшие пожарцы навсегда сохранили дружбу, рожденную в боях с фашизмом, высокий дух патриотизма и интернациональной солидарности. Своим вдохновенным трудом они приумножают мощь и богатства любимой Отчизны, всего социалистического содружества.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ 5
ЧЕРЕЗ ИРДЫНСКУЮ ТОПЬ 7
ПРОДОЛЖЕНИЕ БОЕВОГО ПУТИ . . . 29
«АВТОГРАФ» МИХАИЛА ИМАСА 46
ПАРОЛЬ: «МЫ ПЛАВАЛИ В ОДНОЙ ЛОДКЕ» 69
НОВОЕ ПОПОЛНЕНИЕ 76
ПОДАРКИ РОДИНЫ 81
ПОМОЩЬ ДРУЗЕЙ 83
ПАРТИЗАНСКИЕ БУДНИ 86
«ВИЗИТ» В БЫКОВЦЫ 94
ТОС — ТЕХНИКА ОСОБО СЕКРЕТНАЯ 102
«ВНИМАНИЕ! ПОДРЫВАЮ МИНУ!» . 116
ТАИНСТВЕННЫЙ ПОЛИГОН 132
ОТРЯД ДЕЙСТВУЕТ 151
ВОИНЫ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ . . . 159
КУСОК ПАРАШЮТНОГО ШЕЛКА . . . 169
УДАР ПО «ВУНДЕРВАФФЕ» 177
С ВИЗОЙ И ПАСПОРТОМ 195

БЕРЕНШТЕЙН
ЛЕОНИД ЕФИМОВИЧ
БЕЗ ВИЗ И ПАСПОРТОВ

Литературную запись осуществил
Анатолий Владимирович Русак

Политиздат Украины

Редактор Л. Д. Михайлова

Художественное оформление
В. Ф. Сентюрина

Художественный редактор
Н. К. Лычак

Технический редактор
В. И. Куликовский

Корректоры:
А. Д. Бондаренко, Н. М. Старцева